

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ИРАН

ИСТОРИЯ, ЭКОНОМИКА, КУЛЬТУРА

Памяти Салеха Мамедовича Алиева

МОСКВА

2009

ББК 63.3(5) (5 Ирн)
И77

Ответственные редакторы: *Н. М. Мамедова,*
А. М. Кулагина,
И. В. Зайцев

В19 **Иран. История, экономика, культура. Памяти С. М. Алиева** —
М.: ИВ РАН, 2009. — 222 с.: ил.
ISBN 978-5-89282-373-9

Сборник статей «Иран. История, экономика, культура» посвящен памяти ученого-востоковеда Салеха Мамедовича Алиева (1929–2006), доктора исторических наук, профессора, главного научного сотрудника Института востоковедения РАН, отдавшего всю свою жизнь изучению Ирана.

В книге собраны статьи друзей и коллег ученого, посвященные истории, языку, культуре, политике и экономике этой страны, воспоминания друзей и родственников о Салехе Мамедовиче, а также ранее не публиковавшиеся его труды.

ББК 63.3(5) (5 Ирн)

ISBN 978-5-89282-373-9

© Институт востоковедения РАН, 2009

С. М. Алиев

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Л. М. Кулагина, Н. М. Мамедова</i> ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ. О САЛЕХЕ МАМЕД-ОГЛЫ АЛИЕВЕ (1929–2006).....	9
ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ ТРУДЫ С. М. АЛИЕВА (1929–2006) <i>Составитель Н. Ф. Алиева</i>	13
<i>Октай Меликов</i> МНОГОГРАННЫЙ ЧЕЛОВЕК	19
<i>Хураман Али-Ага кызы Алиева</i> ЖИВШИЙ И РАБОТАВШИЙ В МОСКВЕ УЧЕНЫЙ-ВОСТОКОВЕД САЛЕХ АЛИЕВ БЫЛ ГОРДОСТЬЮ АЗЕРБАЙДЖАНА	21
<i>Ламеа Гасан-Заде</i> ВЫ В ПАМЯТИ МОЕЙ.....	22
<i>И. С. Алиев</i> ГЯНДЖА.....	24
<i>С. М. Алиев</i> КРИЗИС В АЗЕРБАЙДЖАНО-АРМЯНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В 90-Е ГОДЫ. ПРИЧИНЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ. (ПРОБЛЕМА КАРАБАХА)	25
<i>С. М. Алиев</i> КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТРЕХ ОСНОВНЫХ ГИПОТЕЗ ОБ ЭТНОГЕНЕЗЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ ТЮРОК.....	33
<i>Людмила Авдеева</i> ВЕНОК ПАМЯТИ.....	35
<i>Г. П. Авдеев</i> КРУШЕНИЕ МОНАРХИИ И ОБРАЗОВАНИЕ ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ — ВЕХИ ИСТОРИИ ИРАНА XX ВЕКА.....	41
<i>Е. А. Гладкова</i> К ВОПРОСУ О ПРЕФИКСАЦИИ КАК СПОСОБЕ ОБРАЗОВАНИЯ НЕОЛОГИЗМОВ	61

<i>Г. П. Ежов</i> МОНЕТЫ ЭПОХИ КАДЖАРОВ	69
<i>Г. П. Ежов</i> ПОЛВЕКА ТОМУ НАЗАД В ТЕГЕРАНЕ (ОТРЫВКИ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ СОВРЕМЕННОГО)	78
<i>О. И. Жигалина</i> К ВОПРОСУ О ВЫНУЖДЕННЫХ ПЕРЕСЕЛЕНЦАХ В ИРАНЕ И В СНГ	95
<i>М. С. Каменева</i> К ВОПРОСУ О РОССИЙСКО-ИРАНСКОМ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОМ ДИАЛОГЕ	102
<i>Л. М. Кулагина</i> К ИСТОРИИ РУССКО-ИРАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ.....	105
<i>Л. М. Кулагина</i> ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ РОССИИ И ИРАНА (XIX — НАЧАЛО XX ВВ.)	118
<i>Н. М. Мамедова</i> ЦЕНТРЫ ПРИНЯТИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В ИРАНЕ И ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСЛАМСКОГО РЕЖИМА	141
<i>Н. М. Мамедова</i> ИСТОРИЯ СОВЕТСКО-ИРАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ (1917–1991)	157
<i>А. Б. Оришев</i> ГЕРМАНИЯ И ИРАН: ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	171
<i>В. Ю. Перепёлкин</i> К ВОПРОСУ О ТРАДИЦИОННЫХ ФОРМАХ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ В ЭВОЛЮЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ АГРАРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ИРАНЕ	178

<i>А. М. Раванди-Фадаи</i> ЕВРЕЙСКАЯ ОБЩИНА В ИРАНЕ	187
<i>Ю. А. Рубинчик</i> ПЕРСИДСКИЙ ЯЗЫК И ЕГО РОЛЬ В ОСВЕЩЕНИИ РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ МУСУЛЬМАНСКОГО МИРА	190
<i>Г. Н. Сеидова</i> КУЛЬТУРНЫЕ И НАУЧНЫЕ СВЯЗИ ИРАНА И ДАГЕСТАНА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	196
<i>С. Э. Тальбова</i> ВЫБОР ТЕКСТА НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ ПЕРСИДСКОМУ ЯЗЫКУ	200
<i>Нугзар Тер-Оганов</i> ПИСЬМО Н. Г. ГАРТВИГА К. Н. СМИРНОВУ КАК ЦЕННЫЙ ИСТОЧНИК ДЛЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ АНГЛО-РУССКИХ ОТНОШЕНИЙ В ИРАНЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА	207
<i>А. С. Федорова</i> ВЫБОРЫ КАК ЭЛЕМЕНТ ИСЛАМСКОЙ ДЕМОКРАТИИ В ИРАНЕ	217

Л. М. КУЛАГИНА, Н. М. МАМЕДОВА

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ. О САЛЕХЕ МАМЕД-ОГЛЫ АЛИЕВЕ (1929–2006)

Салех Мамед-оглы Алиев, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, в котором он проработал 47 лет, ушел из жизни 18 ноября 2006 г. С. М. Алиев — историк-иранист, ученый огромной эрудиции, талантливый исследователь в области средневековой, новой и новейшей истории Ирана. Его труды, отличающиеся широтой мысли, всесторонним анализом, занимают значительное место в российском и мировом востоковедении. Помимо русского и родного азербайджанского, он владел персидским, турецким, арабским и английским языками.

Салех Алиев родился 12 декабря 1929 года в г. Кировабад (сейчас — Гянджа) Азербайджанской ССР. После окончания школы в 1947 г. он поступил на персидское отделение факультета востоковедения Азербайджанского государственного университета. После успешного окончания университета в 1952 г. С. М. Алиев начинает работу в Министерстве культуры Азербайджана, затем в Педагогическом институте г. Баку. В 1954 г. судьба привела его в Институт истории Академии наук АзССР в отдел зарубежного Востока, где определились его научные интересы, связанные с исследованием Ирана. В 1955 г. Салех Алиев приезжает в Москву и поступает в аспирантуру Института востоковедения АН СССР. Его кандидатская диссертация была посвящена известному иранскому историку и общественному деятелю Ахмеду Кесрави Тебризи. Осуществить разработку столь идеологически сложной темы диссертационной работы С. М. Алиеву помогло блестящее знание источников на персидском языке и склонность к аналитическому мышлению. Здесь же, в Институте востоковедения он встретил свою будущую жену, с которой прожил всю жизнь и воспитал двух замечательных сыновей. Салех Мамедович всегда гордился и своим детьми и своей женой — Натальей Федоровной Алиевой, ставшей одной из виднейших востоковедов нашей страны.

После окончания аспирантуры в 1959 г. он становится научным сотрудником отдела Ближнего и Среднего Востока, которым тогда руководил видный ученый Б. Н. Заходер. В Институте востоковедения в отделе Ближнего и Среднего Востока С. М. Алиев проработал до конца своих дней.

Научные интересы С.М. Алиева всегда отличались разнообразием и глубиной. Исследование источников по истории стран Ближнего и Среднего Востока, Кавказа всегда было в центре внимания С. Алиева, он вводил в научный оборот неизвестные ранее в отечественной иранистике указы сефевидских шахов, работы иранских, турецких и арабских историков, касающихся Средневековья. Крут его научных интересов постепенно расширялся, в последние годы в него вошли темы, связанные с историей тюркских народов, Турции и Османской империи, Азербайджана, происхождением азербайджанцев. Он работал переводчиком на выставках в Иране и Турции, с приезжавшими в СССР делегациями, выступал с лекциями от общества «Знание». Но главное внимание было сосредоточено на изучении процессов, происходящих в современном Иране, он брался за изучение и освещение в печати и на научных конференциях самых сложных и малоизученных проблем новейшей истории и всегда предлагал новые, нестандартные решения.

После мало кем в мире прогнозируемой революции 1979 г. в Иране, в отечественной и мировой науке развернулись не просто острые, а скорее ожесточенные споры по поводу сущности иранской революции, ее характера, причин падения шахского режима и прихода к власти духовенства. С.М. Алиев одним из первых выступил не только на научных дискуссиях, но и в печати с анализом характера и движущих сил революции. Весной 1979 г. в журнале «Народы Азии и Африки» (№ 3) была опубликована его статья «Антимонархическая и антиимпериалистическая революция в Иране», уже само название которой несло принципиальную характеристику иранской революции. Эта статья была затем опубликована на английском языке в Москве и в Пакистане, получив большой резонанс в мире и выдвинув С.М. Алиева в число активных участников мирового научного диалога по проблемам иранской революции. В следующем году появляются новые статьи С.М. Алиева, посвященные иранской революции, в журналах «Рабочий класс и современный мир» (№ 5) и «Азия и Африка сегодня» (№ 11), в которых он отстаивает свою точку зрения на вопрос о том, можно ли считать революцию исламской. По его мнению, несмотря на захват власти после падения монархии духовенством, несмотря на установление исламского правления, сама «иранская революция, естественно, не была движением религиозным» («Азия и Африка сегодня», 1980, № 11).

Докторская диссертация С.М. Алиева, защищенная в 1986 г. на основе изданной в 1985 г. монографии была посвящена такой актуальной проблеме как «Нефть и общественно-политическое развитие Ирана в XX веке». В ней С.М. Алиев, используя большое количество источников и литературы, показал возрастающую роль нефтяного фактора в политической и экономической жизни Ирана, уделив особое место такому важнейшему процессу в истории Ирана, как движение за национализацию нефтяной промышленности. Безусловным достижением этой работы был также анализ взаимоотношений Реза-шаха с Англо-Иранской нефтяной компанией. Беспристрастный

анализ ученого дополнен блестяще и живо написанными портретными характеристиками исторических деятелей. Значительное место в работе отведено истории революции 1978–79 гг. и прогнозу ее судеб.

С. М. Алиев являлся инициатором издания, ответственным редактором и автором разделов по истории Ирана справочников «Современный Иран», вышедших в 1975 г. и 1993 г.

Последней крупной работой и своеобразным итогом его научной деятельности стала книга «История Ирана. XX век», опубликованная в 2004 г. (645 стр.). Это первое наиболее полное и обобщенное исследование политической истории Ирана в XX веке. Анализ общественно-политических событий, сыгравших наиболее значимую роль в исторической судьбе Ирана, проведен автором как с учетом вышедших ранее в нашей стране и за рубежом работ, так и на основе не публиковавшихся ранее архивных материалов и документов. Автор широко использовал работы, опубликованные на Западе в последние годы, при этом сопоставлял работы разных исследователей, критически оценивал объективность фактологического материала и его оценки. Подверглись пересмотру некоторые подходы советских авторов, вынужденных ранее при написании работ считаться с определенными идеологическими установками.

С. М. Алиев воспитал многих аспирантов, особенно из Азербайджана, бескорыстно консультировал стажеров и молодых научных сотрудников, приехавших в Москву из республик Закавказья и Средней Азии, которые стали заметными фигурами в научной и политической жизни в своих странах в постсоветский период. В последние годы С. М. Алиев большое внимание уделял вопросам истории Азербайджана, этногенеза азербайджанцев. Многие москвичи-азербайджанцы помнят его прекрасные лекции по истории Азербайджана, организованные Обществом «Оджаг». В 1988 г. С. Алиев стал одним из создателей Общества Азербайджанской культуры «Оджаг» и долгие годы являлся заместителем председателя этой организации.

С. М. Алиев поддерживал активные связи с зарубежными учеными Европы, США, Азии и особенно Ирана и Турции, часто выезжал в научные командировки в разные страны, участвовал в работе многих международных конгрессов, конференций, симпозиумов, проходивших как в нашей стране, так и за рубежом, был одним из активных и постоянных участников конгрессов Турецкого исторического общества.

Его имя и его работы широко известны за рубежом. Он принимал активное участие в подготовке разделов для энциклопедий, издающихся в США и в Турции. Более двух десятков статей, написанных им на турецком языке, были опубликованы в издающейся в Турции «Исламской энциклопедии». Общий список публикаций С. М. Алиева насчитывает около 90 работ (см. раздел «Список работ»).

Деловые качества С. М. Алиева, его научные достижения были неоднократно отмечены благодарностями и поощрениями Дирекции Института востоковедения и Президиума Академии наук.

Салех Мамедович Алиев был глубоко порядочным, отзывчивым человеком, снискавшим уважение и теплое отношение своих коллег по Институту. Светлая память о выдающемся ученом, активном общественном деятеле, принципиальном, добром и замечательном человеке сохранится в сердцах тех, кто его знал, и кто с ним работал.

ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

С. М. АЛИЕВА (1929–2006)

СОСТАВИТЕЛЬ Н. Ф. АЛИЕВА

1. Общественная и публицистическая деятельность Ахмеда Кесрави Табризи в 1932–1946 годах // Известия АН Азерб. ССР. Серия «Общественные науки». Баку, 1958, № 6. С. 121–134. Резюме на азерб. яз.
2. Рецензия на: *Керим Тахерзаде Бехзад*. Азербайджанское восстание во время конституционной революции Ирана. (на перс. яз.). Тегеран. 1955. 528 с. // Советское востоковедение. М., 1958, № 1. С. 146–149. Резюме на англ. яз.
3. Жизнь и деятельность Ахмеда Кесрави Табризи в 1920–1930 гг. // Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР. Вып. 36. М., 1959. С. 77–85.
4. Отношение Ахмеда Кесрави к проблеме реформы современного персидского языка и письменности // Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР. Вып. 30. М., 1961. С. 95–102.
5. Работы Ахмеда Кесрави по средневековью // Ближний и Средний Восток. М., ИВЛ. 1962. С. 131–143.
6. Проблемы истории иранской революции 1905–1911 гг. в современной персидской историографии // Сессия по вопросам истории и экономики Афганистана, Ирана и Турции. Тезисы докладов. М. 1962. С. 43–44.
7. Рецензия на: *Агахи А.* Распространение идей марксизма в Иране. Баку, 1961. 251 с. // Народы Азии и Африки. М., 1963, № 2. С. 197–199.
8. Иранский фонд ИНА АН СССР // Востоковедение. Фонды крупнейших библиотек Советского Союза. М., ИВЛ. 1963. С. 68–69. Совместно с Дж. Дорри.
9. К национальному вопросу в современном Иране // Краткие сообщения ИНА АН СССР. № 77. М., 1964. С. 45–60.
10. К вопросу о связях Бакинского и Тифлисского комитетов РСДРП с иранскими революционерами в 1903–1911 гг. // Славные страницы борьбы и побед. Баку. 1965. С. 189–212.
11. Иран // СИЭ. Т. 6. М., 1965. С. 257–259.
12. Ахмед Кесрави Табризи и проблемы иранской революции 1905–1911 гг. // Народы Азии и Африки. М., 1965, № 5. С. 66–74.
13. Неизвестный документ об иранской социал-демократической партии («Эджтимаюн-е амиюн») // Народы Азии и Африки. М., 1965, № 2. С. 133–139.

14. The problems of nationalities in contemporary Persia // *Central Asian Review*. L. 1966, vol. 14, № 1. P. 62–70.
15. Говорит третье поколение (Ответы ученых на анкету) // *Народы Азии и Африки*. М., 1967, № 5. С. 253–260.
16. Рецензия на: *Абдуллаев З.З. Формирование рабочего класса Ирана*. Баку, АН АзССР. 1968. 169 с. // *Народы Азии и Африки*. М., 1972, № 1. С. 201.
17. О роли халифе при Сефевидях в Иране, Азербайджане и Турции (С публикацией указа шаха Султана Хусейна) // *Народы Азии и Африки*. 1968, № 1. С. 136–145. Совместно с А. Панахян.
18. О датировке набегов русов, упомянутых Ибн Исфандийаром и Амоли // *Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы*. М., 1969. С. 316–321.
19. Рецензия на: *Миликян М.Д. Государственный строй современного Ирана*. М., «Наука», 1973, 127 с. // *Народы Азии и Африки*. М., 1975, № 6. С. 188–190.
20. Место Стамбула в общественно-политических связях просветителей Азербайджана, Турции и Ирана во второй пол. XIX в. // *Bul.: Association international d'etudes du Sud-Est Europeen*. (№ 12). Bucarest. 1974, № 2. P. 309–320
21. Современный Иран. Справочник. М., 1975. Отв. редактор и автор статей: Религии. С. 58–64; Политические партии. С. 85–95; История. С. 109–190; Музеи. С. 415–419.
22. Иран: Экономическая мысль // *Экономическая энциклопедия: Политэкономия*. Т. 2. М., 1975. С. 66–69.
23. Иран: Очерки новейшей истории. М., 1976. Автор глав: Антиимпериалистическое и демократическое движение 1949–1953 гг. С. 167–261; Иран в 1953–1961 гг. С. 263–290; Два направления во внешней политике. С. 409–468.
24. К вопросу об общественно-политических связях просветителей Азербайджана, Ирана и Турции во второй половине XIX в. // *Иран: Экономика. История. Историография. Литература*. М., 1976. С. 110–123.
25. Иран // *Современная Азия. Справочник*. М., 1977. С. 394–401
26. Место Стамбула в общественно-политических связях просветителей Азербайджана, Турции и Ирана во второй половине XIX века. // *Istanbul a la junction des culture Balkaniques, Mediterraneennes, Slaves et Orientales aux XVI—XIX-e siecles*. Bucarest, 1977. P. 437–448.
27. Очерки новой истории Ирана (XIX — начало XX в.). М., «Наука», 1978. 204 с. Член ред. коллегии.
28. Рецензия на: *Логашева Б.-Р. Туркмены Ирана*. М., 1976, 158 с. // *Советская этнография*. М., 1978, № 3. С. 187–188.
29. Interconnection of Ideology and Politics in the Middle East Countries // *XI World Congress of International Political Science Association. (Abstracts)*. М.: Nauka. 1979. 10 p.

30. Древний Иран и современность // VIII Всесоюзная конференция по древнему Востоку, посвященная памяти академика В. В. Струве. Тезисы. М., 1979. С. 4–7. Совместно с Кузнецовой Н. А.
31. Антимонархическая и антиимпериалистическая революция в Иране // Народы Азии и Африки. М., 1979, № 3. С. 45–57.
32. Иранская революция 1978–79 годов и рабочий класс // Рабочий класс и современный мир. М., 1980. № 5. С. 104–111.
33. Проблемы политического развития Ирана // Азия и Африка сегодня. М., 1980. № 11. С. 15–19.
34. Иран 60–70-х гг.: Социальные и политические сдвиги // Иран: Проблемы экономического и социального развития в 60–70-е гг. М.: ГРВА. 1980. С. 256–303.
35. Междоусобные войны и борьба за верховную власть в Иране после распада империи Надир-шаха // Иран: История и культура в средние века и в новое время. М., 1980. С. 27–66.
36. Ислам и революция в Иране // Ислам и политика. М., 1980. С. 49–68.
37. Рецензия на: *Revolution in Iran und Afganistan. Mardom namen. Jahrbuch zur Geschichte der Gesellschaft des Mittel Oriens.* Frankfurt am Main. // Berliner Ins-t für vergleichende Sozialforschung. 1980. 295 p.
38. Рецензия на: *Куканова Н. Ш.* Очерки по истории русско-иранских торговых отношений в XVII — первой половине XIX вв. Саранск. 1977. 228 с. // Народы Азии и Африки. М., 1980, № 1. С. 242–243.
39. Иран. Политическое развитие и основные политические партии // Проблемы развития стран современного Ближнего и Среднего Востока. Иран, Пакистан, Турция. М., ГРВА. 1981. С. 29–45.
40. Ислам и политика // Азия и Африка сегодня. М., 1981, № 12. С. 5–9.
41. Экономическая и идейно-политическая ситуация в Иране в 60–70-х гг. // Актуальные проблемы идеологии национально-освободительного движения в странах Азии и Африки. М., 1982. С. 426–446. Совместно с Надер Хасан.
42. Iran's anti-monarchist and anti-imperialist revolution // *The Near and Middle East Countries: Economy and Policy.* М., 1982. С. 30–55.
43. Ислам и современность // Пресс-бюро «Правды»: Бюллетень для «Блокнота агитатора». М., 1982, 5 августа, № 16, 4 с.
44. Ислам и современность // Агитатор Таджикистана. Душанбе, 1982, № 12. С. 21–22.
45. Важнейший вопрос иранской революции на нынешнем этапе развития // Специальный бюллетень. № 1 (223). М., 1983. С. 9–19.
46. Iran's anti-monarchist and anti-imperialist revolution // *Pakistan, Iran and Turkey. Economy and Policy.* Ed. by A. Rauf Malik. Lahore, 1984. P. 30–35.
47. Нефть и общественно-политическое развитие Ирана в XX в. АН СССР. Ин-т востоковедения. М.: Наука, ГРВА. 1985. 302 с.
48. Неоднозначность влияния исламских течений на международные отношения // Влияние «исламского фактора» на международные отношения

- в Азии и Северной Африке и политика Запада на современном этапе. М., 1985. С. 21–26.
49. *Дорошенко Е. А.* Шиитское духовенство в современном Иране. 2-е изд. М.: «Наука», 1985. 229 с. Ответственное редактирование, совместно со Смилянкой А. М.
  50. Иран // Рабочий класс Азии. Справочник. М.: «Наука», 1985. С. 112–121. Совместно с Мустафабейли А. М.
  51. Ислам в современной политике стран Востока (конец 70-х — начало 80-х годов XX в.). М., 1986. Автор разделов: Усиление политической активности духовенства в Иране в 60–80-е гг. С. 131–138; Шиитская концепция государства. С. 138–145; Мусульманские левые накануне революции. С. 146–149.
  52. Iran: Influence of the October Revolution Ideas // The October Socialist Revolution and the Middle East. Lahore: „Peoples Publishing House”. 1987. P. 59–82.
  53. Иранская революция 1978–1979: Причины и уроки. М., 1988. Автор разделов: Государство и принятие конституции ИРИ. Ее содержание. С. 201–211; Президентские выборы, выборы в меджлис, формирование конституционного правительства. С. 212–218.
  54. Iran: Influence of the October Revolution Ideas // The October Socialist Revolution and the Middle East. New Delhi. 1988. P. 43–59.
  55. Сатанинская книга // «Азия и Африка сегодня», 1989, № 6, с. 12–15. Совместно с Паша-заде А.
  56. Рецензия на: *Emma Dunkan.* Breaking the Curfew. A Political Journey through Pakistan. L. Penguin, 1989. 31 p. // Народы Азии и Африки, 1990, № 4, с. 206–211. Совместно с Морозовой М. Ю.
  57. Об одной идее автономии Азербайджана (1917 г.) // Журнал «Хазар». Баку, 1990, № 4. С. 89.
  58. Современный Иран. Справочник. М.: Наука. 1993. Отв. ред. и автор разделов: «Исторический очерк. Иран в XX веке». С. 51–113. «Религии». С. 45–50.
  59. Oil and independence // Oil and Independence. Ankara, May 1995 (Short paper).
  60. Significant changes in Russian expansionist policy towards Iran (1906–17) // La Perse et la grand guerre. Par Oliver Bast, ed. Bibliotheque Iranne 52. 1994/5. P. 81–91.
  61. Contribution of the Turks of Russia to the formation of the Turkish nationalism in the Ottoman empire // VII Internationale kongress für Osmanische wirtschafts- und sozialgeschichte (1300–1920). Abstracts. Heidelberg, 1995. Bl. 9.
  62. Критический анализ трех основных гипотез об этногенезе азербайджанских тюрок // Тезисы доклада к 3-му Конгрессу этнографов и антропологов России. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1999. 3 с.

63. Caucasian Society and the Constitutional Revolution in Iran (part two) // The International Conference on the Iranian Constitutional Revolution. Institute for Iranian Contemporary Historical Studies. Abstracts of articles: 25–31. 1999.
64. Современное исламское возрождение и его особенности (на примере Ирана и Турции) // Ислам и политика. М., 2001, с. 21–44.
65. Significant changes in Russian expansionist policy towards Iran (1906–1917) // La Perse et la Grande Guerr. „Institute Francais de Recherche en Iran”. Teheran. 2002. pp. 81–82.
66. The end of world war 2: A crisis in the Soviet-Iranian relations. (The «Northern oil problem» and the issue of the Iranian Azerbaijan). Abstract. Tehran. (s. a.).
67. История Ирана. XX век. М.: ИВРАН — Крафт+, 2004. 645 с.
68. Джамиль Гасанлы. СССР—Иран: Азербайджанский кризис и начало холодной войны 1941–1946 гг. М., 2006. 557 с. Научный редактор.

Неопубликованные рукописи работ С. М. Алиева

1. Армянский вопрос в антисоветской стратегии спецслужб США и Запада. 11 стр. (без автора и места издания — видимо, справка).
2. Contribution of the Turks of Russia to the Formation of the Turkish Nationalism in the Ottoman Empire (Abstract) // VII International Kongress fur Osmanische wirtschafts und sozialgeschichte (1300–1920). Heidelberg (s. a.).
3. The Emergence of Turkish peoples in Anatolia, Azerbaijan and Iraq. (Abstract; the paper was presented in Turkish). (s. a.).
4. Crisis in Azerbaijan-Armenia relations in the last nineties (The problem of Karabakh). Background and results. (s. a.). 11 p.
5. Краткое заключение о книге Солмаз Али кызы «Восточная политика Коминтерна и Иран 1919–1943 гг.», представленной в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Без даты.
6. Отзыв офиц. оппонента на диссертацию А. Л. Рябцева «Торговля России со странами Востока в 18 в.» на соискание ученой степени доктора исторических наук. Без даты.
7. Şah İsmail Xetai ve Azerbaycanda Turk kimlii (Identity) // Konfrasina „Şah İsmail ve Tarih”. Xazar Univ. (s. a.). 1 bl.
8. Rusya—İran harbleri (XVIII–XIX yuzyillar) ve onların Azerbaycan Türklerinin ulus gibi oluşmasına ölümsüz etkileri. 10 bl.
9. Азербайджанская государственность и Россия. (тезисы доклада).

*Труды С. М. Алиева на азербайджанском,
турецком и персидском языках¹*

1. Критика трех подходов к истории Азербайджана (на азерб. яз.) // Тюрк Дюньясы, 1994 (ежегодник).
2. *Aliiev Saleh Muhammedoğlu*. Azərbaycan Türklerinin Etnik Menşeyine Dair Üç ana gorusun eles tirisi // Türk dünyası araştırmaları. Sayı 116. İstanbul, 1998, s. 91–104. («Критика трех концепций об этногенезе азербайджанских тюрков»)
3. *Aliiev Saleh Muhammedoğlu*. Azərbaycan Türklerinin Etnik Menşeyine Dair Üç ana gorusun eles tirisi // XII Türk Tarih Kongresi. II. Cilt. Ankara: Atatürk Kültür ve Tarih Yüksek Kurumu. 1999. p. 293–308.
4. Статьи в „İslam Ansiklopedisi“. Türkiye Diyanet Vakfı (на турецк. яз.).
  - a. Derlend. Vol. IX. İstanbul, 1994. S. 164–166.
  - b. Hasan Rumlu. Vol. XVI. İstanbul, 1997. S. 346–347.
  - c. Hürremiyye. Vol. XVIII. İstanbul, 1998. S. 500–501.
  - d. İbn Fadlan. Vol. XIX. İstanbul, 1999. S. 477–479.
  - e. Osmanlı–İran Münasebetleri. Vol. XXII. İstanbul, 2000. S. 405–409.
  - f. Kafkasya. Tarih. Vol. XXIV. İstanbul, 2001. S. 158–160.
  - g. Kuba. Vol. XXVI. Ankara, 2002. S. 297–298.
5. Tarix — yaddaşdan başlayar. (Yaşar Garayevin „Tarix: yaxandan va uzaqdan“ kitabına oxuyarkan). (История начинается с памяти. (О книге Яшара Гараева «История: близкая и далекая») // Adabiyat Gazeti, may, 1998.

Литература о С. М. Алиеве, воспоминания, отзывы и рецензии

1. Муталлимов Х. Востоковеды: (С. Алиев) // Азербайджан. 1973, № 6. С. 171. (На азерб. яз.)
2. Хазанов А. История без «белых пятен». Монография проф. Салеха Алиева прослеживает эволюцию иранского общества на протяжении всего XX века // Известия, 17.06.2005, № 101. С. 13.
3. Авдеев Г. С. Алиев: новое освещение истории Ирана в XX в. // Иран сегодня. 2007, № 1 (7). С. 42–44.
4. Милибанд С. Д. Алиев Салех Мамед оглы // Словарь отечественных востоковедов с 1917 г. Книга 1. М.: «Наука», 1995. С. 60–61.

---

1 Есть варианты в написании имени автора: S. Aliev; Muhammedoglu; Saleh Mamedoglu etc.

ОКТАЙ МЕЛИКОВ

*Доктор геолого-минералогических наук,
ведущий научный сотрудник Азербайджанской Государственной
Нефтяной Академии*

МНОГОГРАННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Салех Алиев родился в древнем городе Гяндже, родине великого Низами Гянджеви, 12 декабря 1929 г. Если коснуться его генеалогического древа, то можно вспомнить, что его дед со стороны матери Гаджи Алекпер был известным в Азербайджане коммерсантом, которого уважали не столько за состояние, сколько за меценатство. Отец — Мамед Алиев — в списках состоятельных людей не значился, но снискал большой авторитет своей неподкупной честностью, глубокой порядочностью и добротой. У Мамед киши (1885) и Рахили ханум росли три прекрасных сына: Тофик (1928), Салех (1929) и Рашид (1934). Совместно с ними в то время в частном дворе жила сестра Ханум со своей семьей. У нее было два сына: Гамза (1904) и Мамед Таги (1912) — в честь дяди Мамеда. У Гамзы было три сына: Октай (1935), Ариф (1937) и Акиф (1939). Они участвовали в Великой Отечественной войне. Гамза погиб в 1944 г. Мамед Таги вернулся из плена в 1946 г. В дальнейшем он преподавал физику в одном из институтов.

Отец Мамед киши Гусейнгули и мать Гюлли ханум имели 6 детей: Мамед (1885), Халил, Ахмед, Ханум, Фируза, Зарнишан. Старшая сестра вышла замуж за Меликова Джабраила — моего деда. У Мамеда киши были 4 тети и 1 дядя. Дядя Мамеда киши Зульфугар (1901–1971) был академиком, профессором по хирургии, заведующим кафедрой мединститута. Внук тети Говхар Нариман Ширинов (1929) был член-корр. РАН по ветеринарным наукам.

Отец Салеха Мамедкиши женился на молодой дочери Гаджи Алекпера Рахили (1908) в 1926 г. Гаджи Алекпер имел 4 сыновей и 1 дочь. Сыновья Наги и Субхи погибли в Отечественной войне. Надир и Исах (отец Тамерлана) вернулись с войны и работали в Баку.

Брат Гаджи Алекпера, Абдурахман, жил на соседней от Мамедкиши улице. Старший сын Абдурахмана — Мусса Мусаев (1923) является академиком АН Азербайджана, работает директором Института зоологии. Другой сын Рузи (1933) является доктором технических наук, а Фаик (1939) — кандидат медицинских наук.

Когда я поступил в институт в 1952 г., старший брат Салеха Тофик уже был аспирантом, а Салех в то время учился в университете. В 1961 г.

я, будучи аспирантом, был командирован в Москву. Там я встретил Зейнала Тагизаде, отца Аиды ханум (супруги Тофика). И он мне предложил пойти к Салеху. Супруга Салеха Наталья встретила нас очень радушно и познакомилась с родителями.

Однажды Салех пригласил меня в свой институт на встречу Нового года (1962). Зима была очень холодная, температура доходила до -30 градусов. Салех сказал, что надо проводить его друга домой, а потом мы пойдем к нему домой. Фамилия его друга была Трубецкой (внук декабриста). Ноги друга были в протезах, и Салех нес его на плечах. Я помогал. Мы донесли его до квартиры, где он проживал, а затем пошли домой к Салеху. Как-то, когда я был в Москве у Салеха, он показал мне коллекцию раскопок фауны, собранные Ильясом в своем дворе. Я определил, что это фауна Юрского периода. Я по специальности являюсь палеонтологом.

Будучи в Баку, когда Тофик был ректором Нефтяной Академии, Салех заходил ко мне на работу. Он так легко находил общий язык с моими коллегами, что они до сих пор помнят его интересные беседы.

Вспоминается свадьба Фуада, сына Тофика. Тогда сагдышом был Арслан (сагдыш — правосторонний проводник жениха — родственник или друг). Солдышем был Тамерлан, сын дяди Исаха (солдыш — левосторонний проводник во время церемонии). Они должны были встретить невесту.

ХУРАМАН АЛИ-АГА КЫЗЫ АЛИЕВА

*научный сотрудник института востоковедения
Академии Наук Азербайджанской Республики*

ЖИВШИЙ И РАБОТАВШИЙ В МОСКВЕ УЧЕНЫЙ-ВОСТОКОВЕД САЛЕХ АЛИЕВ БЫЛ ГОРДОСТЬЮ АЗЕРБАЙДЖАНА

Я была знакома с ученым-востоковедом, профессором Салехом Алиевым в период работы в правлении азербайджанского республиканского общества «Знание». Я с гордостью вспоминаю годы работы рядом с этим ученым. У наших азербайджанских слушателей было в то время два любимых лектора: Герой Советского Союза, академик Зия Буниятов и профессор Салех Алиев. Лекции этих ученых воспринимались слушателями с большим интересом. А лекции Салеха Алиева по истории Азербайджана навсегда врезались в нашу память. Слушатели с нетерпением ждали его приезда из Москвы для прочтения очередной лекции. Всем доставляло удовольствие говорить, обмениваться мыслями или дискутировать с ним потому, что он умел в беседах на разные темы высказывать свою точку зрения, подтверждая ее неоспоримыми фактами. Он был ученым, обладающим широкими знаниями. Салех Алиев читал лекции не только в Азербайджане, России, но и в зарубежных странах. По уровню знаний его можно поставить в один ряд с авторитетными учеными мира. Он был иранистом, и поэтому больше всего был известен в восточных странах. Когда я была в Москве, то слышала приятные слова о нем как из уст работников Всесоюзного общества «Знание», так и высказываниях ученых АН СССР.

В действительности Салех Алиев был человеком с высокой культурой, отзывчивым, скромным, добродушным. Он очень любил своих друзей и семью.

Светлая память о Салехе Алиеве навсегда останется в сердцах всех людей, которые его знали и любили.

ЛАМЕА ГАСАН-ЗАДЕ

ВЫ В ПАМЯТИ МОЕЙ...

Считается, что мы умираем не тогда, когда наступает физическая смерть, а когда уходим из памяти и сердца тех, кто нас любил. Мне кажется, дяде Салеху уготована вечная жизнь, ибо невозможно забыть человека его уровня. В нем было все — мудрость, интеллигентность, глубокий ум, тонкий юмор, бескорыстие, доброжелательность, скромность. Он был человеком Высокой Души и Высоких Помыслов.

Йм восторгались, к нему тянулись, его общества искали, его мнением дорожили. Когда он приезжал в Баку, у нас не смолкал телефон и не закрывались двери. Встречи с ним искали люди, и близко знавшие его, и не очень. Он был нужен, с ним было интересно, каждое его слово впитывалось слушателями. Беседа с ним была пиром для души. Ибо, кроме глубоких знаний в самых различных областях, он обладал еще и редким даром рассказчика. Где бы ни появлялся дядя Салех, какие бы высокие люди его ни окружали, он всегда был в центре внимания — красивый, аристократичный, уверенный, дружелюбный.

В последний раз я его видела, когда он приезжал на годовщину смерти моего отца — своего брата. В тот раз он остановился у меня. И, уезжая, сказала: «Мне очень тепло было у тебя. Теперь всегда буду приезжать именно к тебе». Увы... А я в эти несколько дней поняла, насколько мы с ним были близки по духу.

Ричард Бах писал: «Не приходи в уныние при расставаниях. Прощание необходимо для того, чтобы вы смогли встретиться вновь. А новая встреча, спустя мгновение или многие жизни, несомненна для тех, кто является друзьями». Мне очень хочется верить, что несмотря на разницу в возрасте, он воспринимал меня как друга. Для меня главное в жизни — не разочаровать, не обидеть, не огорчить нескольких людей на земле и в земле. Дядя Салех — один из этих немногих людей.

И я могу только бесконечно благодарить Судьбу за то, что в моих жилах течет кровь братьев Алиевых — дяди Тофика, дяди Салеха и моего отца Рашида.

Не стоит тревожить боль,
Слова сожаления жалки...
Я просто играю роль
С глухим безразличием маски.

Избавьте хотя бы на день
От ваших пустых разговоров,
Пусть грусти немислимой тень
Укроет от пристальных взоров.

И. С. АЛИЕВ

ГЯНДЖА

Однажды мы с папой были в Гяндже. Ему было уже за семьдесят, мне за тридцать. Был теплый августовский вечер. Мы погуляли в парке, сходили на реку и шли обратно домой. Как всегда, много и напряженно о чем-то говорили, спорили об Азербайджане, об укладе жизни в Гяндже, об обычаях, об отношениях мужчин и женщин и много еще о чем. Шли довольно долго, практически безлюдными узкими непрямыми гянджинскими улочками вдоль высоких мощных оштукатуренных заборов, скорее, стен, за которыми скрыты от взглядов дома деревья и небыстрая неизменчивая жизнь людей.

Папа вдруг замолчал, остановился на углу одной из таких стен, подошел к воротам, постоял немного. Ничего не говоря, приоткрыл калитку в воротах и, прежде, чем я успел его спросить, что он делает, зашел внутрь. Я удивился и поспешил зайти за ним. Он просто стоял во дворе дома. Было тихо. Где-то текла вода. В сумерках слева было видно крыльцо, глубь двора терялась в сумраке, который был еще гуще из-за тени довольно высоких деревьев. Я ждал, что папа что-то скажет, объяснит, расскажет очередную историю или приведет какой-то пример из жизни старой Гянджи. Он просто стоял и молчал, потом пошел к калитке. Мы вышли.

Когда мы оказались на улице, он еще помолчал и сказал, не глядя на меня: «Это был наш дом». И мы молча пошли дальше...

С. М. АЛИЕВ

КРИЗИС В АЗЕРБАЙДЖАНО-АРМЯНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В 90-е ГОДЫ. ПРИЧИНЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ. (ПРОБЛЕМА КАРАБАХА)

(Текст подготовлен к публикации и отредактирован
Н. Ф. Алиевой по черновому экземпляру 1991 или 1992 г.,
в котором не было приложено списка источников).

От ответственных редакторов: многие положения данной статьи
являются спорными, в основном, из-за отсутствия ссылок,
и отражают оценки событий на начало 90-х гг.

Политический кризис в Советском Азербайджане длится уже более двух лет. Первые признаки его проявились в связи с усугублением проблемы Нагорного Карабаха. Постепенно явления кризиса усиливались во всех областях общественной, политической и экономической жизни республики. Некоторые полагают, что стабильность в Азербайджане может быть восстановлена, если будет решена проблема Нагорного Карабаха. Но мы не думаем, что это мнение абсолютно правильно. Проблемы, возникшие в связи и во время конфликта в Карабахе, показывают, что в действительности признаки проявления кризиса обнаруживались и в сфере власти, и более того — во всей существующей ныне в республике политической системе. Те сдвиги, которые произошли в общественной жизни в целом, не могут быть вызваны только карабахской проблемой — здесь есть следствия и общих процессов, происходивших СССР, — в первую очередь, политики перестройки и попыток демократизации.

О причинах карабахского кризиса

Многие авторы в Азербайджане пытаются представить проблему Карабаха искусственно раздутой и навязанной. С этим трудно согласиться безоговорочно, особенно если вспомнить и проанализировать историю армяно-азербайджанских отношений хотя бы в XX веке. Она была, безусловно, омрачена уже теми массовыми убийствами в 1905 году, которые широко известны как тюркский (турецкий) геноцид армян. Далее происходили вооруженные

столкновения между азербайджанцами и армянами в 1918–1920 гг., и, наконец, постоянная вражда в связи с вновь возникшей проблемой Нагорного Карабаха. Так что история взаимоотношений между двумя народами-соседами только в XX веке имела много кровавых эпизодов.

Таким образом, чтобы восстановить нормальные мирные отношения между двумя народами, необходимо выявить истинные причины и природу описываемого конфликта. При этом было бы нежелательно настаивать на традиционном в советской историографии и политологии подходе: принято представлять в радужных тонах картину полного благополучия в отношениях между народами, объясняя любые сложности и конфликты происками иностранных разведок или простой недоброжелательностью местных жителей.

Обсуждая истоки карабахского кризиса, следует различать в нем два вопроса. Вопрос первый — проблема значимости Нагорного Карабаха в истории армяно-азербайджанских отношений и собственно армянский вопрос. Вопрос второй — как рассматривать названную проблему в целом с позиций теории национальной и политической организации СССР.

Согласно описанию, составленному чиновниками Российской империи в начале XIX века, в 1811 году в Карабахе проживало всего 12 тысяч семей, 9,5 из них — мусульманские (в большинстве азербайджанские) и 2,5 тысячи семей армян. После вторжения России в Закавказье, княжество Карабах было ликвидировано. Попытки армянских вождей восстановить армянское государство в Закавказье не были поддержаны Петербургом. Такая негативная позиция царских властей происходила, наряду со многими другими причинами, из опасения вызвать недовольство и противодействие со стороны мусульманского большинства населения Закавказья.

К началу XX века Нагорный Карабах как цельная провинция был включен в состав государства азербайджанцев, обладавшего частичной независимостью в составе России. Столицей провинции была признана Шуша, находящаяся и ныне на территории автономной области Нагорного Карабаха.

После февральской революции 1917 года и особенно после провозглашения в 1918 году независимых республик Грузии, Азербайджана и Армении, между двумя последними обострились территориальные споры. Особо остро при этом стоял вопрос о Карабахе. За овладение этой территорией между двумя республиками вспыхнули вооруженные столкновения. Однако после установления в Закавказье советской власти и образования там социалистических республик, споры о территориях Верхнего Карабаха и Зангезура были погашены. Принимая во внимание этническое смешение населения этих регионов, руководство компартии решило, что будет неприемлемо определять границу между Азербайджаном и Арменией, основываясь только на национальной принадлежности жителей. В ряде случаев предпочтение отдавалось экономическим критериям, в частности, потребностям индустриализации.

5-го июля 1921 года, после долгих обсуждений и дискуссий, Закавказское бюро компартии приняло особое решение о Верхнем и Нижнем Карабахе. В этих заседаниях принимали участие и И. Сталин как член ЦК ВКПБ, и члены Закавказского бюро: Орджоникидзе, Махарадзе, Киров, Нариманов, Назаретян, Мясников, Оракелашвили, Фигатнер. Факту наличия различных связей между Верхним Карабахом, Нижним Карабахом и Азербайджаном предавалось большое значение, и об этом много говорилось с целью обосновать сохранение Верхнего Карабаха в границах Азербайджана. Но все же было принято решение о придании ему автономного статуса, и некоторые из азербайджанских лидеров призывали, чтобы Закавказское бюро пересмотрело это решение.

Вскоре была образована специальная комиссия, которой было дано задание изучить обстановку, в частности, отношение рядовых жителей-армян в Верхнем Карабахе к включению их района в состав Азербайджана. После довольно болезненного обмена мнениями комиссия представила свои рекомендации, на основе которых 7 июля 1923 года был издан декрет Центрального исполнительного комитета компартии Азербайджана, провозглашающий автономию Нагорного Карабаха.

Следует отметить, что сами армянские руководители, в лице, например, одного из выдающихся партийных лидеров того времени Мирзояна, говорили о том, что вся проблема Карабаха была поднята вследствие особых мнений некоторых партийных и государственных деятелей, а также позиции националистически настроенной армянской интеллигенции.

Мы полагаем, что в основе принятия решения об оставлении Нагорного Карабаха в составе Азербайджана были не только те соображения, которые названы в упомянутом декрете. На самом деле, в партийном руководстве Азербайджана были весьма сильны позиции деятелей-немусульман. Но они не могли не признать, что армянские поселения в Карабахе находятся в плотном азербайджанском окружении. В крупных городах района, таких как Шуша и Ханкенди (позже Степанакерт), было смешанное, азербайджанско-армянское население. Вполне можно допустить, что и лидеры партии и правительства в Армении, такие как Микоян, Мирзоян и некоторые другие, поддерживали идею сохранения в Азербайджане значительной армянской общности, имея в виду тесные связи армянского населения Карабаха с жителями Баку и, особенно, богатые экономические перспективы развития нефтяной отрасли в Азербайджане.

Можно также привести характеристику карабахских армян, данную в одной официальной публикации 1928 года: «Карабахские армяне, будучи в антропологическом отношении, в образе жизни полностью идентичными своим братьям в Армении, в то же время в большинстве своем владеют азербайджанским тюркским диалектом и используют его наряду с родным языком». Это говорит о том, что сохранение Нагорного Карабаха внутри границ Азербайджана в то время не вызывало серьезных возражений со стороны его армянского населения.

С течением времени ситуация, однако, менялась. И это было связано с ростом по-разному проявляющихся националистических настроений в Армении. Армения и Грузия выдвигали территориальные претензии к Турции, поддерживаемые И. Сталиным и Л. Берией; проводилась шумная кампания репатриации армян из-за рубежа в Армению; массовые изгнания жителей-азербайджанцев с территории Армении в Азербайджан — все это свидетельствует о разжигании национализма в Армении. И, наконец, в 1945 году Арутюнов, первый секретарь ЦК компартии Армении, выдвинул предложение о передаче Нагорного Карабаха в состав Армянской республики. Маленков, первый секретарь ЦК КПСС, предложил главе компартии Азербайджана М.Т. Багирову выразить свое отношение к проблеме. Багиров, полностью отвергая все аргументы Арутюнова, заявил, что армянские районы Карабаха могут быть переданы Армении только при условии, что районы Карабаха в приграничной зоне, населенные преимущественно азербайджанцами, отойдут к Азербайджану. В действительности московское руководство вообще не считало нужным принимать всерьез претензии Арутюнова.

В начале 60-х годов, когда у власти стоял Н. Хрущев, некоторые представители Армении в Москве пытались склонить центральную власть к тому, чтобы увеличить территорию Армении за счет Азербайджана. Их активно поддерживал А. Микоян, председатель Верховного совета СССР и близкий к Хрущеву лидер; однако, эти происки не дали результата — вопрос даже не ставился на обсуждение в союзном правительстве.

В следующий период видные деятели Армении — политики, историки, журналисты — время от времени слали в ЦК КПСС и в Совет министров письма с требованиями уделить внимание разрешению проблемы исконных армянских земель, которые якобы были отняты у республики в начале 20-х гг. в результате неправильной, несправедливой политики Москвы. Некоторые из этих обращений были даже опубликованы в зарубежной прессе российских и армянских эмигрантов, однако власти страны отвечали на это глухим молчанием. Но в это время, в отличие от предшествующего периода, в Армении было много вызывающих, броских публикаций журналистов и историков относительно армяно-азербайджанских противоречий и вражды в прошлом, с целью разжигать вражду не только к Турции и туркам, но и к Азербайджану. Среди таких авторов подчас были деятели, занимавшие официальные посты, как, например, Джон Кирокосян. В более ранний период компартия и правительство Армении не допускали подобных публикаций.

Безусловно, были и различные объективные факторы, которые вели к ухудшению армяно-азербайджанских отношений. Так, расцвет национальной культуры, образования и науки, происходивший в этот период, способствовал консолидации азербайджанцев, укреплению национального единства. Обратной стороной этого процесса для армян в Азербайджане было известное ослабление их позиций в политической и культурной сферах.

Однако бакинские армяне, большинство которых входили в прослойки русскоговорящих жителей города, весьма слабо оказывали поддержку националистическим и анти-азербайджанским выступлениям и лозунгам. Напротив, армяне Карабаха весьма активно проявляли к ним сочувствие; процесс развития национализма шел в Карабахе намного энергичнее, чем среди бакинских армян.

Следует также иметь в виду, что попытки бакинских властей препятствовать связям между карабахскими армянами и самой Арменией привели к прямо противоположному результату: позиции и настроения националистов и сепаратистов заметно усилились, усилилось и стремление армян Нагорного Карабаха поставить вопрос об отделении от Азербайджана. И вполне понятно, что наступление условий гласности в эпоху перестройки означало создание благоприятной среды для выдвижения сепаратистских требований.

Довольно непростое дело — проанализировать настроения и мотивы тех, кто во время перестройки выдвигал такие требования.

Во-первых, в это время анти-сталинизм выдвинулся на первый план, и стало просто приписывать «анти-армянские» настроения И. Сталину, когда в 1921 году Закавказское бюро компартии принимало решение по статусу Нагорного Карабаха (хотя следовало бы учитывать, что в то время Сталин еще не имел такого влияния и власти, как позже).

Во-вторых, инициаторы движения за отделение Нагорного Карабаха возлагали большие надежды на М. Горбачева. Они рассчитывали, что известные армянские деятели в Москве, такие как академик Аганбегян, проф. Шахназаров, Ситарян и др., находясь в тесном контакте с этим руководителем Союза, смогут привлечь его сочувствие к армянам и проблеме Карабаха. Эта наша оценка подтверждается, в частности, тем фактом, что воззвание к отделению Карабаха прозвучало одновременно с публичным заявлением о необходимости воссоединения этого района с Арменией, сделанным Аганбегяном в Париже, на приеме, организованном в его честь Институтом Армении во Франции и Ассоциацией армянских ветеранов.

Несколько позже поэтесса Сильва Капутикян вместе с журналистом З. Балаяном имели встречу с М. Горбачевым. С. Капутикян, рассказывая об этом по армянскому телевидению, убеждала своих слушателей, что Президент положительно относится к идее отделения Нагорного Карабаха от Азербайджана. Инициаторы сепаратизма снова и снова, с разных сторон, подбирали аргументы, чтобы привлечь армянскую диаспору, в первую очередь в США и Франции, к организации широкого международного движения в поддержку стремлений армян Нагорного Карабаха к самоопределению.

Армянские эмигранты и некоторые связанные с ними политические группы сумели развязать анти-азербайджанскую кампанию в средствах массовой информации. Кампания велась под двумя лозунгами: 1) в прежние времена Нагорный Карабах относился к Армении, 2) армяне Нагорного Карабаха имеют право на самоопределение. Попутно пропагандировалось

мнение, что конфликт по поводу Нагорного Карабаха разгорелся из-за роста мусульманского фундаментализма в Азербайджане. Эти обвинения сначала распространялись армянскими националистами внутри СССР, а затем постепенно выносились за его пределы с целью компрометировать азербайджанцев в глазах мировой демократической общественности.

На самом деле политики, которые выражали мнения азербайджанской общественности, никогда и не признавали особых прав армян на земли Карабаха и всегда последовательно опровергали измышления на эту тему. Действительно, в течение последних 13 столетий (с небольшими перерывами) Карабах постоянно находился под политическим контролем со стороны тюркских мусульманских государств. Азербайджанцы уверены, что регион Нагорного Карабаха есть часть территории АзССР, границы которой не могут переноситься без воли и согласия населения республики и ее руководства. Следует напомнить, что ни одна из советских республик не была мононациональной: везде было смешанное население. Более того, число жителей, обитающих вне границ исконной национальной административной территории, везде постоянно росло.

Уже на первых этапах нового конфликта по поводу Нагорного Карабаха также стали усиливаться азербайджанские националистические настроения. Идея суверенитета получила большую популярность среди населения республики. Поэтому призыв к отделению Нагорного Карабаха от Азербайджана был воспринят как попытка разрушения его территориальной целостности. Открытая поддержка этой идеи со стороны руководства Армении спровоцировала возобновление прежней вражды между двумя народами. Можно сказать, что рост армянского национализма способствовал усилению такового среди азербайджанцев. Сразу же начались кровавые столкновения в Нагорном Карабахе, затем последовал погром в Сумгаите и другие события.

Результаты кризиса и возможные пути его преодоления

Объем данной работы не позволяет нам рассматривать названную проблему подробно, поэтому мы изложим наше мнение кратко.

Как известно, кровопролитие продолжается. Президент Горбачев своим указом запретил создавать вооруженные силы в республиках, однако в Армении это происходит. С увеличением числа вооруженных сил растет опасность их использования против Азербайджана, который не имеет своей армии.

В ходе данного конфликта тысячи безвинных людей погибли, сотни тысяч азербайджанцев и армян остались без крова и потеряли свое имущество. В 70-х годах из Армении были выселены почти все жившие там азербайджанцы, более двухсот тысяч людей. Не меньшее число армян были вынуждены уехать из Баку, Гянджи и других мест в Азербайджане. Большинство

беженцев не были обеспечены жильем и нормальными условиями, их семьи прозябают в ужасном положении. Конфликт, разоженный на основе территориальных претензий армянских националистов, породил трагедию для жизни огромного числа семей в обеих республиках. Как представляется, в ближайшем будущем вряд ли возникнет возможность для восстановления нормальных отношений между двумя народами и их республиками.

У каждого крупного события или явления, даже такого ужасного и бесчеловечного, как армяно-азербайджанский межэтничный конфликт, подчас обнаруживаются какие-то положительные последствия. И тот политический кризис, который развивался в Азербайджане на первом этапе этого конфликта, раскрыл отрицательные стороны существующей системы власти, что способствовало изменению к лучшему разных сторон организации общественной жизни. Массы народа вышли на улицы, требуя проведения ясной и твердой политической линии относительно Нагорного Карабаха со стороны Первого секретаря ЦК КП Азербайджана Камрана Багирова. Когда стало очевидно, что он не способен вести на должном уровне диалог с противником, он потерял доверие народа. Москва была вынуждена признать это и выдвинула Абдурахмана Везирова, который был избран на эту высокую должность. Однако принятая тактика разрешения трудных ситуаций посредством передвижения руководящих фигур в данном случае положительного результата не дала. В напряженной обстановке, сложившейся после ноябрьских демонстраций и столкновений, в голосовании за Везирова приняли участие преимущественно номенклатурные чины и другие деятели, послушные правящей верхушке.

Летом 1989 года вновь сложилось критическое положение в связи с формированием Народного фронта (НФ) и возникновением ряда «неформальных» и оппозиционных групп и организаций. НФ и его сторонники добились ухода со своих постов первых секретарей КП Азербайджана в ряде районов. Затем НФ начал борьбу за захват власти в Баку. Ответ последовал со стороны Везирова и второго секретаря ЦК КП Азербайджана Поляничко, известного специалиста по политической игре и интригам, переведенного в Азербайджан после неудач в Афганистане. Они разработали и провели в жизнь политическую кампанию с целью выставить напоказ неопытность и политическую слабость руководства НФ и кое в чем преуспели. Одновременно эти два деятеля способствовали выходу на политическую арену немногочисленных группировок крайних националистов и консерваторов, прикрывавшихся лозунгами исламского фундаментализма, с целью дискредитации народного демократического движения. Но поддержки со стороны широких народных масс они не получили.

В то же время НФ продвинул в Верховном Совете республики закон о провозглашении независимости. Вслед за этим политическая борьба в Азербайджане сильно обострилась. Она достигла кульминации, когда 1 сентября 1989 года Верховный Совет Армении принял постановление «О воссоединении Республики Армения и Нагорного Карабаха», а затем

9 января 1990 г. — резолюцию о плане развития Нагорного Карабаха в рамках Армении.

Манифестации, бурно прошедшие в Азербайджане, полностью парализовали руководство республикой. Возможно, это было в первый раз в истории СССР, что в одной из восточных республик компартия реально оказалась под угрозой, и для ее спасения требовалась сила, военные действия. Одновременно с 13 января 1990 г. в Баку начались анти-армянские погромы — не без участия провокаторов, специально обостривших ситуацию, чтобы правительство было вынуждено направить войска для подавления оппозиции и жестоких столкновений. Однако военные гарнизоны активности не проявляли и держались в стороне, не вмешивались в конфликты. Специально вызванные отряды вошли в Баку только в ночь на 19 января, когда погромы уже сошли на нет. И все же десятки невинных людей попали под обстрел, женщины и дети оказались жертвами вторжения военных частей в Баку, осуществленного согласно плану союзных министров обороны и иностранных дел. Оппозиция была раздавлена. В Баку и его окрестностях было введено чрезвычайное положение.

Возобновились прежние административные упражнения. Специальные представители из Москвы объявили об отставке Везирова. Он был переведен в Москву, хотя его соратник Поляничко пока сохранил свое положение. Первым секретарем ЦК КП республики стал Аяз Муталибов, и он же вскоре был избран президентом. Политика нового руководства мало отличалась от линии Везирова. Его главной целью было сохранить руководящую роль ЦК, избегая всеми возможными путями непосредственного контакта и сотрудничества с оппозиционными движениями масс, которые следовало дискредитировать и обессилить. Иными словами, задача состояла в том, чтобы подавить процесс обновления демократического строя.

Мы можем лишь выразить веру в то, что единственный возможный путь для разрешения кризиса и разрядки армяно-азербайджанского конфликта — это была бы истинная демократизация структуры власти в обеих республиках.

1. Мама, Рахия-ханум

2. Папа, Мамед-киши

3. В родовом саду, Гянджа

4. Три брата: старший Тофиг (1-ый слева), средний Салех (2-ой слева), младший Рашид (1-ый справа)

5. Салех всегда был элегантно одет. 50-е гг.

6. С молодой супругой в Кремлевском дворце съездов. Конец 50-х гг

7. С женой Натальей и первенцем Арсланом

8. С сыном Арсланом, матерью жены Натальей Степановной и женой Натальей

9. С женой Натальей и сыном Ильясом

10. Братья всю жизнь были для него самыми близкими друзьями. На даче в Подмоскowie с братьями Рашидом (слева) и Гофигом

11. На даче в Овражках. Начало 70-х гг.

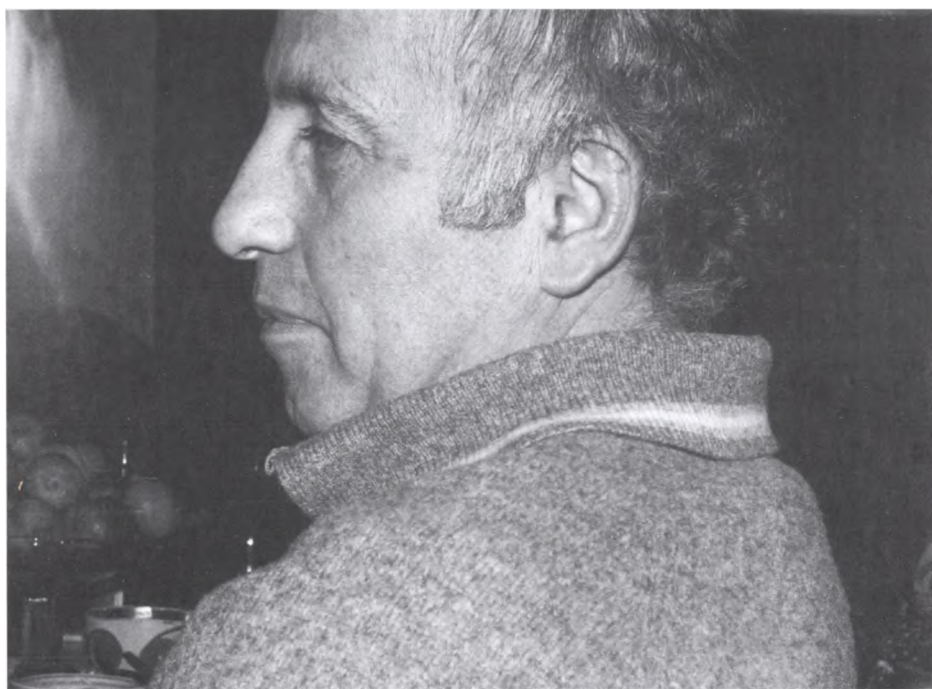
12. С внучкой Лейлой за преданной «Эрикой». Начало 80-х гг.

13. В московском дворе с семьей: Валентина Федоровна, сестра жены, жена Наталья, внучка Лейла, сын Арслан с женой Мариной. Начало 80-х гг.

14. С братом Рашидом в Баку. 80-е гг.

15. Конец 70-х — 80-е гг.

16. Конец 70-х — 80-е гг.

17. У Салеха было много научных контактов и в СССР, и по всему миру. С женой и академиком А.Н Сургуладзе в Тбилиси, в Грузии. 80-е гг.

18. Море он любил всей душой и по морю всегда скучал. Черное море, начало 80-х

19. Единственная песня, которую Салех пел иногда, была про горы, родные для него с детства. Абхазия, начало 80-х гг.

20. Черное море, начало 80-х

21. Грузия, 80-е гг.

22. За любимым делом: рассказывает о проблемах истории и общества молодым иранцам. Иран, 1979 г.

23. Говорить он любил, говорил страстно и умел увлечь любую аудиторию, от рабочих до академиков, от киргизских пастухов до лондонских журналистов. Лекция перед группой иранских ученых и деятелей. Иран, 1979 г.

24. Иран со своей непростой историей был для него постоянным источником научного вдохновения. 1979 г., с группой ученых и местных жителей

25. Иранские дети

26, 27. Салех Алиев блестяще знал и древнюю историю Ирана. Иран, Персеполис, 2001 г.

28. Салех тонко чувствовал иранскую поэзию и восхищался ею. Могила Саади, с сыном Ильясом. Шираз, Иран, 2001 г

29. Салех не упускал случая пообщаться с представителями самых разных социальных слоев. С группой кочевников в горах по дороге из Исфахан в Шираз, Иран, 2001 г.

30. Тегеран порастил Салеха при первом визите и всю жизнь волновал его. Тегеран, Иран, 2001 г.

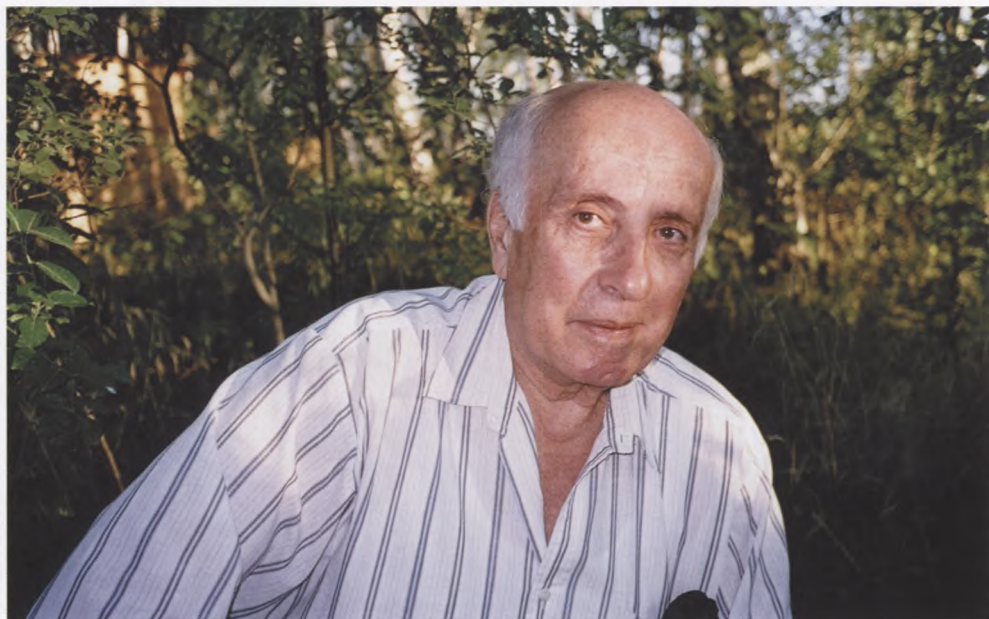
31. В последние годы командировок в Иран стало меньше, поэтому Салех был счастлив, когда предоставилась возможность посетить Иран с частным визитом. Кашан, Иран, 2001 г.

32. Как настоящий азербайджанец, любил чай и застольную беседу

33. Салех был склонен к ироничным шуткам. Мальдивы, 2002 г.

34. На даче у сына Арслана, 2002 г.

35. Баку, во дворе дома брата Гофига. 2004 г.

36. 2004 г.

37. Всю жизнь он шел к тому, чтобы написать исторически достоверную книгу про азербайджанских тюрок. К сожалению, труд этот закончить он не успел. Азербайджан, древние религиозные сооружения по дороге в Шамахы, 2003 г.

38. Салех любил жизнь и, как мало кто, умел ей радоваться. День рождения брата Рашида, 2004 г.

С. М. АЛИЕВ

КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТРЕХ ОСНОВНЫХ ГИПОТЕЗ ОБ ЭТНОГЕНЕЗЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ ТЮРОК

Тезисы доклада на III Конгрессе этнографов
и антропологов России (1999)

Вторая половина 30-х годов в истории Азербайджанской ССР отмечена репрессиями, осуществленными властями против представителей интеллигенции. Была «разоблачена» и подвергнута жестоким преследованиям большая группа ученых тюркологов, обвиненных в пантюркизме, троцкизме и тайном сотрудничестве с иностранными разведслужбами. В 1938 г. по инициативе И. Сталина и поддержке руководителя партийной организации республики М.Дж. Багирова был изменен официальный этноним тюрок Кавказа. Они стали «азербайджанцами», а язык их «азербайджанским». В партийном документе Багирова, заполненном им самим в 1937 г., в графе национальность написано «тюрок», а в графе родной язык — «тюркский». Но в следующем году, разумеется, он стал «азербайджанцем». Эта тихая реформа обусловила необходимость поиска предков для новоявленного азербайджанского этноса.

В результате многолетних «поисков», в которые были вовлечены и некоторые ведущие исследователи центральных научных учреждений СССР, были сформулированы три основные гипотезы об этногенезе и становлении азербайджанской народности. Они могут быть названы мидийской, албанской (речь идет о племенах так называемой Кавказской Албании) и древнетюркской, сторонники которой без каких-либо оснований утверждают, что в раннем средневековье на Кавказе проживали тюркские племена, в том числе огузско-тюркские. Авторы всех этих гипотез, или концепций, предполагают и настойчиво пытаются доказать, что азербайджанцы как народность сложились в древности или в раннем средневековье, являясь автохтонным населением Южного Кавказа. В то же время, утверждение покойного Б.Б. Пиотровского, виднейшего авторитета в области древней истории данного региона, о том, что «предки современных закавказских народов в древности жили на другой территории» (1959 г.) за последние четыре десятилетия подкреплены новыми результатами научных исследований и открытий.

В представляемом на обсуждение докладе раскрывается надуманный, фактологически и научно не обоснованный смысл названных гипотез. Главным стимулом при их разработке послужили, по всей вероятности, чисто политические мотивы. При этом, несмотря на их кажущийся патриотическо-националистический пафос, эти концепции содействовали, как и можно было предполагать, не росту национального сознания азербайджанских тюрок, а скорее формированию среди них комплекса неполноценности. Одновременно эти псевдонаучные концепции, поддерживаемые партийными и советскими лидерами республики, создали непреодолимые препятствия на пути развития исторической науки, в частности, в области изучения процесса проникновения на территории Азербайджана и Ирана тюркоязычных народов и племен. Известно, что указанное движение усилилось лишь после V в. н. э.

В докладе дается показ научной некорректности рассматриваемых гипотез, их отрицательное воздействие на изучение истории, тюркского языка и тюркской художественной литературы Азербайджана — особенно периодизации — (до сих пор курс «азербайджанской литературы» в вузах Азербайджанской республики начинается с творчества Низами, персоязычного поэта, который, как в советскую эпоху твердили, «был возвращен азербайджанскому народу великим Сталиным»). Наш критический анализ связан с постановкой вопроса о времени расселения огузских тюрок в крае и их консолидации в народность. Ядром тюркской народности, сложившейся на территории Азербайджана (иначе — Южный Кавказ и Северо-Западный Иран), явились ведущие огузско-тюркские племена: баят, йива, афшар, бегдили, а также каджары, халаджи, кыпчаки и др. Рассмотрены сведения о вкладе нетюркских этнических общностей в становление народности азербайджанских тюрок, их языка, культуры и менталитета. Затронут вопрос относительно существования в X веке небольшой по численности ираноязычной народности, бесписьменной, названной арабскими авторами того времени «азерийе». Основным районом ее расселения был ряд округов центральной части Южного (Иранского) Азербайджана.

ЛЮДМИЛА АВДЕЕВА

*Член Союза писателей России,
Международной федерации журналистов*

ВЕНОК ПАМЯТИ

Анна Ахматова, мудрая русская поэтесса, любила повторять, что «память — великая завиральница». Действительно, с течением времени мы не можем быть уверены в хронологической точности событий, в верности цитируемых высказываний, неизбежны сомнения и путаница, облик ушедшего постепенно стирается даже в самых близких, любящих сердцах.

Время неумолимо, и все чаще уходят из жизни те, кого мы любили, с кем были дружны или просто хорошо знакомы. Вот уже незаметно пролетели и два года, как нет среди нас Салеха Мамедовича Алиева, блестящего ученого, интеллигентного, энергичного человека, доброго семьянина. Но память то и дело подбрасывает какие-то кадры из его многоцветной, интересной жизни. Я вижу Салеха Мамедовича, то поразительно собранного, делового на заседаниях правления в Доме дружбы на Калининском проспекте в 70–80-х годах, то остро реагирующим на развернувшуюся дискуссию на конференции в Институте востоковедения, то беседующего с иранской молодежью в Тегеране, то за теплой беседой у стола в кругу семьи.

Познакомились мы с Салехом Мамедовичем в марте 1973 года, когда после возвращения из нашей первой длительной командировки в Иран мой муж Геннадий Авдеев стал ответственным секретарем Советского общества дружбы и культурных связей с Ираном (СОКСИ) в Союзе советских обществ дружбы (ССОД). Салех Мамедович в это время был одним из членов правления СОКСИ и пользовался уважением не только среди коллег, но и среди иранцев, высоко ценивших его знания и научные публикации. Он всегда участвовал во встречах советской общественности с членами высокопоставленных иранских делегаций. Прекрасное владение фарси, глубокие энциклопедические знания истории и культуры Ирана и соседних стран, восточная приветливость и общительность делали его незаменимым собеседником с иранскими гостями.

На заседаниях правления общества привлекало его внимательное отношение к выступающим, умение мыслить очень четкими категориями, поразительно остро и точно реагировать на каждое общественное явление, жизненные ситуации. В нем была потребность высказаться искренне и взволнованно, без нажима, но утвердить свою научную и жизненную позицию, к которым он относился очень серьезно и ответственно. Те же черты харак-

тера позднее я наблюдала и во время его выступлений на конференциях, организуемых сектором Ирана в Институте востоковедения и Культурным представительством иранского посольства в Москве. Внутренняя интеллигентность делала Салеха Мамедовича всегда приветливым в обращениях с женщинами, с которыми он обходился по-восточному галантно, с подчеркнутой обходительностью.

Оказалось, что наши семьи жили по соседству в районе метро «Красные ворота»: шестизэтажный серый дом Алиевых находится в Большом Козловском переулке в десяти минутах ходьбы от нашего такого же серого дома на Новой Басманной улице. С первых дней знакомства он, называя меня Людмила-ханум, всегда интересовался моими литературными делами, здоровьем моей мамы, которая после знакомства с ним уважала его за доброжелательность и приветливость. Иногда, возвращаясь с общих мероприятий вместе в метро, мы продолжали слушать его интересные суждения не только о его научных планах, но и о повседневной жизни, которая интересовала его во всех проявлениях. Эта близость проживания подбрасывала нам нередко случайные встречи на улице, в магазинах, давала возможность заглянуть друг к другу на огонек. В трехкомнатной небольшой по нынешним меркам квартире всегда было уютно, по-домашнему спокойно благодаря стараниям его жены Наташи. Салех Мамедович очень гордился ее успехами, которая успевала быть и прекрасной хозяйкой, и заботливой матерью; при этом она — известный ученый-индонезист. За чашечкой чая Салех Мамедович раскрывался как прекрасный рассказчик — благо его многочисленные зарубежные поездки давали ему разнообразные темы для воспоминаний, перемежавшиеся с чисто бытовыми и семейными рассказами, в которых главное место занимали его сыновья, которых он очень любил и которым дал отличное воспитание и образование. Они неизменно были для него предметом гордости.

Будучи заядлым книголюбом, Салех Мамедович был в курсе литературных новинок, хотя времени читать современную художественную литературу у него было в обрез — все основное время он посвящал науке, в которой иранистика была главным направлением. Однако это не мешало ему всегда внимательно выслушивать мои рассказы о прочитанном, о книжных презентациях и театральных премьерах. Общение доставляло нам радость взаимопонимания, так как во многом наши увлечения и интересы совпадали. С моим мужем Геннадием они часто встречались в бассейне «Москва» — оба они любили зимой насладиться перепадами теплой воды и морозного воздуха, которые придавали физическую бодрость и хорошее настроение. Он часто говорил Геннадию, что для него плавание не только удовольствие и развлечение, но возможность расслабиться и поддержать свое здоровье. Он вообще ратовал за здоровый образ жизни и поэтому никогда не курил и был равнодушен к алкоголю, хотя понимал толк в хороших сортах отечественных напитков. И, естественно, предпочтение отдавалось азербайджанской винной и коньячной продукции.

Запомнилось мне общение с Салехом Мамедовичем во время его приезда в составе делегации ученых-востоковедов в Тегеран поздней осенью 1980 года. Мы тогда с мужем работали в Тегеране в Иранском обществе культурных связей с СССР (ИОКС) на улице Весали Ширази. Офис ИОКС располагался в бывшем доме премьер-министра Каваме-ос-Салтане, известном многим тегеранцам. В состав делегации входили известные ученые-востоковеды из Института Востоковедения: заведующий отделом Ближнего и Среднего Востока Юрий Владимирович Ганковский, зав. сектором Ирана Артем Завенович Арабаджян, Салех Мамедович Алиев и народный поэт Азербайджана Наби Хазри. Время было беспокойное. Уже шла ирано-иракская война. В Тегеране часто отключали свет и воду, были перебои с бензином и снабжением продуктами, ночную тишину часто нарушали выстрелы зенитных пулеметов и глухие отдаленные разрывы иракских ракет. Но, несмотря на сложную обстановку, программа пребывания была насыщенной и ответственной, включая встречи с представителями новой высшей религиозной власти. Отношение к СССР было негативным, и поэтому, наверное, четко запомнилась встреча в военном госпитале в Тегеране, где Наби Хазри и Салех обращались к раненым на персидском и азербайджанском языке, рассказывая об исторических связях России и Ирана. И раненные иранские фронтовики, среди которых были совсем еще юные ребята, слушая речь гостей из Советского Союза, становились мягче душой, забывая свои физические страдания и боль.

Несколько раз Салех Мамедович со своими спутниками приходил к нам в гости на улицу Весали Ширази, далеко за полночь засиживаясь у нас в доме. Делились впечатлениями от военной обстановки в городе, вместе пили душистый жасминовый чай, вспоминая Москву, где жизнь отличалась от той, какой она стала в Тегеране после победы революции. Это были незабываемые дружеские теплые вечера, которые уже никогда не повторятся. При таком плотном расписании нам удавалось еще выкраивать время, чтобы выбраться в город. Отправляясь в город, первым делом он и его коллеги намечали посещение книжных магазинов, лавочек и развалов, откуда никогда не уходили с пустыми руками. Помню, как пришлось мужу писать «прошения» в Аэрофлот, чтобы пропустили лишний вес, который складывался из увесистых упаковок книг и журналов, необходимых для научной работы. Зашли мы один раз с Салехом Мамедовичем и на Тегеранский рынок, который утратил свой привычный шум и жил слухами и вестями с фронта. Салех Мамедович вступал в беседы с торговцами, интересовался жизнью людей в военных условиях, а те, чувствуя его доброжелательное отношение, охотно делились с ним своими бедами.

После возвращения в Москву, Салех Мамедович писал нам письма, рассказывая об изменениях в столице, давая советы мужу по его диссертации, и в каждом письме писал о здоровье моей мамы Нины Михайловны, которой не забывал звонить перед каждым своим посланием к нам. Когда ее

не стало в 2002 году, Салех Мамедович был среди тех, кто искренне выражал нам свое соболезнование, тепло вспоминая ее гостеприимство.

Последним масштабным и, вероятно, главным научным трудом Салеха Мамедовича Алиева стала книга «История Ирана. XX век». Мой муж, теперь уже профессор Военного университета, Геннадий Петрович Авдеев написал на нее обширную рецензию, с которой Салеху Мамедовичу не удалось ознакомиться. Но пусть она станет данью памяти человеку, которого мы считали своим искренним, близким другом. Он навсегда останется в ряду настоящего созвездия ученых-востоковедов, кто достойно представлял нашу советскую и российскую иранистику.

И еще одно имя — имя Салеха Мамедовича Алиева — я вплетаю в свой грустный поэтический цикл «Венок Памяти». Пусть светлая память о большом глубоком многогранном ученом, добром отзывчивом человеке и друге живет в его книгах, в воспоминаниях, в строчках стихов.

ЖИЗНЬ — МНОГОТОЧИЕ

*триптих памяти Салеха Мамедовича Алиева
(из цикла «Венок памяти»)*

1

«Бессмертие там, где слово с делом слито».

В переселенье верую души.

Пускай весной на каменные плиты

К тебе, Салех, слетятся соловьи.

Те соловьи далекого Ширази,

Что согревали песней Саади.

Пусть будут по-весеннему прекрасны

Вокруг тебя и травы, и цветы.

В своей ты жизни видел очень много,

Исколесив немало дивных стран,

Но там, на небесах на встрече с Богом,

Узнаешь, как тебя любил Иран.

И ты Ирану был душою предан.

Историю, как летописец, знал.

Да будет для тебя открыто небо.

Твои труды — твой вечный пьедестал!

2

Деревом станет тонкая ветка.
Годы промчатся со скоростью ветра.
Дождик весенний по крыше скребется —
То ли рыдает, то ли смеется.

Знает, что дом на земле наш не вечен.
Есть только миг для рождения песен.
Доброе дело, слово и мысль
Жизни даруют потерянный смысл.
Жизнь продолжается в прерванной песне,
В слове, звучащем из поднебесья,
В слове, которому жизнь напрозорчили.
Следом за словом идет многоточие.

Все возвратятся на землю когда-то:
Кто белой березой, кто птицей крылатой,
Кто летним дождем, кто цветком у дороги,
Но скрыть не могу в своем сердце тревоги,

Что Мудрости чашу допить не успею,
Строку не закончив, Алиев Салех
С брэнной земли вдруг шагнул в небеса.
Тело — земле. Небу — душа.

3

Еще один ушел в неведомую даль,
Чтобы узнать, что есть на небе ад и рай.
«Откуда мы пришли, там ждут опять нас всех».
Хайяма — мудреца ты повторил, Салех.

Все уже круг друзей. Их забирает смерть.
Но каждый на земле свою оставил весть.
Кричу я смерти: «Нет! Остановись, косая!».
Все уже круг друзей. Кого люблю — теряю.

Но слышу голос я: «Отсутствуя, мы рядом.
Мы продолжаем жить и в детях, и в сонатах,
В своих делах живем. Мы дышим в каждой строчке.
Не торопитесь ставить на нашей жизни точку.

Почтите лучше нас минутою молчанья.
Все ближе встречи час. Короче расстоянья.
Жизнь наша коротка, но уходя, в наследство
Мы оставляем вам свои труды и сердце».

Мне слышится в ночи мелодия Шопена.
Ушедшие друзья! Вы не подвластны тлену.
А солнца луч блеснет, мы чувствуем — вы рядом.
Ушедшие друзья нас провожают взглядом,

Приветствуют дождем, веселым детским смехом.
Среди стволов берез вдруг тень мелькнет Салеха
И прозвучит строка персидского поэта:
«У жизни нет конца, как нет конца у света».

Январь-февраль 2007 г.

Г. П. АВДЕЕВ

КРУШЕНИЕ МОНАРХИИ И ОБРАЗОВАНИЕ ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ — ВЕХИ ИСТОРИИ ИРАНА XX ВЕКА

Монография видного российского историка профессора Алиева Салеха Мамедоглы заняла почетное место в первом ряду научных изданий не только отечественной, но и зарубежной иранистики (*Алиев С.М. История Ирана. XX в. ИВРАН — Крафт+, М., 2004. 648 с.*)

Этот большой научный труд отличается отсутствием политической ангажированности и конъюнктуры и написан ученым, изучавшим Иран на протяжении всей своей жизни. Без всякого преувеличения можно сказать, что его монография достойно завершает его содержательную жизнь ученого ираниста, и в наследие специалисты по истории Ирана получили солидный труд, охватывающий все основные этапы развития Ирана в XX в.

Первое, что отличает работу С. М. Алиева, это то, что она написана не с идеологизированных позиций к освещению общественно-политических и исторических событий. На всей работе лежит отпечаток глобальных процессов, проявившихся во всех сферах гуманитарных наук, где история занимает ведущее место. Среди этих процессов, оказавших наиболее радикальное влияние на историю Ирана последней трети XX в., безусловно, следует указать иранскую революцию 1978–1979 гг. и развал Советского Союза начала 90-х гг.

Как историк востоковед С. М. Алиев выделялся из когорты отечественных иранистов не только обширной научной эрудицией, знанием восточных и западных языков, что наглядно просматривается в его монографии: в ней помимо российских источников использованы преимущественно ранее не известные или мало известные источники из зарубежной литературы, но и своей научной индивидуальностью. Ему было свойственно рассматривать проблему в комплексной взаимосвязи с другими историческими событиями и явлениями, что придавало его научным выводам убедительную аргументацию и доказательность.

С. М. Алиев предпринял попытку, как об этом справедливо заметил академик А. Хазанов в своей рецензии на монографию, и как мы увидим дальше вполне удачную, стереть «белые пятна» из истории Ирана, обратившись к архивным материалам Ирана, России, Азербайджана, Великобритании,

США и других стран. В основе его научного подхода лежал поиск правды, даже если она не совпадала с официальной точкой зрения отечественных или зарубежных политических кругов. Сейчас, когда отечественная наука, в том числе и иранистика, освободилась от пут партийного диктата, подобное положение, быть может, и не является чем особым и примечательным, но в советское время это могли позволить лишь немногие. Именно к этому числу относился и С. М. Алиев, который не стал слепо повторять партийные идеологемы относительно характера и движущих сил иранской революции 1978–1979 гг., а обстоятельно с научной проработкой всех сопутствующих процессов этого социально-политического феномена XX в. дал свою оценку этому явлению. В этом сказался высокий уровень научной подготовки С. М. Алиева, знание специфики и менталитета иранцев.

Фактологическая основа монографии С. М. Алиева «История Ирана. XX в.» была значительно обогащена за счет открытия секретных фондов, советских архивов. Извлеченные из них документы проливают свет на малоизвестные страницы политики большевистской, а затем и Советской России, в отношении своего южного соседа. Особенно интересными выглядят те разделы II и IV глав монографии, описывающие политику советской стороны при подписании советско-иранского договора 1921 г. и обстановку в Иранском Азербайджане и Иранском Курдистане в 1946–1947 гг. после вывода из Ирана советских оккупационных войск.

Автор использовал многие ранее не включавшиеся в научный оборот российскими учеными исторические документы, в которых освещены различные стороны деятельности ведущих шиитских богословов второй половины XX столетия.

Этот период в работе С. М. Алиева условно можно разделить на 4 этапа, в каждом из которых деятельность шиитского духовенства имела свою специфику, обусловленную внутренней и внешней обстановкой Ирана: первый, так называемый Мосаддыковский период, конец 40-х гг. — 19 августа 1953 г. (дата свержения правительства Мосаддыка); второй период (1953–1977 гг.): период правления шаха Мохамад-Реза Пехлеви и эра американского господства в Иране; третий период («хомейнистский» 1978–1989 гг.): период антимонархической революции и становления Исламской Республики Иран; четвертый период: период экономической и политической либерализации исламского режима А. Хашеми-Рафсаджани и М. Хатами.

Автор дает анализ участия видных шиитских богословов — муджахидов на фоне широкой панорамы общественно-политических преобразований иранского общества второй половины прошлого столетия.

Пожалуй, ни в одной авторской работе отечественных иранистов столь всесторонне и документально обоснованно не представлена история Ирана XX в. В начале XX в. вплоть до Первой мировой войны безраздельное господство в делах Ирана принадлежало двум империалистическим державам — царской России и Великобритании, к которым прибавилась Османская Турция, выступавшая союзницей Германии против

стран Антанты. Первые две великие державы проводили политику ограбления страны, активно прибирая к рукам финансы, инфраструктуру, рыбные промыслы южного Каспия, нефтепромыслы Хузистана. Ни одна из них не хотела видеть Иран сильным и независимым государством, и каждая, преследуя свои геостратегические цели на Среднем Востоке, стремились нарушить территориальную целостность Ирана. И если Россия в случае победы в войне была готова пожертвовать своим правом на сферу влияния в Иране в соответствии с российско-английским договором 1907 г. установлением контроля над Стамбулом и черноморскими проливами, то Великобритания серьезно готовила почву для отторжения Южного и даже Центрального Ирана (с. 79–80).

Вплоть до Октябрьской революции 1917 г. Россия и Великобритания придерживались единой политики в отношении Ирана, основанной на колониальных принципах «разделяй и властвуй». Об этом свидетельствует депеша временного поверенного в делах России в Тегеране В. Ф. Минорского в Петроград от 17 марта 1917 г.: «Считали полезным довести до сведения шахского правительства, что Россия по-прежнему будет придерживаться полного взаимодействия с Англией в персидских делах» (с. 88).

Представляется также важным вспомнить о том, как эволюционизировался вопрос о так называемой «автономии» территорий, заселенных курдами, иранскими тюрками (азербайджанцами) и туркменами при Временном правительстве России. Все эти три народа рассматривались в качестве объекта в проведении опыта по созданию национальных автономий с участием прикомандированных к российским консульствам советников по национальным вопросам «для известной агитации и для направления общественной мысли» (с. 91). Эти планы отвечали нарастающим интересам российской буржуазии, готовившейся к послевоенной экспансии на иранском направлении. Эти планы были похоронены Октябрьским переворотом 1917 г., когда советское правительство в своем историческом обращении «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» аннулировало все неравноправные договоры с Персией и заложило основы добрососедского развития (с. 93).

Особо хотелось бы затронуть вопрос о деятельности иностранных разведок и спецслужб на территории Ирана, нашедшие упоминание на страницах монографии. Известно, что Тегеран был и, естественно, есть, центр пересечения политических интересов многих стран, где сплетаются клубки интриг и тайной дипломатии, без чего не делается большая политика. Достаточно вспомнить деятельность разведок основных участников Второй мировой войны во время Тегеранской конференции 1943 г. глав антигитлеровской коалиции, увенчавшаяся победой союзников и полным поражением германской.

Малоизвестной страницей истории Ирана в годы Первой мировой войны, раскрытой в монографии С. М. Алиева, является деятельность разведслужб Германии и Османской Турции на территории Ирана. Их целью было вовлечение в войну против Англии и России афганского эмира Хабибулы.

Главным героем диверсионной деятельности был видный знаток Ирана германский капитан Оскар фон Нидермайер, который дважды за свою бурную биографию военного разведчика в годы Первой и Второй мировых войн побывал в русском плену, пока, в конце концов, не был приговорен советским военным трибуналом в качестве военного преступника к заключению на длительный срок и закончил свою жизнь в одном из сибирских концлагерей в 1948 г. (с. 87). Другим известным немецким агентам был Шюнеман, который активно проводил работу среди неперсидских народов Ирана и входил в группу Оскара фон Нидермайера. К активной разведывательной деятельности привлекался и будущий иранский публицист Сейф Азад, издававший в Тегеране в тридцатые годы журнал «Иран-е Бастан» («Древний Иран»), на обложке которого красовалась свастика, — в годы Первой мировой войны он входил в группу германского разведчика В. О. Хеттинга. Идеологическая сумятица в умах иранских интеллигенции подтверждается словами английского дипломата о том, что в Иране «симпатии к коммунизму среди интеллектуалов сочетаются с прогерманскими настроениями». Все это свидетельствовало о том, что националистические силы стремились воспользоваться новой геополитической ситуацией для укрепления своих позиций и оказания сопротивления диктатуре Реза шаха (с. 197–198). Естественно, имея в виду опыт немецкого кумира.

От себя добавим, что изображение свастики на обложке персидского журнала, рассказывающего об истории древних арийцев, нельзя рассматривать как повод для обвинения Сейфа Азада в приверженности фашистской идеологии, поскольку символ свастики в ведической религии древних арийцев, с которой тесно связана древнеиранская религия зороастризм, символизирует плодородие. Однако этот символ в тридцатых годах на обложке персидского журнала, безусловно, отражал нацистские взгляды самого Сейфа Азада и его симпатии к фашистскому фюреру.

Однако лидером в проведении политики «децентрализации» иранского государства была, безусловно, британская разведка, щупальца которой были широко разбросаны по всем странам Ближнего и Среднего Востока. В годы Первой мировой войны в зоне Персидского залива активно действовал английский политический резидент сэр Перси Кокс. Основные усилия этого агента были направлены на то, чтобы «застолбить» право Великобритании на свободный доступ к запасам нефти в провинции Хузистан, где в горном районе около небольшого иранского поселения Масджеде Сулейман возглавляемая британским финансистом д'Арси группа международных предпринимателей добилась успеха в промышленной добыче нефти. Она сразу же стала стратегическим сырьем, так необходимым военным морьякам Великобритании в защите своих колониальных владений к востоку от Суэца. Все усилия сэра Перси Кокса были направлены на «децентрализацию» Юго-Западного Ирана, а проще говоря, на отторжение абаданского месторождения нефти в пользу британской короны (с. 78). И только выход России из войны, и последующее укрепление центральной власти Тегерана в резуль-

тате подписания советско-иранского Договора о дружбе 1921 г. помешали англичанам осуществить свои планы аннексии иранской территории.

С позиций нового видения истории Ирана XX в. в монографии представлен период 20-х годов, в течение которых в высших эшелонах власти иранского государства, раздираемого сепаратистскими выступлениями племен практически на всей его территории, формировался новый центр силы, в появлении которого главную роль играл будущий основатель новой правящей династии Ирана Пехлеви — Реза хан. По насыщенности событиями и их влиянием на последующую историю Ирана, двадцатье годы прошлого столетия занимают особое место. Автор со ссылками на авторитетные источники подробно описывает политику Англии, озабоченную сохранением своих позиций в стране после ухода из Ирана России, находившейся в это время в дипломатической блокаде и пытавшейся всеми силами ее прорвать, избрав для этой цели государства к югу от нее — Иран, Афганистан и Турцию. С ними вскоре она заключит договора о дружбе, который для Ирана окажется весьма полезным, поскольку он выведет Россию из числа активно вмешивающихся во внутренние дела Иранских государств и объективно сыграет на руку будущему шаху Реза хану в его борьбе за высшую власть.

Отказ Советской России от всех имущественных прав в Иране и вывод русских войск с его территории, подтолкнул Англию использовать хорошо зарекомендовавший опыт колониальной политики в Индии и Афганистане по разделу контролируемой территории. С этой целью тот же Кокс, который в сентябре 1917 г. был назначен главой дипломатической миссии, а затем Верховным комиссаром Великобритании в Месопотамии, активно склонял британское руководство, в состав которого в то время входили лорд Керзон и будущие «миротворцы» Европы У. Черчилль и О. Чемберлен, к расчленению территории Ирана путем образования на юге отдельного государства под эгидой Англии (с. 138). Реализации подобной инициативы, по замыслу Кокса, способствовало то обстоятельство, что губернаторами провинций Исфаган, Йезд и Керман, были выходцы из бахтиярских племен, использовавшихся англичанами не только для охраны нефтяных промыслов юга Ирана, подавлении забастовок рабочих нефтяников, но и в более серьезных политических целях колониального характера — для разжигания сепаратистских настроений внутри страны, борьбы против демократического движения на севере Ирана, ослабления центральной власти. Все крупные ханы бахтиярских племен были куплены англичанами (там же). Другим опасным лидером сепаратистов на юге Ирана стал шейх Хазаль, добивавшийся с помощью англичан статуса полуавтономного правителя Хузистана и который в борьбе за власть стал личным врагом Реза хана (с. 155–156).

Противоречивость фигуры Реза шаха проявилась в течение всего его периода правления (1925–1941), названного в монографии, как годы диктатуры. Такая классификация была принята и в советской историографии, однако С. М. Алиев значительно расширил рамки и углубил изучение этого

периода, обратившись к ранее не использованным источникам на английском, французском, немецком, персидском, турецком, арабском языках.

Основное направление внешнеполитической деятельности Реза шаха, как об этом пишет автор, было британское, поскольку Англия оставалась верной своей цели «уйти, чтобы остаться», и посредством деятельности АПНК всячески стремилась обеспечить свои «значительные интересы» в зоне Персидского залива.

Годы диктаторского правления Реза шаха столь убедительно, ссылаясь на различные документы внешнего и внутреннего происхождения, описанные автором, подтверждают как известные сведения из истории Ирана этого периода, так и дополняют портрет Реза шаха дополнительными фактами его политической биографии. Ведя борьбу против АПНК и рассматривая нефть в качестве главного источника поступления валюты, необходимой для перевооружения армии и строительства инфраструктуры, он в то же время вел тесное сотрудничество с Великобританией с целью предотвратить переход иранского общества на демократический путь развития. В созданном им государстве ведущее место заняли полуфеодалы-помещики, среди которых первым был он сам. Этому способствовала и аграрная политика Реза шаха, укрепившая общественно-политический статус крупных землевладельцев (там же). Этот период в истории правления Реза шаха окончательно подвел черту с заигрыванием шаха с лево-демократическими силами и закрепил за ним облик реакционного правителя, арийские притязания которого в дальнейшем привели к сотрудничеству с нацистской Германией.

Однако многие негативные явления в политике Реза шаха, обусловленные малообразованностью и грубостью самой натуры иранского диктатора, не помешали автору монографии увидеть и положительные сдвиги во внутренней жизни Ирана того периода.

Впечатляющие данные об экономическом росте были достигнуты на фоне непрерывной борьбы Реза шаха с АПНК, которая в критические моменты обострения из дипломатической могла перерасти в военную. Чтобы представить остроту проблемы, достаточно сказать, что спор между Ираном и Великобританией рассматривался в совете Лиги наций и закончился тем, что Реза шах дал указание подписать новое концессионное соглашение с АПНК, что рассматривается автором монографии как поражение для Ирана (с. 185). Проводя шовинистическую паниранистскую политику, Реза шах стремился подключить к пропаганде арийской исключительности персидской нации те незначительные силы образованной части иранского общества, которые также были склонны видеть в этой идее возможность Ирану обрести подобающее место среди других государств Персидского залива и Среднего Востока. С этой целью, будучи сторонником величия ахеменидского и сасанидского периодов истории Ирана, Реза шах привлек на свою сторону лидеров и сторонников правонационалистической реформаторской партии «Таджадод» («Обновление»), которые развернули широкую

кампанию среди иранцев за возрождение былого величия Ирана и упрочение основ монархии (с. 175).

Несомненной заслугой монографии С.М. Алиева является то, что в ней автор пролил свет на весьма важный период истории Ирана кануна Второй мировой войны, касающийся ирано-германских отношений. Этот период в искаженном виде долгое время был представлен как в зарубежной — преимущественно английской — историографии, так и отечественной иранистике. По мере того, как в Европе разгоралось пламя Второй мировой войны, а Реза шах назначил на пост премьер-министра Ирана д-ра Матина Дафтари — известного своими симпатиями гитлеровской Германии политика, прогермански ориентированная политика Реза шаха обрела четкие очертания. Среди военной верхушки иранской армии стали раздаваться призывы к заключению военного союза с Германией и о «достойной встрече» немецких войск в Закавказье. В конце 1939 г. из Берлина стали передавать передачи на персидском языке, призванные ориентировать население Ирана в пользу политики фашистской Германии. Это не могло не оставаться незамеченным союзниками: по предложению британской стороны Советский Союз и Великобритания ввели на территорию Ирана свои войска, что привело к отречению Реза шаха (16 сентября 1941 г.) в пользу наследника престола, который заявил о своей готовности сотрудничать с союзниками по антигитлеровской коалиции (с. 200–201).

Излагая историю Ирана в годы Второй мировой войны и послевоенный период (1941–1949), С.М. Алиев убрал «белые пятна» из важнейшего этапа общественно-политического развития Ирана, который не был известен широкой научной общественности, поскольку, как это мы увидим дальше, касался и международной политики советского правительства по весьма чувствительным направлениям советско-иранских отношений. И хотя по наиболее острым событиям этого периода в Иранском Азербайджане и Северном (Иранском) Курдистане, как пишет автор, написано много исторической литературы, все она страдает «односторонностью и ограниченностью использованных первоисточников» (с. 579). Эти темы не потеряли своей политической остроты и по настоящее время. Политической силой, направлявшей борьбу иранских курдов и азербайджанцев, были демократические партии, имевшие абсолютный приоритет среди других политических объединений в этих национальных регионах. В это же время в центре значительно укрепили позиции и левые силы в лице просоветской Народной партии Ирана (Туде), три представителя которой вошли в состав правительства Ахмеда Кавама (с. 223). Вывод советских войск и усиление левых и национально — демократических сил могли реально направить развитие Ирана по демократическому пути, что являлось неприемлемым как для шахского двора, так и для Запада, опасавшегося усиления влияния Советского Союза на Среднем Востоке.

До появления на политической арене в начале 60-х гг. аятоллы Хомейни в качестве общенационального лидера антишахского движения

и руководителя борьбы иранского народа против засилья в стране ведущих капиталистических стран во главе с США активную роль в стране играли такие известные богословы, как аятолла Аболькасем Кашани — активный участник антианглийских выступлений в Ираке в 1918–1920 гг., приговоренный английскими властями заочно к смертной казни, Али Бехбехани, великий аятолла Табатабаи и др. Они были сторонниками Национального фронта (НФ), депутаты которого в меджлисе XVI созыва, избранного в феврале 1950 г., играли важнейшую роль в борьбе иранского народа против Англо-иранской нефтяной компании (АИНК), пытавшейся навязать иранскому правительству генерала Хаджали Размара Дополнительное соглашение в интересах Великобритании. Объявленный Национальным Фронтom нефтяной вопрос главным в своей политической программе, от которого будет зависеть решение всех экономических и политических проблем страны, выдвинул в ряд важнейших задач объединение авторитетных религиозных и политических деятелей Ирана вокруг НФ. Обнародованные в начале апреля 1950 г. результаты новых выборов в меджлис от Тегерана свидетельствовали о росте популярности НФ среди широких слоев иранской столицы. Среди депутатов-членов НФ, получивших наибольшее число голосов: Мосаддек, Багаи, Макки, Хаеризаде, оказался и аятолла Кашани (заочно избранный в меджлис XVI созыва), который совместно с Али Бехбехани на 93-м заседании меджлиса вручили предложение президиуму меджлиса о национализации нефтяной промышленности Ирана, составленное 11 депутатами-членами НФ (с. 241, 245).

В то время как одни представители авторитетнейшего шиитского семейства Бехбехани выступали совместно с аятоллой Кашани в защиту проводимого курса Мосаддека против АИНК, другие члены этого рода боролись против Мосаддека. Интересные данные об антимосаддековской деятельности семьи Бехбехани, потомков знаменитого аятоллы Сейида Абуллы — одного из руководителей конституционного движения 1905–1911 гг. приводит С. М. Алиев. Один из членов семьи Бехбехани — сеид Мохаммад Реза Бехбехани пытался с помощью англичан получить пост руководителя вакуфами (земельными наделами, принадлежащими высшему шиитскому духовенству) для борьбы против «Мосаддека и коммунизма». Он же обращался к семье шаха за получением денег для «организации антиправительственной акции в мечети или же враждебной демонстрации против Мосаддека» (с. 259).

Число врагов Мосаддека среди представителей высшего сословия шиитского духовенства не ограничивалось только вышеназванными лицами. В связи с возрастанием разногласий между шахом и правительством Мосаддека в лагере участников движения за национализацию нефтяной промышленности росло число отступников. Увеличению их числа активно способствовали английские дипломаты и разведчики. Среди враждебно настроенных Мосаддеку деятелей особенно выделялись Джамал Эмами — сын крупного духовного лица и земледельца из Иранского Азербайджана

и Сеид Зия, выполнявший, по существу, обязанности советника посольства Великобритании в Тегеране и одновременно посредническую миссию между шахом и некоторыми антмосаадыковскими группировками (там же).

Поддержка в стенах межджиса ведущих религиозных авторитетов политики НФ в нефтяном вопросе оказывала мощное воздействие на политизацию общества, на становление массового движения против Великобритании. 26 января 1951 г. тысячи тегеранцев по призыву аятоллы Кашани собрались на митинг в мечети «Шах». Участники митинга приняли резолюцию, содержащую требование о национализации нефтяной промышленности. Ряд крупных духовных лиц вскоре поддержали призыв Кашани о национализации нефтяной промышленности. Среди тех, кто выступил на стороне Кашани, был популярный муджтахид аятолла Сейед Мохаммад-Таги, который совместно с другими религиозными деятелями издали специальную фетву, в которой призывали верующих иранцев поддержать движение за национализацию (с. 247).

С.М. Алиев подробно описывает политические маневры США в нефтяном вопросе Ирана и Великобритании, направленном на вытеснении последней с иранского рынка и постепенном укреплении своих геополитических позиций, что им в последствии удалось сделать после государственного переворота 1953 г. Известный американский политик А. Гарриман, прибывший в разгар конфликта в Тегеран в качестве личного представителя американского президента Г. Трумэна, попытался оказать давление на Мосаадыка в урегулировании конфликта «во имя общих интересов западного мира». Провалу миссии А. Гарримана способствовал аятолла Кашани, который открыто пригрозил Мосаадеку ни коим образом не идти на уступки Западу, если последний не хочет разделить судьбу предыдущего премьер-министра генерала Размары, убитого боевиками исламской организации «Федаян-е ислам» (с. 255).

Автор выделяет аятоллу Кашани из всех в то время влиятельных религиозных деятелей, как активного сторонка на начальном этапе движения за национализацию иранской нефти. Большинство шиитского духовенства первоначально было настроено против Мосаадека и НФ. Публичные выступления Кашани находили широкую поддержку среди мелкобуржуазных слоев населения — торговцев, ремесленников, рабочих мелких предприятий, сельских мигрантов, пауперов, которые в массе своей составили социальную опору движения против политики шаха и Великобритании. Его авторитет среди мусульман был настолько велик, что даже великий аятолла Мохаммад-Хосейн Боруджерди, имевший с шахом добрые отношения, избежал открытой критики Кашани (с. 262).

Однако соперничество Мосаадека и Кашани за место национального лидера удерживало обоих до определенной поры от открытой конфронтации.

Противоречия между Мосаадеком и Кашани обострились после вторичного возвращения Мосаадека к власти. Как пишет С.М. Алиев, эти

противоречия носили не только личностный характер двух амбициозных политических деятелей, стремившихся к единоличной власти, но и концептуальный, поскольку оба лидера придерживались противоположных полюсов политической власти. Кашани и представители высшего шиитского духовенства стремились в этот период повысить корпоративную роль шиитских богословов в формировании политики правительства. Группировка Кашани выражала недовольство антишахскими действиями правительства Мосаддыка, выразившимися в вытеснении с общественно-политической сцены влиятельных в прошлом представителей традиционной персидской элиты. По инициативе Мосаддыка была уволена большая группа (свыше 400 человек) прошахски настроенных офицеров и распущена верхняя палата сената, половина членов которой была назначена шахом. Используя свой высокий авторитет религиозного деятеля аятолла Кашани совместно с бывшими лидерами и сторонниками НФ — М. Багаи, Х. Макки, А. Хаеризаде, Канатабади и другими по существу парализовали деятельность меджлиса XVI созыва, превратив его в центр антиправительственных подстрекательств, устраивая членам правительства бесконечные обструкции, сознательно откалывая от твердых сторонников правительства неустойчивых депутатов (из 79 депутатов их число сократилось до 29). На заключительном этапе работы меджлиса, когда Мосаддек подписал решение о его роспуске, аятоллы Кашани и Бехбехани и другие видные религиозные деятели выступили против этого решения (с. 283—284).

Таким образом, обструкционистская политика высшего шиитского руководства, возглавляемого аятоллой Кашани, в период борьбы за национализацию иранской нефтяной промышленности правительства Мосаддека совместно с активной подрывной работой американской и английской агентуры привели к его поражению. Как пишет С. М. Алиев, 19 августа 1953 г. из южных кварталов Тегерана в его центральную часть хлынула большая толпа манифестантов, состоявшая в основном из деклассированных элементов, малоимущих городских слоев. Шествие это, как впоследствии стало известно, было организовано аятоллой Бехбехани совместно с высокопоставленными офицерами шахской армии на деньги, предоставленные им агентурой ЦРУ. После кровопролитных столкновений на улицах и площадях иранской столицы между сторонниками правительства Мосаддека и мятежниками, выразившими интересы шаха, придворных кругов и правых националистов, верные премьер-министру войска сложили оружие — правительство Мосаддека пало и руководство перешло в руки отставного генерала Ф. Захеда. Непосредственным организатором переворота был руководитель группы сотрудников ЦРУ на Среднем Востоке Кермит Рузвельт. В перевороте принимали прямое участие члены американской военной миссии США в Иране (с. 289—291).

Масштабы и цели подрывной деятельности западных разведок в Иране качественно изменились в эпоху «холодной войны», когда в вотчину интересов Великобритании — Иран, видя беспомощность шаха справиться

с мятежным правительством д-ра М. Мосаддыка, на помощь своему «младшему партнеру» поспешили США, взяв на себя роль главного организатора и исполнителя государственного переворота 19 августа 1953 г. План переворота под кодовым названием «Операция Аякс», в результате которого пало правительство Мосаддека, был разработан в ЦРУ под руководством Алена Даллеса и был согласован с британскими спецслужбами. Непосредственным исполнителем переворота был назначен руководитель группы сотрудников ЦРУ на Среднем Востоке Кермит Рузвельт (с. 285). Успех переворота был обеспечен не только участием американских и английских агентов, но и сотрудничеством заговорщиков из ближайшего окружения шаха: генерала Фазулла Захеда и его сына Ардашира, генерала Моахаммада Дафтари и др., которых направлял и обеспечивал деньгами и военным снаряжением руководитель военных советников американский генерал Стюарт (с. 290–291). Этот переворот является одной из черных страниц новейшей истории Ирана XX в., показавший истинную суть политики США и Великобритании в Иране, не изменившейся на протяжении прошедших более пятидесяти лет.

Рассматривая причины поражения политики Мосаддыка в борьбе за национализацию иранской нефти конца 40-х — начала 50-х гг. прошлого столетия для нас в контексте главной темы докторской диссертации важным представляется та часть работы С. М. Алиева, в которой описывается роль шиитского духовенства в том напряженном и драматическом противостоянии широкого спектра общественно-политических сил Ирана, выступавших против компрадорского курса династии Пехлеви. Автор убедительно показал, что высшие шиитские муджтахиды, возглавляемые аятоллой Кашани, первоначально поддерживавшие Мосаддека в борьбе против политики шаха и АИНК, постепенно перешли на сторону нефтяного империализма, фактически предав интересы собственного народа и своей обструкционистской политикой облегчив подготовку заговора и осуществление антиправительственного переворота 19 августа 1953 г. Спланированная по прямому указанию американского президента США Д. Эйзенхауэра (план переворота в Тегеране был подписан президентом США 11 июля 1953 г.) и осуществленная американскими и английскими разведчиками акция по свержению законного правительства д-ра Мосаддека оказала негативное влияние на историческую судьбу иранского народа, продлила более чем на четверть века пребывание у власти одного из самых деспотических режимов Среднего Востока.

Публичные признания ряда американских политических деятелей о преступном участии американских спецслужб в свержении правительства Мосаддыка, сделанные почти полувека спустя, вряд ли облегчат страдания иранского народа, вынужденного терпеть деспотический монархический режим Мохаммада Реза Пехлеви, принесший нации столько несчастий и невинных жертв. Свержение правительства д-ра Мосаддыка ознаменовало наступление нового этапа в историческом развитии Ирана — осла-

блением позиций Великобритании и наступление американской эры, длившейся почти четверть века (с. 296). Приход к власти правительства Фазулы Захеда — приближенного к шаху армейского генерала, бывшего военного и губернатора провинции Хузистан, коренным образом изменил расстановку политических сил в пользу шаха. Этому способствовала и быстрая реакция президента США Д. Эйзенхауэра на последствия переворота, выразившаяся в предоставлении безвозмездной помощи новому иранскому правительству в размере 45 млн. долл. (с. 298). Решающая помощь американского правительства шаху в свержении Мосаддека обеспечила супермонополиям США внушительную долю в добычи иранской нефти. Весной 1954 г. аятолла Кашани, Макки и другие лидеры правых националистов сделали попытку организовать массовые выступления против правительства Захеда, но начавшиеся по их призыву демонстрации не привели к изменению существовавшей ситуации. Двор и правительство к этому времени стали хозяевами положения, установив полный контроль над армией, полицией и жандармерией (с. 299).

С этого времени США приступили к оказанию систематической финансовой, военной и технической помощи и политической поддержки возрождающемуся шахскому режиму. Шах добивался официального закрепления союзнических отношений Ирана с Западом. В августе 1955 г. был заключен договор о дружбе, экономическом сотрудничестве и консульских отношениях между Ираном и США (с. 303). Еще теснее Иран и США связало ирано-американское соглашение от 5 марта 1959 г., которое предоставило американцам право предпринимать все необходимые меры по отражению агрессии со стороны какого-либо третьего государства, включая прямое использование вооруженных сил (с. 311).

Заручившись полной поддержкой двора и Запада, правительство генерала Захеда обрушило жестокие репрессии против членов промосаддовковских и левых организаций, демократически настроенных профсоюзных работников и армейских офицеров, включая известных деятелей культуры и искусства, известных своими антимонархическими взглядами. Был казнен министр иностранных дел в правительстве Мосаддыка Хосейн Фатеми, а также большая группа офицеров — членов Туде, среди которых был популярный среди народа полковник Хосроу Рузбех. Репрессии, однако, в широких масштабах почти не затронули духовного сословия, тем более они не коснулись высшего звена шиитского духовенства. Они начались уже в ходе реформ так называемой «белой революции шаха и народа», когда по призыву аятоллы Хомейни в начале июня 1963 г. произошло выступление семинаристов в Куме, и ислам как религиозная и политическая сила выступила как серьезный противник монархического правления и засилья американцев в Иране.

Исследовательский талант С. М. Алиева ярко проявился в написании VI гл. монографии, охватывающей период правления последнего иран-

ского монарха Мохаммада Реза Пехлеви в 1953–1977 гг., совпавший с сокрушительным поражении всей выстраивавшейся десятилетиями псевдомодернистской системы правления. В этой главе автор проявил талант не только историка, но экономиста, хорошо знающего экономику Ирана, что придает его выводам научную аргументацию и стройность изложения. Это в первую очередь относится к тем местам главы, в которой автор рассматривает нефтяную составляющую экономики Ирана и ее роль в формировании отраслевого хозяйства.

Автор убедительно раскрыл импульсивный характер экономических реформ, получивших претенциозное название «Белая революция шаха и народа», которые привели к потере контроля законодательной власти над шахскими чиновниками, превратив окончательно Иран в 70-е годы в полицейское государство (с. 314). Некомпетентность и самонадеянность шаха в стремлении вести страну по пути «великой цивилизации» обернулись для нее потерей эффективности государственного сектора, застоєм в социально-экономической жизни, а для иранского народа обнищанием, ростом безработицы, массовой миграцией сельского населения в города и в конечном итоге — к социальному взрыву. Деграция деятельности общественных и политических институтов шахской власти коснулась и личности самого гаранта государственной законности — шаха, который стал принимать участие в работе высшего экономического совета Ирана с целью получения комиссионных при заключении контрактов с иностранными фирмами (с. 316).

Автор не обошел вниманием окружение шаха в годы наибольшего противостояния «верхов и низов» иранского общества. Хорошо зная представителей крупных аристократических родов Ирана, С. М. Алиев описывает их поведение в сложной борьбе за сохранение своих привилегий, которым грозили неумелые попытки шаха силой подавить любые формы оппозиции. Наиболее дальновидные из аристократических кругов, как, например, Али Амини, представитель каджарского рода, выступали с критикой курса шаха в области аграрной реформы, называя белую революцию «псевдо модернизмом», предупреждая шаха о том, что богатому сословию следует «отдать часть своего богатства, с тем чтобы не лишиться всего» (с. 323).

Чертой, окончательно разделившей общество и шаха на два непримиримых лагеря, С. М. Алиев считает в своей монографии визит шаха в Кум 24 января 1963 г., когда улемы теологического центра «Фейзийе» устроили обструкцию шаха, после чего в официозной печати пошло гулять выражение «черная реакция», под которым имелись в виду высшие представители шиитского духовенства во главе с аятоллой Хомейни. Этот визит стал прологом восстания 5 июня 1963 г., после того, как Хомейни, открыто обвинивший шаха в измене интересам ислама в угоду политики сионистов и правительства США, был снова арестован властями. Масштабы расправы над участками антишахских выступлений поражают воображение: число убитых только в Тегеране составило свыше пяти тысяч, 28 аятолл были заключены

в тюрьмы (с. 328–329). Последующие шаги шаха не только не привели к ослаблению социальной напряженности в стране, но к окончательной потере престижа власти среди народа. Агония с невероятной быстротой охватила все структуры политической власти шахского режима. Последним актом бессилия шаха упорядочить политическую жизнь в стране была бесславная авантюра с созданием всенародной партии «Раствахиз» («Возрождение»), под обломками которой была окончательно похоронена идея сохранения монархии (с. 400).

Новым словом в отечественной иранистике является VII глава монографии, посвященная антимонархической революции 1978–1979 гг., открывшая новую главу в истории Ирана — эпоху исламского правления, названная автором эпохой Хомейни. Глава написана не только в лучших традициях старой школы русских и советских ирановедов, которым была свойственна глубина и широта исследований, но и с яркой эмоциональной окраской, отражавшей личное отношение автора к описываемым событиям. Ни сколько не принижая научный уровень изложения, эти эмоции помогают более зримо представить пафос революционной борьбы иранского народа против шахской диктатуры и засилья американских советников в стране. Автор развенчивает фальшивые оценки «ракетоподобного» развития экономики, высокого уровня благосостояния и прогресса шахской сатрапии, которые целенаправленно внедрялись учеными в общественное сознание западного мира. Некритический взгляд на положение в Иране был выгоден Западу, поскольку создавал иллюзию процветания на фоне ухудшающегося материального положения основной массы трудящихся, подталкивая шаха на разорительные амбициозные проекты, не считаясь с затратами и экономической выгодой. Однако приводимы автором статистические данные целиком и полностью опровергают утверждение западных специалистов о процветании экономики шахского Ирана. Видимость процветания, за которой явно просматривались контуры социальной катастрофы, и которую не хотел видеть Запад, достигалась в первую очередь небывалым ростом расходов на импорт продовольственных товаров, возросший в течение 1973–1977 гг. с 32 млн. до 1,5–2 млрд. долларов, а в 1977–78 г. он достиг 2,5 млрд. долларов (с. 431). США и Великобритания вместе с другими западными странами несут коллективную ответственность перед иранским народом за огромные человеческие и материальные жертвы, которые он понес в ходе революции и восьмилетней ирано-иракской войны. С циничной откровенностью об этом свидетельствуют приводимые С. М. Алиевым слова английского лорда Чальфонта, отразившего позицию западного мира в отношении Ирана — он был нужен ему «для выживания западного индустриального общества» (с. 423).

С. М. Алиев дал свою интерпретацию исламского характера революции 1978–1979 гг. По существу в ней раскрыты ключевые понятия характера и движущих сил революции, ее социального содержания и идеологических лозунгов. В широком историческом плане рассмотрены основные концеп-

ции монархической системы государственного управления и шиитско-имамитского религиозно-идеологического мировоззрения, которые на протяжении многих веков сосуществовали в единой государственной феодальной структуре (с. 425). По-разному раскрылась суть этих двух институтов власти, когда им пришлось приспособляться к переменам в мировой политике XX столетия. Особый пик перемен выпал на десятилетие 1963–1973 годов, когда наблюдался рост нефтяных доходов и жизненный уровень широких слоев населения. Верховная власть шаха приобрела абсолютистский характер. Однако карточный домик мнимого благополучия и незыблемости шахской власти в одночасье превратились в миф, как только произошло падение цен на нефть. Иран оказался перед лицом неизбежной катастрофы. Все программы выхода из кризиса как марксистского, так и буржуазно-националистического толка были проигнорированы иранцами, которые стали вслушиваться в слова аятоллы Хомейни, призывавшего народ вернуться в лоно ислама и построить государство на принципах «тоухида» — единобожия.

Анализ общественно-политической ситуации Ирана в канун революции автор подкрепляет глубокими экономическими выкладками, которые подкрепляют его вывод о фатальной неизбежности революции (с. 431–432). На фоне гигантского роста антишахского движения опереточными выглядят попытки шаха запустить по подсказке американцев механизм буржуазной демократии, который нейтрализовал бы остроту политического кризиса в стране. Однако ни созданная, так называемая, «общенациональная» партия «Растахиз» («Возрождение»), ни зверства военных трибуналов и тайной полиции САВАК, не могли защитить монархию — она была обречена.

В течение полувекового периода правления в Иране династии Пехлеви в официальной политике исламу отводилась вспомогательная роль в насаждении в сознании иранцев культа монархической системы власти, идей паниранизма и персидского национализма. Пик этой политики достиг в начале 70-х годов во время празднования 2500-летия шахской системы управления со времен древнеперсидских царей. Одновременно религиозные идеи ислама активно использовались шахской пропагандой для нейтрализации влияния левого движения под руководством прокоммунистической партии Туде на революционную ситуацию в стране, также как и для подавления партизанского городского движения исламских марксистов.

Переход большей части шиитских авторитетов в оппозицию к шахскому режиму автор относит к концу 50-х годов, когда шах объявил о начале аграрной реформы. Против реформы высказался великий аятолла Буруджерди, выразивший протестное настроение не только духовенства, но и широких кругов среднего класса Ирана. Наряду с этим реформы шаха предусматривали полное подчинение духовенства государственной власти, выразившееся в создании для нужд армии религиозного корпуса из выпускников теологических факультетов и планомерным замещением сотрудников Организации по делам вакуфов лояльных шаху чиновниками.

Однако главный импульс к неповиновению шахским властям исходил от воззваний и посланий аятоллы Хомейни, который в это время находился в изгнании в священном для мусульман-шиитов иракском городе Неджефе. Им был заложен краеугольный камень в анишахское движение того периода: обоснование с точки зрения фикха нелегитимности шахской власти, что по существу дало иранским мусульманам религиозно-правовое обоснование борьбы за смену власти. Этот важнейший религиозно-философский постулат аятоллы Хомейни объединил на одной платформе все протестные социальные группы иранского населения, получивший в дальнейшем оформление в совместном заявлении лидера Национального фронта Карима Санджаби и аятоллы Хомейни во Франции в начале ноября 1978 г. В нем говорилось о том, что «иранский кризис может быть разрешен лишь при условии упразднения власти династии Пехлеви» (с. 445).

Глубоким научным анализом отмечены страницы монографии, относящиеся к переходному периоду власти от шаха к исламской республике периода января-февраля 1979 г. Главным оппонентом шиитскому духовенству на этом этапе становления Исламской Республики Иран была либеральная буржуазия, стремившаяся ослабить позиции шиитского духовенства и направить процесс послереволюционных преобразований по пути укрепления капиталистических тенденций в социально-экономическом развитии страны. Конечная цель подобной тактики либеральной буржуазии во главе с Мехди Базарганом заключалась в постепенном восстановлении связей с Западом (с. 451). В какой-то степени эту позицию, по мнению С. М. Алиева, поддерживал влиятельный шиитский богослов — «марджа' таглид» иранских азербайджанцев — К. Шариятмадари, что свидетельствовало о наличии раскола в рядах высшего шиитского духовенства по вопросу выбора социальной ориентации новой власти и будущей политико-экономической структуры исламского государства (с. 452).

Однако последовательные сторонники Хомейни, наделенного печатью высшим религиозным титулом «имам», выступили за сосредоточение верховной власти в руках шиитского духовенства и установление в стране шиитской теократии. Эти противоречия полностью обнажились во время обсуждения формы народного волеизъявления в принятии будущей конституции страны, в которой предусматривались предоставление более широких прерогатив шиитским богословам, чем те, которые они получили по конституции, принятой в 1906–1907 гг. Однако ортодоксально настроенное духовенство из ближайшего окружения имама Хомейни настояло на том, чтобы в Иране были заложены основы исламского государства на принципах божественных откровений Корана, тайна которых известна только лишь знатокам и интерпретаторам исламских законов — факихам. Выражая волю и настроение шиитских масс населения, Хомейни дал указание провести выборы в Совет экспертов — Шоураи хебреган, который заложил первый главный камень в конституцию будущей исламской республики и конституционного закрепления власти знатоков ислама — муджахидов. Этим шагом

имам Хомейни развел по разные стороны баррикад все политические партии и движения, поставив шиитских богословов по одну сторону, а всех других — по другую.

Победе шиитского духовенства за власть способствовали разногласия как среди буржуазных партий, так и левых группировок. Эти противоречия не обошли и стан шиитских богословов, где главными оппонентами Хомейни выступили великие аятоллы Махмуд Талегани, Казем Шариатмадари и др., поставившие под сомнение право участия исламского духовенства в государственных делах, обоснованное в концепции имама Хомейни «веляте факих» как право, унаследованное праведными факихами от 12-го имама Махди (с. 460). Однако этот принцип был включен в новый проект конституции и принят в окончательной редакции 2–3 декабря 1979 г. Острота политической ситуации в то время усугублялась не только религиозно-схоластическим спором между Хомейни и Шариатмадари по вопросам будущего конституционного устройства Ирана, но прямыми столкновениями на улицах Иранского Азербайджана в начале 1980 г. Противостояние К. Шариатмадари политике имама Хомейни привели к религиозному разбирательству поведения Шариатмадари на собрании религиозных авторитетов в теологическом центре Фейзие в Куме, на котором последний был лишен всех духовных званий (с. 463). Шариатмадари возражал против того, чтобы Хомейни носил титул имама, что находится в прямом противоречии с одним из главных постулатов шиизма, определивших строгое количество имамов. Последним титулом имама облечен 12-й имам Махди — именуемый в народе как «скрытый имам вали аср» («владыка времени»), с приходом которого у шиитов связано эсхатологическое представление о Судном дне. Противниками внесения в конституцию понятий имам, «рахбар» («вождь»), «веляте факих» были и влиятельные представители суннитской общины иранских курдов, которые видели в предлагаемых формах исламского правления диктатуру под оболочкой ислама (с. 464).

Глубокий анализ С. М. Алиева политической ситуации в Иране в первые годы становления исламской республики сопровождаются обстоятельными исследованиями экономических аспектов деятельности исламской власти, ставшими главными после укрепления позиций духовенства в стране. В выработке программы экономического развития постреволюционного Ирана столкнулись интересы победившего духовенства, которого представляла группировка А. Хаменеи — Х. Рафсанджани, и сторонников крупного капитала. Проведенная в первые месяцы после победы исламской революции национализация банков, страховых компаний, крупных предприятий и сегментов инфраструктуры в значительной степени сузила поле деятельности национальной буржуазии, бывших придворных чиновников и армейской верхушки, а иностранный капитал был вовсе вытеснен из страны (с. 488). Однако оставшаяся в стране торговая буржуазия, поддержанная шиитским духовенством из группировки «Ходжатиё», выступила против национали-

зации внешней торговли как противоречащей исламским принципам, ведущей к установлению диктатуры меньшинства над большинством (с. 491).

Будучи специалистом в области нефтяной политики Ирана, автор подробно рассматривает положение дел в нефтяной промышленности страны, сложившееся после революции. Производство нефти и ее экспорт играли исключительно важную роль в экономике, что вынуждало новое исламское руководство разрабатывать свою нефтяную политику. Это касалось в первую очередь отношений Ирана с зарубежными партнерами, которые зависели от колебаний объемов поставок иранской нефти на мировой рынок. Исламское руководство расторгло ранее заключенные соглашения между Иранской национальной нефтяной компанией (ИННК) и компаниями, входившими в Международный нефтяной консорциум (МНК). С этого времени добыча, переработка и транспортировка нефти впервые в истории Ирана перешла к ИННК. Серьезные перемены в иранской нефтяной политике привели к смене ведущих партнеров Ирана. Наиболее крупными потребителями иранской нефти стали Япония и ФРГ. Вопреки пессимистическим прогнозам зарубежных экспертов относительно способности иранских специалистов самостоятельно управлять нефтяным сектором экономики, они смогли без помощи Запада наладить добычу и переработку нефти, а также ее реализацию на мировом рынке.

Благодаря своевременным мерам шиитского духовенства в области нефтяного менеджмента, пришедшего в упадок в результате революционной анархии, оно смогло восстановить поступление твердой валюты в казну государства и решить неотложные социальные проблемы, без которых невозможно было удержать взбунтовавшиеся массы в рамках законности и порядка. В первую очередь были решены вопросы, связанные с обеспечением населения продуктами питания и поставками из-за рубежа промышленных полуфабрикатов и промышленного оборудования., была повышена зарплата рабочим и служащим, разработаны программы социальной помощи малообеспеченным семьям. Все это помогло снять на первых порах остроту социального кризиса и приступить к масштабным и долгосрочным программам благоустройства сельских районов, модернизации старых и строительству новых промышленных предприятий, обновлению транспортной инфраструктуры страны.

Важным аспектом монографии С. М. Алиева является описание роли силовых структур в проведении политики насильственного подавления политических противников шиитского духовенства. Весьма ценными с точки зрения понимания причин кризиса в ирано-иракских отношениях является анализ С. М. Алиева ситуации в Иране и Ираке в конце 70-х. — начале 80-х. гг., приведшей к восьмилетней ирано-иракской войне 1980—1988 гг. Новое видение причин этой войны придает работе большую научную ценность. Автор на первое место причин войны ставит шиитский фактор, который был главной идеологической причиной вражды между Багдадом и Тегераном. Личная вражда двух лидеров привела к эскалации пропагандистской войны между

странами, в которой стороны допускали личные угрозы и призывы к свержению правящих режимов. Еще 8 апреля 1979 г. Хомейни обратился к иракской армии с призывом свергнуть С. Хусейна после того, как саддамовский режим казнил большую группу шиитских религиозных деятелей, включая лидера иракских шиитов аятоллу Садра и его сестру Бинт аль-Худа (с. 503). Немаловажную роль в развязывании войны сыграла поощряемая подстрекательская пропаганда Запада, прежде всего США, против Ирана.

Однако не только ненависть к шиизму, пишет автор, толкнула С. Хусейна к началу военных действий против Ирана. Располагая достоверными данными о положении в вооруженных силах Ирана, Садам Хусейн планировал с помощью войны не только нейтрализовать угрозу своему режиму со стороны воинствующего шиитского духовенства, но реализовать давний план возвращения в «материнское лоно» самого богатого нефтеносного района Ирана — провинции Хузестан, который арабы до сих пор именуют Арабистаном.

В действительности же развязанная С. Хусейном 22 сентября 1980 г. война против Ирана не решила ни одной поставленной иракскими баасистами задачи. Не оправдала она надежд и Тегерана, ожидавших массовых выступлений иракских шиитов против саддамовского режима. Последнее обстоятельство, по мнению автора, объясняется не только репрессивными мерами С. Хусейна против иракских шиитов, в основном иракских курдов, но и принципиальными разногласиями между лидерами иракских и иранских шиитов в лице аятоллы Аболь-Касема Хои и имама Хомейни по основным принципам теории «веляйте факих». Эти расхождения коснулись прав и полномочий знатока мусульманского права «факиха» и распространения его прерогатив на сферу руководства политическими и государственными делами. Все эти разногласия привели к тому, что часть шиитов Ирака отказала в поддержке иранской стороне, несмотря на очевидный агрессивный характер войны своей страны против восточного соседа (с. 505).

При всей очевидности субъективных и религиозных факторов начала ирано-иракской войны, автор приводит более веские доказательства причин конфликта. По его мнению, главной причиной войны была заинтересованность западных нефтяных монополий в ослаблении позиции стран ОПЕК и усилении влияния Запада на мировые рынки нефти (там же). В этой связи, несмотря на воинственные позиции лидеров Ирана и Ирака, они не могли рассчитывать на победу одной стороны, поскольку она не устраивала великие державы, прежде всего США. Победа одной стороны могла привести к установлению контроля над стратегически важным для Запада нефтедобывающим районом планеты — Персидским заливом, являющимся зоной жизненных интересов США и Запада. По утверждению автора, США не могли допустить крупного изменения баланса сил в регионе (с. 507).

Смерть имама Хомейни 3 июля 1989 г. стала точкой отсчета новой эры в истории современного Ирана. Ближайшие соратники имама — С. А. Хаменеи и А. Хашеми Рафсанджани выступили за изменение вер-

тикальной структуры исполнительной власти, упразднив пост премьер-министра и расширив властные полномочия должности президента. Руководителем ИРИ был избран аятолла С. А. Хаменеи, президентом стал А. Х. Рафсанджани. Годы пребывания у власти правительства А. Хашеми Рафсанджани (1989–1997) автор рассматривает как время консолидации нового исламского государства и становление его основных политико-правовых и социально-экономических институтов. Курс развития страны был взят по пути свободных рыночных отношений. Он включал в себя продажу рабочим и служащим акций государственных предприятий, поощрение частных иностранных инвестиций в иранскую экономику, создание совместных предприятий и зон свободной торговли и др. (с. 515).

Оценивая эффективность и целесообразность реформ экономики Ирана шиитским духовенством, С. М. Алиев ссылается на мнение одного из авторитетных специалистов в области экономики и финансов шахского периода Дж. Амузегара, обратившего внимание на одну парадоксальную, по его мнению, черту исламской революции 1978–1979 гг.: иранская революция вызвала кардинальные изменения в структуре политической власти, оставив нетронутыми кардинальные основы управления экономикой шахского периода (с. 516). Он считает, что, несмотря на исламскую форму экономических реформ, шиитское духовенство создало экономическую систему, не отличающуюся в принципе от системы, существовавшей во время шахского правления (с. 518).

К концу XX столетия политический климат в иранском обществе стал меняться в сторону дальнейшей демократизации. Это показали выборы 1997 г., когда вопреки прогнозам на пост президента был избран не консервативно настроенный спикер меджлиса Кяруubi, а исламский либерал М. Хатами, с именем которого связана эра «диалога цивилизаций». В монографии автор не обошел вниманием и российско-иранские отношения, которые имели периоды подъема и падения. Будучи правопреемницей Советского Союза, который во времена господства в нашей стране коммунистической идеологии пытался оказывать влияние на внутреннюю политику Ирана посредством просоветской партии Тууде, демократическая Россия не обременена грузом прошлых ошибок и нашла свое место в плодотворном сотрудничестве с ИРИ как по линии двустороннего сотрудничества, так и в рамках решения региональных проблем. Подобная позиция руководства двух стран по достоинству венчает историю Ирана XX века и вселяет оптимизм в российско-иранские отношения в XXI веке.

Глубокие и аргументированные выводы монографии С. М. Алиева «История Ирана. XX век» дает все основания для успешного прогноза движения Ирана по пути демократии и прогресса, на котором Россия намерена играть роль надежного и проверенного в делах партнера.

Е. А. ГЛАДКОВА

К ВОПРОСУ О ПРЕФИКСАЦИИ КАК СПОСОБЕ ОБРАЗОВАНИЯ НЕОЛОГИЗМОВ

Префиксация как вид аффиксации — один из традиционных способов словообразования в персидском языке, причем распространена как именная, так и глагольная префиксация.

В настоящее время пополнение словарного запаса за счет префиксации продолжается. В частности, весьма продуктивными являются именные префиксы *bā-*, *bi-*, *nā-*, с участием которых постоянно создаются неологизмы (*'bāsabāt* *стабильный*, *'bizābete* *беспорядочный*, *'birownaqi* *застой*, *'nāmarqub* *низкокачественный*, *'nāhanjāri* *неравномерность*, *'nāmotavāzen* *несбалансированный*, *nākārāmad* *неэффективный*). По-прежнему продуктивен именной префикс *ham-* (*'kešvarhā-ye hamsud* *страны СНГ*, *'hamzamāni* *совпадение по времени*, *hamāyeš* *конгресс, конференция*, *hamandiši* *семинар*, *'hamzan* *миксер*, *'hamsu* *сопутствующий*, *'hamxān* *согласующийся* и т. д.).

Активно участвуют в словообразовании и полупрефиксы — прилагательные или наречия, как правило, придающие исходному слову новые оттенки. Традиционно продуктивными являются полупрефиксы *rog-* *полный* и *kam-* *мало*. Полупрефикс *rog-*, как правило, образует качественные прилагательные: *'porsamar* *плодотворный* (*'samar* — *плод*), *'porhazine* *затратный* (*'hazine* — *расход*), *'porraftoāmad* *оживленный, загруженный* (о движении транспорта) (*'raftoāmad* — *движение*). Полупрефикс *kam-* также образует преимущественно прилагательные со значением *мало-*, например, *'kamdarāmad* *малоимущий, с низким доходом* (*'darāmad* — *доход*), *'kamhajm* *малозначимый, незначительный* (*hajm* — *объем*), [*'namāyešgāh-e*] *kambinande* *закрытая выставка с ограниченным числом посетителей*) и др. С участием полупрефиксов *rog-* и *kam-* могут быть образованы слова — антонимы: *'porhazine* (*затратный*) — *'kamhazine* (*малозатратный*), *'porrang* (*яркий, насыщенный*) — *'kamrang* (*бледный, незначительный*).

Значительной продуктивностью характеризуются также краткие адъективные словоморфемы префиксального типа¹ *'zir-* *внизу*, *'darun-* *внутри*, *'piš-* *впереди*. По частоте употребления их можно было бы отнести к категории полупрефиксов, однако эти формы не утратили своей семантики и употребляются в языке и как самостоятельные слова. Перечисленные словоморфемы в речи функционируют не только как наречия, но и как изафетные предлоги: *'zir-e* *под*, *'darun-e* *в, внутри*, *'piš-e* *перед*. В образованных с уча-

1 Пейсиков А. С. Лексикология современного персидского языка. М.: МГУ, 1975.

ствием этих словоморфем неологизмах они выступают в качестве компонентов именно с этим значением. Например, 'zirsāxtār' *структура*, 'zirkomisyun' *подкомиссия*, 'darunjāme'eyi' *внутри общества*, 'darunšahri' *внутригородской*, 'pištāz', 'pišgām' *передовой*, 'pišgu' *стоящий (перед)*.

Образование неологизмов с участием глагольных префиксов (наиболее распространенные глагольные префиксы — bar-, dar-, pas-, vā-) в современном персидском языке осуществляется главным образом не за счет образования новых префиксальных глаголов (за последние годы появилось всего несколько новых приставочных глаголов, таких как 'farāxāndan' *призывать*), но за счет производных от глагольных основ.

Глагольная префиксация в современном персидском языке активно участвует в развитии именной префиксации². В настоящее время глагольные префиксы продолжают переходить в систему имен как производные от основ префиксальных глаголов, при этом способы словообразования могут быть самыми различными. Наиболее распространенные способы образования слов, в составе которых имеются глагольные префиксы, — полуаффиксация и конверсия (транспозиции).

По модели полуаффиксации неологизмы образуются как с участием полуаффиксов, т. е. основ настоящего времени (далее — ОНВ) префиксальных глаголов, так и с участием полуаффиксальных блоков (ОНВ + суффикс i — суффикс имен существительных yā-ye masdari). Примеры:

С полуаффиксами: 'bāzdeh' *выход продукции* (ОНВ глагола 'bāzdādan' *возвращать*), 'pasandāz' *сбережения* (ОНВ глагола 'pasandāxtan' *рождать*), 'barāyand' *результат* (усеченное причастие настоящего времени глагола 'barāmadan' *вытекать, следовать из чего-либо*).

С полуаффиксальными блоками: 'vāgerāyi' *дезинтеграция* (префикс 'vā' + полуаффиксальный блок 'gerāyi'), 'bāzpasgiri' *возврат* (префикс 'bāz' + блочный полуаффикс 'pasgiri'), образованный, что интересно, с участием ОНВ префиксального глагола 'pasgereftan' *забирать, возвращать*), 'bāzdehi' *производительность* (префикс 'bāz' + полуаффиксальный блок 'dehi'), 'bāznegari' *пересмотр* (префикс 'bāz' + полуаффиксальный блок 'negari') и т. д. При этом такого типа неологизмы могут быть недеривационными ('vāgerāyi', 'bāzpasgiri', 'bāzdehi') — глаголы 'vāgereftan', 'bāzpasgereftan', 'bāzdādan' в словарях современного персидского языка не зафиксированы).

По конверсионной модели основа прошедшего времени (далее — ОПВ) → имя существительное образованы, в частности, следующие слова: 'barāvord' *подсчет, оценка* (ОПВ глагола 'barāvordan' *выполнять, осуществлять*), 'barxord' *подход, столкновение* (ОПВ глагола 'barxordan' *встречаться, сталкиваться*), 'bāzyāft' *отдача, производительность*, (ОПВ глагола 'bāzyāftan' *получать назад, находить*) и др.

Кроме того, ряд слов, производных от префиксальных глаголов, образованы аффиксацией: 'bāzdārandegi' *сдерживание* ('bāzdārande' — причастие

2 Там же.

настоящего времени глагола 'bāzdāstan' *задерживать, сдерживать* + -gi — суффикс имен существительных yā-ye masdari); 'bāznešastegi' *уход на пенсию, пребывание на пенсии* ('bāznešaste' — причастие прошедшего времени малоупотребительного в современном персидском языке глагола 'bāznešastan' *уходит на пенсию*, который в некоторых словарях современного персидского языка уже не зафиксирован), 'farāvāri' *переработка* ('farāvar' — ОНВ глагола 'farā(ā)vardan' *производить* + -i — суффикс имен существительных yā-ye masdari), 'farāvareš' *производительность* ('farāvar' + -eš — суффикс отглагольных существительных) и др.

Глагольные префиксы настолько прочно вошли в систему образования имен, что существительные, образованные по модели «префикс + глагольная основа», могут приобретать иное значение, чем префиксальные глаголы, от которых они образованы. Так, существительное 'barxord' в значении *столкновение* является прямым производным от глагола 'barxoridan' *сталкиваться* (хотя в последнее время больше распространено употребление этого слова в значении *подход*), в то время как существительное 'pasandāz' *сбережения* трудно назвать производным от глагола 'pasandāxtan' *рожать*. Существительное 'bāzyāft' *возврат*, производное от глагола 'bāzyāftan' *получать назад, находить*, получило в современной экономической терминологии значение *производительность*, т. е. произошла терминологизация бытового слова.

Среди глагольных префиксов в последнее время привлекает к себе особое внимание префикс 'farā-', традиционно определяющийся в иранистической литературе как глагольный словообразующий префикс³. Префикс 'farā-' приспособлен также к глагольным производящим основам ('farāvāri', 'farāvareš', 'farāyand'). Наиболее продуктивными производящими основами глагола с префиксом 'farā-' являются ОНВ и ОПВ глагола 'āvo(a)rdan' *принести*.

Префикс 'farā-' имеет алломорф 'far-'⁴, появляющийся чаще всего в словах, производных от глаголов с основами, начинающимися с долгого гласного 'ā': 'āvo(a)rdan' ('farāvāri', 'farāvareš', 'farāvarde'), 'āmadan' ('farāyand'). Этот алломорф закрепился сравнительно недавно, т. к., например, в словарях М. Моина, М. Амида, Б. В. Миллера⁵ слово 'farāva(o)rde' *продукция* (причастие прошедшего времени глагола 'farā āvordan', где префикс 'farā-' перешел в форму 'far-') приводится в форме 'farā āvorde'.

3 Пейсигов А. С. Очерки по словообразованию современного персидского языка. М. МГУ: 1973; Moïn M. Farhange farsi (motavasset). Jelde 2). Tehran: Amir Kabir, 1996.

4 Пейсигов А. С. Очерки по словообразованию современного персидского языка.

5 Moïn M. Farhange farsi; Amid M. Farhange Farsie Amid (jeld 3). Tehran: Amir Kabir, 1375 (1996); Миллер Б. В. Персидско-русский словарь. М.: Государственное издание иностранных и национальных словарей, 1960.

Префикс ‘farā-’ происходит от среднеперсидской глагольной приставки ‘frāč-’⁶, указывавшей в среднеперсидском языке на движение вперед (‘frāč matan’ *подходить*, ‘frāč raftan’ *направляться*, ‘frāč rasitan’ *прибывать*), хотя отмечается, что и в среднеперсидском языке в некоторых словах это значение приставки было выражено менее отчетливо (‘farāguftan’ *называть*)⁷. В современном персидском языке эти глаголы сохранились почти в тех же значениях (‘farā āmadan’ *выходить вперед*, ‘farāraftan’ *выступить, выходить вперед*, ‘farārasidan’ *наступить (например, о времени года)*)⁸, однако в современной речи, как письменной, так и устной, они используются достаточно редко. Сам же префикс ‘farā-’ приобрел более широкое значение — *выходить за пределы чего-либо*⁹.

Динамика развития основных значений префикса ‘farā-’ в современном персидском языке может быть наглядно проиллюстрирована тем, как они зафиксированы в ряде монографий, учебников и словарей:

1) в направлении, в направлении вперед («Словарь персидского языка» М. Моина, «Словарь современного персидского языка» Г. Садри Афшара¹⁰, Ю.А. Рубинчик «Грамматика современного литературного персидского языка»), примеры: ‘farāpīš’ ‘farāru’ *перед*, ‘farā āmadan’ *выходить вперед*;

2) вблизи, рядом («Словарь персидского языка» М. Моина, «Полный словарь персидского языка» Г. Энсэфпура¹¹, пример: ‘farāi’ *при нем*;

3) выше или дальше («Персидско-русский словарь М.А. Гаффарова¹², «Словарь персидского языка» М. Моина, «Полный словарь персидского языка» Г. Энсэфпура), «Словарь современного персидского языка» Г. Садри Афшара), примеры: ‘farātar’ *шире, дальше*, ‘farāsowt’ *сверхзвуковой*, ‘farāpāye’ *высокопоставленный* ‘farādest-e’ *выше, шире*;

4) вокруг, среди («Полный словарь персидского языка» Г. Энсэфпура, «Словарь современного персидского языка» Г. Садри Афшара, примеры: ‘farābār’ *участок атмосферы*, ‘farābar’ *мякоть (плода)*, ‘farāgereftan’ *охватывать*;

5) синоним префиксов и предлогов ‘dar’, ‘bā-’ ‘be-’ («Словарь современного персидского языка» Г. Садри Афшара, «Полный словарь персидского языка» Г. Энсэфпура, примеры: farāgereftan *охватывать* (синоним — ‘darbargereftan’), farārasidan *наступить (о сезоне)* (‘darrasidan’), farāxāne (синоним — ‘bāxāne’), farāxāk (синоним — ‘be xāk’);

6 Пейсиков А.С. Очерки по словообразованию современного персидского языка; Расторгуева В.С. Среднеперсидский язык. М.: Наука, 1966.

7 Расторгуева В.С. Среднеперсидский язык.

8 Пейсиков А.С. Лексикология современного персидского языка; Рубинчик Ю.А. Грамматика современного персидского литературного языка. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001.

9 Пейсиков А.С. Лексикология современного персидского языка.

10 Sadri Afshar G. H., Hakami Nasrin, Hakami Nastaran. Farhang-e moā’ser-e fārsi-ye emruz. Tehran: Farhang Moaser Publishers, 2002.

11 Ensafpur G. Kāmel-e farhang-e fārsi (farhang-e dari). Tehran: Zavvar, 1993.

12 Гаффаров М.А. Персидско-русский словарь. Том 2. М.: Наука, 1974.

б) движение к себе (Ю. А. Рубинчик «Грамматика современного литературного персидского языка»), пример: *farāčīdan* *тянуть к себе, собирать*.

В грамматиках и учебниках персидского языка префикс ‘farā-’ определяется как глагольный¹³, хотя в них упоминаются и его сочетания с другими частями речи (например, ‘farāham’ — префикс ‘farā-’ + местоимение ‘ham’ *тоже, также*).¹⁴

Примером, иллюстрирующим широкий спектр значений префикса ‘farā-’, может служить слово ‘farātar’, которое в словарях персидского языка М. Моина, Садри Афшар и др., Энсафпура толкуется следующим образом: ‘durtar’ *далее*, ‘bālātar’, ‘bolandtar’ *выше*, ‘pištar’ *вперед*.

Наречие ‘farātar’ является в своем роде уникальным, т. к. оно образовано из двух аффиксов, причем один из них — словообразовательный (префикс ‘farā-’), а другой — словоизменятельный (суффикс сравнительной степени прилагательных ‘tar’). В современном персидском языке слово ‘farātar’ употребляется в значениях *более широкий, выходящий за рамки*. ‘farātar az extiyārāt’ — *за рамками полномочий*, ‘ma’ni-ye farātar’ — *более широкое значение*. Кроме того, слово ‘farātar’ может встречаться и в глагольных словосочетаниях (в том же значении *выходить за пределы, превышать*): ‘har kodām az dowlathā-yi ke kasri-ye budje [ānhā] az se darsad-e towlid-e nāxāles-e melli farātar ravad, jarime mišavand’ — *Любая страна, где бюджетный дефицит превысит (букв. выйдет за пределы) три процента от валового национального продукта, подвергается штрафу*.

В монографии Л. С. Пейсикова «Очерки по словообразованию современного персидского языка» префикс ‘farā-’ определяется как малопродуктивный. В «Словаре сводных терминов Академии персидского языка и литературы»¹⁵ (где собраны все закрепившиеся в современном персидском языке термины, созданные двумя Академиями, начиная с тридцатых годов) зафиксированы только два неологизма с префиксом ‘farā-’: ‘farāxāndan’ *призывать* и ‘farāyāzi’ *прогрессия*. В «Словаре персидского языка» М. Моина приводится довольно значительное количество глаголов с префиксом ‘farā-’, однако в последние годы их полностью вытеснили сложные глаголы (например, глаголы ‘farāxāstan’ *восставать*, ‘farāpušidan’ *закрывать глаза на что-то*, ‘farāxāstan’ *вызывать, отзываться*, ‘farādādan’ *излагать* вышли из употребле-

13 Attari Kermani A. Dastur-e zaban-e farsi-ye novin. Tehran: Entesharate Aferinesh, 1374 (1995); Ahmadi-Givi H., Hakemi E., Shokri Y., Tabatabai Ardakani M. Zabān-o negāres-e fārsi. Tehran.: SMT, 1378 (1999), Marzbanrad A. Dastur-e sudmand. Tehran.: Qums, 1374 (1995).

14 В «Грамматике персидского языка» Аттари Кермани (Attari Kermani A. Dastur-e zaban-e farsi-ye novin.) префикс ‘farā-’ указывается как синонимичный префиксу ‘farāz-’ *выше, над*, хотя в большинстве других лингвистических работ ‘farā-’ и ‘farāz-’ указываются как разные префиксы. В словарях М. Моина и М. Амида происхождения префикса ‘farā-’ выводится из среднеперсидской приставки ‘frā-’, а происхождения префикса ‘farāz-’ — из приставки ‘frāč-’.

15 Kiyannush H. Farhange barābare Farhangeštāne Irān. Tehran: Soroush Press, 2002.

ния, их заменили сложные глаголы соответственно ‘qiyām kardan’, ‘češmruši kardan’, ‘ehzār kardan’, ‘bayān kardan’).

В последние годы в современном персидском языке валентность префикса ‘farā-’ расширилась за счет его соединения с именными основами. Это свидетельствует о том, что префикс ‘farā-’ перестал быть исключительно глагольным. Так, если в монографии Л. С. Пейсикова «Очерки по словообразованию современного персидского языка» отмечен только один случай, когда префикс ‘farā-’ в сочетании с суффиксом сравнительной степени прилагательных выступает как наречие (‘farātar’ *шире*), то в современной речи этот префикс все чаще встречается в сочетании с различными частями речи, образуя существительные, прилагательные и наречия, зафиксированные в современных толковых словарях персидского языка (Садри Афшар и др., Энсафпур).

В последние годы префикс ‘farā-’ активно используется в терминотворчестве, что, возможно, обусловлено относительно широким спектром его значений.

Примеры образования неологизмов с участием префикса ‘farā-’:

С глагольными инфинитивами: ‘farāxāndan’ *призывать* (префикс ‘farā-’ + глагол ‘xāndan’ *читать*)¹⁶;

С глагольными ОНВ: ‘farārow’ *восходящий* (‘farā-’ + ОНВ глагола ‘raftan’ *идти*), ‘farāgard’ *процесс, динамика* (‘farā-’ + ОНВ глагола ‘gardidan’ или ‘gaštan’ *вращаться*), ‘farāsanj’ *параметр* (‘farā-’ + ОНВ глагола ‘sanjidan’ *взвешивать*), ‘farātāb’ *прожектор* (‘farā-’ + ОНВ глагола ‘tābidan’ *блестеть*), ‘farāyāz’ *прогрессивный (матем.)* (‘farā-’ + ОНВ глагола ‘yāxtan’ *прибегать к чему-либо, намереваться*), ‘farāvareš’ *продуктивность* (ОНВ глагола ‘farāvāvo(a)rđan’ + суффикс отглагольных имен существительных ‘-eš’);

С глагольными ОПВ: ‘farāsāxt’ *анаболизм* (‘farā-’ + ОПВ глагола ‘sāxtan’ *строить*), ‘farāgašt’ *процесс* (‘farā-’ + ОПВ глагола ‘gaštan’ *вращаться*) ‘farāšod’ *процесс* (ОПВ глагола ‘farāšodan’ *входить*);¹⁷

С полуаффиксальными блоками: ‘farāxāni’ *призыв* (‘farā-’ + полуаффиксальный блок ‘xāni’), ‘farāhamāyi’ *семинар* (‘farā-’ + полуаффиксальный блок ‘hamāyi’ — производный от малоупотребительного глагола ‘be ham āmadan’ *собираться*), ‘farāyāzi’ *прогрессия* (‘farā-’ + полуаффиксальный блок ‘yāzi’), ‘farāvāri’ *производительность* (алломорф ‘far-’ + полуаффиксальный блок ‘āvāri’);

16 Глагол ‘farāxāndan’ и его производные можно назвать неологизмами весьма условно, т. к. они прочно закрепились в современном персидском языке и широко используются на протяжении нескольких десятилетий. Однако его все же следует упомянуть, поскольку это один из немногих неологизмов с префиксом ‘farā-’, зафиксированных в «Словаре терминов, собранных Первой и Второй Академиями персидского языка и литературы». *Kiyānuš H. Farhange barābare Farhangestāne Irān. Tehran: Soroush Press, 2002.*

17 Слова ‘farāsāxt’ и ‘farāgašt’ не могут считаться образованными по конверсионной модели из-за отсутствия в персидском языке глаголов ‘farāsāxtan’ и ‘farāgaštan’.

С именами существительными: ‘farāru(y)’ *стоящий перед чем-либо* (‘farā-’ + сущ. ‘ru’ *лицо*), ‘farāčang’ *трофей, добыча* (устаревшее значение *схваченный* — (‘farā-’ + сущ. ‘čang’ *лапа, когти*), ‘farāāgāhi’ *сознательность* (‘farā-’ + сущ. ‘āgāhi’ *сознание*), ‘farādast-e’ *выше, за пределами*;

С именами прилагательными: ‘farābanafš’ *ультрафиолетовый* (‘farā-’ + прил. ‘banafš’ *фиолетовый*), ‘farāsabok’ *сверхлегкий* (‘farā-’ + прил. ‘sabok’ *легкий*), ‘farāmelli’ *транснациональный* (‘farā-’ + прил. ‘melli’ *национальный*);

С наречиями и местоимениями: ‘farāpiš’ *стоящий перед чем-либо* (‘farā-’ + наречие ‘piš’ *прежде, раньше*) ‘farāham’ — *собранный, приготовленный* (‘farā-’ + местоимение ‘ham’ *также, тоже*);

Встречаются также неологизмы, образованные по конверсионной модели причастие → имя существительное: ‘farāvārde’ *продукция* (причастие прошедшего времени глагола ‘farāāv(a)rdan’ *производить*), ‘farhixte’ *интеллигент, образованный человек* (причастие прошедшего времени книжного глагола ‘far(ā)hixtan’ *воспитывать, обучать*), ‘farāyand’ *процесс* (производное от ‘farāāyande’ — причастия настоящего времени глагола ‘farāāmadan’ *выходит вперед*); ‘farākešand’ *прилив* — термин, утвержденный Академией персидского языка и литературы (производное от причастия настоящего времени глагола ‘farākešidan’ *притягивать, тянуть вверх*).

Производные, образованные с участием различных основ (ОНВ и ОПВ) одного глагола (‘farāgašt’ *процесс* (<ОПВ глагола ‘gaštan’ *вращаться*), ‘farāgard’ *процесс, динамика* (<ОНВ того же глагола или производного от него понудительного глагола ‘gardidan’ с тем же значением), могут быть близкими по значению или синонимами.

Некоторые слова с префиксом ‘farā-’, зафиксированные в словарях, в частности, в «Словаре персидского языка» М. Моина и «Персидско-русском словаре» М. А. Гаффарова, получили новое значение. Так, слово ‘farāham’, зафиксированное в словарях 30-х годов в значении *собранный вместе*, в современном языке имеет значение *подготовленный* и чаще всего употребляется в составе сложного глагола ‘farāham āvordan (kardan)’ *подготавливать (почву), создавать (условия)*. В этом значении оно и зафиксировано в современных словарях. Слово ‘farāruy’ в «Персидско-русском словаре» М. А. Гаффарова приводится в значении *за глаза*, в словарях персидского языка М. Моина и М. Амида — в значении *равный, известный*. Однако в последнее время это слово употребляется в языке в значении [*стоящий*] *перед чем-либо* (синоним предлога ‘ruberu-ye’ *перед, напротив*): ‘masāyel-e farāru-ye dowlat’ — *проблемы, стоящие перед правительством*.

Широкий спектр значений префикса ‘farā-’ обусловил его активное применение, в частности, в современной общественно-политической, экономической и научной терминологии, при калькировании префиксов, имеющих то же общее значение — *выход за пределы чего-либо*:

«транс»: ‘farāmelli’ *транснациональный* ‘farāmarzi’ *трансграничный* ‘farāmantaqeyi’ *трансрегиональный* ‘farājanāhi’ *независимый (не принадлежащий к какой-либо партии или фракции)*

«сверх»: ‘farāsowt’¹⁸ *сверхзвуковой*, ‘farāsabok’ *сверхлегкий*;
 «ультра»: ‘farābanafs’ *ультрафиолетовый*, ‘farāsowt’ *ультразвуковой*;
 «вне»: ‘farāzamini’ *внеземной*, ‘farāsu’ *вне темы*, ‘farāsāheli’ *оффшорный (вне берега)*, ‘farāqānuni’ *выходящий за рамки закона*;
 «пост»: ‘farātajaddod’ *постмодернизм*;
 «пара»: ‘farātārix’ *параистория (протоистория)*, ‘farātajrobi’ *паранормальный*
 ‘farāsanj’ *параметр*.

Приведенные примеры подтверждают то, что сфера употребления префикса ‘farā-’ значительно расширилась, и сейчас его уже нельзя с полной уверенностью отнести к разряду малопродуктивных. Об этом свидетельствует тот факт, что ряд слов с префиксом ‘farā-’ (‘farāyand’, ‘farāmelli’, ‘farāmarzi’, ‘farāmantaqeyi’, ‘farāgard’ и др.) прочно закрепился в современном персидском языке, в частности, в общественно-политической терминологии, а также то, что с его участием продолжают образовываться новые слова (например, ‘farāzamini’, ‘farāqānuni’, ‘farātajaddod’).

Большинство из этих неологизмов в персидско-русских и русско-персидских словарях не зафиксированы, однако в ряде случаев определить их значение не представляется сложным, главным образом, за счет знания значений префикса ‘farā-’. Процесс образования неологизмов с участием префикса ‘farā-’ подчиняется определенной логике, хотя некоторые слова, такие как ‘farātajaddod’ *постмодернизм* выглядят как искусственные образования и вряд ли можно ожидать, что они закрепятся в языке (в литературе в таких случаях дается сноска с переводом неологизма на английский язык). Тем не менее, такие неологизмы являются дополнительным подтверждением факта роста продуктивности префикса ‘farā-’ в современном персидском языке.

18 В данном случае префикс ‘farā-’ был предложен в качестве замены арабского префикса ‘māfowq-e’ ‘сверх’ в рамках движения за очищение персидского языка от иностранных заимствований. Прилагательное ‘farāsowt’ стало синонимом слова ‘māfowq-e sowt’ *сверхзвуковой*, не вытеснив при этом его из персидского языка. Явление, впрочем, довольно редкое, т.к. попытки заменить арабские слова персидскими оказались в целом неудачными, и в последние годы уже не выдвигаются лозунги замены арабских заимствований на персидские слова.

Г. П. ЕЖОВ

МОНЕТЫ ЭПОХИ КАДЖАРОВ

Последняя четверть XVIII в. в Иране ознаменовалась жесткой борьбой за власть. После смерти в 1779 г. Керим Хана Зенда, который со столицей в Ширазе начал проводить некоторые реформы, направленные на усиление государства и улучшение его состояния, в стране начались междоусобицы. Влиятельные ханы из племени Зендов ожесточенно боролись за власть в центре и на юге страны, в результате чего трон захватил Лотф Али Хан, последний из рода Зендов. А в это время в северных районах, Астрабаде и Мазендаране происходило укрепление власти племени каджаров. Среди каджарских ханов своей смелостью и жестокостью выделялся Ага Мохаммад Хан, прошедший в качестве заложника пятнадцать лет в Ширазе у Керим Хана. Перед смертью последнего Зенда Ага Мохаммад Хану удалось бежать и обосноваться в Астрабаде — месте проживания его сторонников племени каджаров. Власть Ага Мохаммад Хан получил не сразу, ему пришлось вести упорную борьбу со своими братьями, из которой он вышел победителем. Утвердив себя как главу племени, Ага Мохаммад Хан стал постепенно завоевывать другие регионы страны. К 1783 г. он захватил Гилян и Мазендаран, через два года его власть распространилась на Тегеран, Кум, Кашан, Исфахан. Несколько лет войска Ага Мохаммад Хана не могли овладеть Ширазом, но к 1794 году практически вся страна находилась под его властью, которую он устанавливал жестокой рукой. Так, при взятии Кермана большое число жителей были обращены в рабов, многие ослеплены. Практиковалось также сооружение пирамид из отрубленных голов и массовые казни. Кости ненавистного ему Керим Хана Зенда он велел закопать под ступеньками дворцовой лестницы, чтобы люди по ним ходили (интересно отметить, что после исламской революции в Иране новая власть переименовала все улицы, носившие имена бывших владельцев страны, и только улице Керим Хана Зенда оставили прежнее название).

Завоевав юг страны Ага Мохаммад Хан вернулся в Тегеран, который он сделал столицей страны еще в 1785 г. Во время кавказской войны Ага Мохаммад Хан был убит и власть в стране перешла к его племяннику — Фатх Али Шаху. В первые годы правления Каджаров денежная система была расстроена, чеканка монет производилась на 57 монетных дворах (см. приложение).

(Формально первым каджарским вождем считается Мохаммад Хасан Хан, сын Мир Фатх Али хана, родившийся в 1715 г. и бывший беглербе-

ком Астрабада, Горгана, Мазендарана и Гиляна в период 1747–1758 гт. — см. приложение 2)

На всех монетных дворах чеканилась монета, различная по рисунку, и достоинству. До 21 марта 1925 г. все иранские монеты датировались по лунной хиджре, после этого был введен солнечный календарь.

Самой мелкой денежной единицей был динар. В 1797–98 гт. 50 динаров составляли 1 шахи, 200 динаров — 1 аббаси, 15 шахи — 1 рупию, 2 рупий и 2 шахи — 1 туман.

Монета в 1 шахи была впервые чеканена в 1501 г. и всегда составляла 50 динаров.

Туман был введен в оборот в 1230 г. и всегда состоял из 10.000 динаров.

Относительно рупии того периода точных сведений нет.

В 1798–1825 гт. в обращении был риал, равный 1250 динарам, и туман того периода состоял из 8 риалов.

Монетная система Ирана до 1878 г. базировалась на монгольской системе, оставшейся после правления Махмуда (1297 г.) и являлась последним примером средневековой мусульманской денежной системы. Понять ее затруднительно, поскольку этот вопрос недостаточно исследован, но в общих чертах известно, что вес серебряных и золотых монет определялся законом и выражался в мескалях (4,61 г) или нохудах (вес горошины — 24 нохуда составлял 1 мескаль). Основными серебряными монетами были рупии (с 1797 г.), риал (с 1797–1825 гт.) и кран (с 1825–28 гт.). Стандартной золотой монетой был туман.

Кроме целых монет, чеканились также их части, половина, четверть, восьмая доля, причем делалось это обычно теми же штемпелями, что и при чеканке целых единиц. Просто металлический кружок делался тоньше, поэтому монеты того времени разделить по стоимости можно только по весу, так как номинал на них никогда не чеканился.

Каждый из правителей время от времени прибегал к простейшему способу увеличить свои доходы, проводилась девальвация монет в обращении. Особенно это происходило периодами от 2 до 26 лет. Старые монеты собирались и перечеканивались, а разница поступала в казну. Этим самым поднималась цена серебра и золота.

Часто вес мелких монет уменьшался, хотя это сурово наказывалось, и в обращении можно было найти монеты на 15% легче номинала. Некоторые монетные дворы, как, например Хамаданский, уменьшали пробу серебра и золота, за что руководитель двора поплатился головой. Золотые и серебряные монеты чеканились при Каджарах на 34 монетных дворах. Остальные выпускали медную монету для местного обращения.

В период правления Карим Хана Зенда (1763–1779 гт.) основная часть монет чеканилась анонимно, иногда с легендой «О. Карим» иногда с более длинной легендой.

На большей части монетных дворов чеканили серебряную монету достоинством в 1 шахи (1,15 г), аббаси (4,6 г), 6 шахи (6,9 г), 2 аббаси (9,2 г), рупию (11,5 г), а также золотую в 1/4 мохура (2,75 г), 1/2 мохура (5,5 г), и только в Ширазе золотой мохур весом в 11 г.

Медная монета в 1 филс чеканилась многими монетными дворами, она бывала круглой, овальной, 6-гранной, обычно с изображением льва, повернутого вправо или влево, павлина, рыбы быка, солнца, иногда льва и солнца. Монеты были различной толщины, рисунок, как правило, плохо проработан, гравировка грубая.

После смерти Карим Хана, все претенденты на трон стали чеканить монеты в тех городах, в которых они обосновались. Так, Абул Фатх Хан Зенд в 1779 г. в Ширазе чеканил серебряные шахи и рупию, а также 1/4 мохура в золоте, соблюдая вес и размер монет Карим Хана.

При Седик Хане Зенде в 1779–81 гг. монеты чеканились в Йезде, Тебризе, Хосе, Мазендаране, Эчфазане, Казвине — достоинством в шахи, аббаси, 2 аббаси, рупию, золотые 1/8 мохура (1,38 г), 1/4 мохура и 1 мохур.

При Али Мурад Хане Зенде в 1779–85 гг. монеты чеканились в Ширазе, Исфахане, Реште, Кашане, Йезде, Казвине — достоинством в шахи, 1/3 рупии (3,83 г), 2 аббаси, 1/4 мохура и мохур стандартного веса.

Таги Хан Бафки (повстанец в Йезде) выпускал под своим именем в 1785–87 гг. монету в 1/4 мохура.

Хедаят Хан (повстанец в Реште) в 1785 г. отчеканил монету достоинством в 1/3 рупии весом 3,83 г.

Исмаил Хан Зенд (повстанец в Хамадане и Казвине) выпускал со своим именем монету в 1/4 мохура.

Джафар Хан Зенд в 1785–89 гг. чеканил в Ширазе и Исфахане монеты достоинством шахи, аббаси, рупию, 1/4 мохура и мохур стандартного веса. Несмотря на то, что Джафара убили 23 января 1785 г., монеты с его именем в Ширазе чеканились сторонниками Лотф Али Хана в 1790 г. и даже в 1791 г.

Сайед Мурад в 1789 г. успел выпустить в Ширазе монеты со своим именем достоинством в шахи и рупию.

Лотф Али Хан Зенд чеканил в Ширазе в 1789–95 гг. золотые монеты весом 2,04 г и достоинством 1/4 тумана.

Надир Мирза Афшар в Мешхеде в 1795–1803 гг. чеканил серебряные шахи весом 1,15 г и рупии (11,5 г) с легендой «ас-Султан Надир».

Хусейн Кули Хан Каджар в Эсфазане в 1801 г. чеканил риалы весом 10,4 г.

Ага Мохаммад Хан Каджар за время своего царствования чеканил монеты по крайней мере 8 типов, но поскольку в стране ходили монеты разных правителей, отличавшихся по размеру, весу, пробе и легендам, то установить четкую картину денежного обращения того периода с полной вероятностью трудно. Сам Ага Мохаммад чеканил шахи (1,15 г) двух типов, аббаси (4,6 г) двух типов, 1/2 рупии весом в 5,75 г, 2 аббаси весом 9,2 г, кото-

рые равнялись 8 шахи и рупии трех видов; одну стандартную весом в 11,5 г, и в 1797 г. при взятии Мешхеда в виде контрибуции — 30 тысяч рупий весом 11 г а также рупию весом 8,9 г. В обращении находилась также рупия весом 8,9 г, но специалисты считают, что это имитация, и эти монеты чеканились правителями династии Дуррани на территории современного Афганистана и Пакистана.

В 1797 г. в обращение была введена монета в 1/2 риала весом 6,33 г, чеканенная в Тебризе, хотя монета в 1 риал весом 12,67 г., содержащая 20 шахи (видимо произошла девальвация шахи, раньше рупия содержала 10 шахи) чеканилась с 1790 по 1797 г. — год убийства шаха, а в Гяндже эту монету чеканили и в 1798 г.

Золотые монеты в 1/4 мохура чеканились с 1781 по 1790 год, а 1/4 тумана в 1781 г. весили 3,2 г, следующие три года вес монеты был снижен до 2,88 г, а еще через три года — до 2,95 г. Монета в 1/2 тумана чеканилась с 1790 по 1798 г., а в 1795 г. в обращение поступила монета достоинством 2 тумана и весом 16,4 г.

В этот период начали выпуск своеобразных «подарочных» монет достоинством 10 туманов и весом 81 г, 20 туманов (162 г) и квадратная монета в 50 туманов, весом 402 г. Эти монеты, чеканенные ограниченным тиражом и представляющие в наше время значительную ценность, предназначались для подарков и наград.

После убийства Мохаммад Ага Хана в 1797 г. его сын и наследник около трех месяцев до дня коронации чеканил монету под именем Баба Хана. Все монеты, выпущенные в этот период, имеют одну дату — 1212 г. Были отчеканены серебряные шахи двух типов весом 1,15 г, 1/2 риала (5,75 г) и риал двух типов (11,5 г).

Став шахом, Фатх Али, правивший с 1797 по 1834 год, чеканил монету нескольких стандартов. По случаю коронации в 1797 г. была отчеканена партия рупий весом в 60 нохудов (11,5 г). Больше монеты такого веса не чеканились.

Монеты риалового стандарта: 1/8 весом 1,3 г, 1/4 (2,6 г), 1/2 (5,2) и 1 риал (10,4 г) чеканились до 1817 года, тогда же выпускались золотые монеты первого стандарта достоинством 1/2 тумана и 1 туман весом 32 нохуда (6,1 г). Второй риаловый стандарт существовал в период 1817–1826 гг., когда вес риала был снижен до 2 мискалей, или 48 нохудов (9,2 г). Набор монет остался прежним.

Следующая реформа ввела в обращение «крановый» стандарт, и вес новой денежной единицы — крана был принят в 9,6 г. Набор монет остался прежним, т. е. кран делился на две, четыре и восемь частей. Эта система существовала до смерти шаха в 1834 г.

Золотой стандарт также менялся несколько раз. Второй золотой стандарт использовался в 1805–1809 гг., когда вес золотого тумана был установлен в 40 нохудов (5,8 г). Туман делился на две и четыре части.

В 1809–1812 гг. вес золотого тумана был снижен до 28 нохудов, т. е. до 5,4 г, и монеты выпускались достоинством в 1 туман и полтумана.

Следующей реформой вес тумана был снижен до 25 нохудов, или 4,8 г. Монеты в 1814–1816 гг. выпускались двух достоинств, в 1 туман и полтумана.

С 1814 по 1828 гг. вес тумана был снова снижен и составлял 24 нохуда, или 4,6 г. Туман делился на две и четыре части.

И в последние годы царствования шаха, в 1832–34, вес тумана был снижен до 18 нохудов, или 3,5 г. Кроме тумана выпускалась монета в полтумана.

Что касается типов выпускаемых монет, то определить их практически невозможно. Медные монеты, так называемые «фолусь», каждая административная единица чеканила для обращения в определенном городе и его пригородах. Каждый год старые монеты собирались (обычно, за полцены), и после переплавки из них чеканили новую партию. А для того, чтобы неграмотные люди могла понять, какого года выпуска монета, рисунок на них меняли ежегодно. Чеканились монеты с изображением льва, льва и солнца, оленей, быков, всадников, павлинов, рыб, павлина со змеей в клюве, человека с ружьем, лошади, весов и т. д. Однако рисунки неизбежно повторялись, вес вновь отчеканенных монет иногда не соответствовал общепринятому, но такое упущение со стороны монетного мастера каралась смертью, поэтому вес обычно выдерживался, а сэкономили на тираже. Определить монетные дворы, на которых чеканились филсы, крайне трудно, даты на них ставились редко, и до наших дней дошло очень мало медных монет того периода.

На серебряных и золотых монетах обычно чеканилась формула веры, имя шаха, монетный двор и дата выпуска. Надписи были самые разнообразные, каждый монетный двор чеканил разные монеты

После смерти Фатх Али Шаха в течение месяца власть была в руках у Султан Али Шаха, который успел выпустить со своим именем небольшое количество монет старого образца, кранов и туманов на монетном дворе в Тегеране.

На юге Ирана власть захватил Хусейн Али Шах, правивший около шести месяцев, и чеканивший на монетных дворах Кермана, Шираза и Йезда серебряные и золотые монеты со своим именем.

В 1834 г. власть перешла в руки Мохаммад Шаха, правившего страной в течение 14 лет. При нем денежная система Ирана реформировалась трижды. В 1835–36 гг. вес серебряного крана был принят в полтора мискаля (36 нохудов), или 6,9 г, и кран делился на две и четыре части.

В период 1837–1840 гг. вес крана был уменьшен до 30 нохудов, и составлял 5,8 г. Монеты чеканились в 1 кран, половину, четверть и восьмую долю крана.

Следующие десять лет, до самой смерти шаха, кран содержал 28 нохудов серебра, или 5,4 г, а монеты чеканились пяти достоинств: 2 крана, 1 кран, половина, четверть и восьмая доля.

Что касается золотых монет, то чеканились четверть тумана, полтумана и туман весом в 18 нохудов, или 3,5 г. На всех монетах на аверсе было имя шаха, на реверсе — название монетного двора и дата, кроме серебряного крана машинной чеканки тегеранского монетного двора, где на реверсе было изображение льва и солнца.

От Хасан Хана Салара, занимавшего трон в 1848–50 гг., никаких монет до нашего времени не дошло, и если в его царствование они чеканились, то, видимо, были переплавлены в последующий период.

Сорокавосьмилетний период пребывания на троне следующего владыки, Наср эд-Дин Шаха (1848–96 гг.) был ознаменован значительными изменениями в денежном обращении. Сразу после воцарения шаха, была проведена очередная реформа, вес крана был уменьшен до 28 нохудов, или 5,4 г чеканились доли крана: половина, четверть и восьмая, выпускались медные монеты достоинством 25 и 50 динаров (шахи).

В 1857 г. была проведена вторая реформа. Вес крана уменьшился до 26 нохудов (5 г), набор монет не изменился.

Золотые монеты чеканились из расчета 1 туман весом 18 нохудов (3,45 г). В обращении были монеты в 1/8, 1/4, 1/2 тумана, 1 и 2 тумана.

В 1878 г. по указанию шаха были закрыты все монетные дворы кроме тегеранского, который к тому времени модернизировали: завезли европейские машины и стали выпускать медные монеты достоинством в 12, 25 и 50 динаров (1 шахи), 100 динаров (2 шахи), 200 динаров (4 шахи), вместе с тем чеканились монеты достоинством 1 и 2 шахи, то есть, шло своеобразное дублирование.

Для подарков приближенным, особенно в день Нового года — Ноуруза, чеканилась особая серебряная монета «шахи-йе сефид» — белый шахи, который по номиналу стоил 3 шаха, или 150 динаров.

Эта монета чеканилась из более тонких кружков, чем нормальные серебряные монеты, но была больше по размеру. Этот обычай существовал до 1926 г., когда для подарков стали чеканить специальные «токенъ», стоимость которых не были связана с монетами.

Серебряная монета в 1/4 крана или 5 шахи имела вес 1,5 г и пробу 900. Она называлась «роб'и».

Серебряная монета в 500 кранов (10 шахи) или 1/2 крана чеканилась с несколькими обозначениями стоимости: «500 динаров», «пятьсот динаров» и «10 шахи». С 1878 г. начался выпуск серебряных монет в 1 кран с надписью «одна тысяча динаров» и 2 кранов с аналогичным обозначением. Эти монеты выпускались и после смерти Наср эд-Дин Шаха. В 1859 г. впервые была выпущена монета с портретом шаха, и с тех пор это стало в Иране нормой.

К 50-летней годовщине царствования была отчеканена специальная монета достоинством в 2 крана с гербом (лев и солнце) с одной стороны, и надписью «султан зулькарнейн Наср эд-Дин Каджар» (Зулькарнейн — двурогий, титул, присвоенный Александру Македонскому).

Известно, что шаха убили накануне юбилея, но какая-то часть монет попала к окружавшим его лицам и дошла до наших дней, хотя весь выпуск был уничтожен.

Золотые монеты чеканились достоинством 1/5 тумана 2000 динаров, 0,65 г), 1/2 тумана (5000 динаров, 1,67 г, затем 1,43 г), 1 туман, 2 тумана, 10 туман, обычно с портретами шаха.

Выпускались и памятные монеты. Так, после возвращения шаха из Европы в 1893 г. были выпущены памятные монеты достоинством 5, 10 и 25 туманов. В 1880 г. была отчеканена золотая монета достоинством 2 тумана, посвященная 7 имаму.

При трех последних правителях Ирана из дома Каджаров положение не менялось. Чеканились те же монеты, того же достоинства и веса, сто и раньше.

При Ахмад Шахе было отчеканено небольшими тиражами шесть типов подарочных монет, равных 5 туманам в золоте, последняя в 1919 г.

Принятая при Каджарах монетная система существовала до 21 марта 1925 г., в феврале Реза Хан становится главнокомандующим иранской армии. Ахмад Шах находится в это время за границей. Иранский Меджлис 31 октября того же года объявил о низложении династии Каджаров, наследный принц Мохаммад Хасан был выслан из страны, а 12 декабря 1925 г. в Иране воцарилась новая династия под названием Пехлеви.

Приложение 1

Монетные дворы, работавшие в различные периоды правления династии Каджаров

Абу шахр	Нахви
Ардебиль	Нахичевань
Астрабад	Орумийе
Бендер Аббас	Панахабад
Басра	Пешавар
Бехбехан	Ранаш
Боруджерд	Решт
Бхаккар	Резайе
Гянджа	Рекаб
Герат	Сарахс
Гилян	Сари
Дербент	Саудж булаг
Дизфуль	Семнан
Джелоу (армеский)	Синд
Зенджан	Солтанабад
Мешхед	Табаристан
Ираван (Эриван)	Тебриз
Йезд	Тегеран
Казвин	Тифлис
Кашан	Той серкан
Керман	Фуман
Керманшахан	Хамадан
Кум	Хой
Лахиджан	Хувайза
Лахор	Шемаха
Мазендаран	Шираз
Марага	Шуштар
Насери	Исфахан

На всех указанных монетных дворах чеканилась монета, различная по рисунку и достоинству.

Приложение 2
Генеалогия Каджаров

Мир Фатх Али хан	Мохаммад Хасан хан (1715–1758) Беглербек Астрабада, Горгана, Мазендарана и Гиляна (1747–1758)
Ага Мохаммад шах (1742–1797) беглербек Азербайджана, 1757–1796, шахиншах 1796–1797	Хосейн Кули хан (1749–...) беглербек Дамгана 1769–1777, беглербек Горгана 1777
Фатх Али Шах (1771–1834) шахиншах, 1797–1834	
Аббас мирза (1789–1833) Валиахд, 1800–1833	
Мохаммад Шах (1808–1848) валиахд 1834, шахиншах (1834–1848)	
Наср-эд-Дин Шах (1834–1896) валиахд 1835–1848, шахиншах (1848–1896)	
Мозаффар эд-Дин Шах (1852–1907) валиахд 1862–1896, шахиншах (1896–1907)	
Мохаммад Али Шах (1872–1924) валиахд 1896–1907, шахиншах (1907–1909)	
Султан Ахмад Шах (1892–1930) валиахд (1907–1909), шахиншах (1909–1925), шахиншах в изгнании (1925–1930)	Мохаммад Хасан хан (1899– 1943), валиахд (1909–1925), валиахд в изгнании (1925– 1940), шахиншах в изгнании (1930–1943)
Феридун мирза (1922–1975) валиахд в изгнании (1930–1975)	

Г. П. ЕЖОВ

ПОЛВЕКА ТОМУ НАЗАД В ТЕГЕРАНЕ (ОТРЫВКИ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ СОВРЕМЕННОГО)

После демобилизации из рядов флота, и окончания в 1951 г. 6-го («переводческого») курса Московского института востоковедения, я получил диплом, в котором моя квалификация значилась, как «референт-переводчик по Ирану» и довольно неожиданно для себя оказался не только на государственной службе, но и в Иране. Дело в том, что с выездом за рубеж в те годы было очень сложно, а в Иран — еще сложнее, поскольку отношения между нашими странами по ряду причин были напряженными, и иранцы весьма неохотно давали въездные визы. Мне же, еще во время учебы наш легендарный преподаватель Иосиф Иосифович Палюкайтис предложил поступить к нему в аспирантуру по специальности «экономика Ирана», на что я весьма охотно согласился. Учиться мне нравилось, я много времени проводил в библиотеках, читая все, что можно было достать по своей будущей специальности на русском, немецком и английском языках, которые я, стараниями моих родителей, знал практически еще с детских лет. В Ленинскую библиотеку в то время можно было записаться уже после второго курса, мне нравилось сидеть по вечерам за длинными столами во весь громадный зал «Пашкова дома», книги можно было заказывать накануне по телефону, так что времени на поиски и ожидания практически не тратилось.

Наш преподаватель географии и экономики И. И. Палюкайтис был родом из бедной литовской семьи (по его рассказам, у них дома спички раскалывали на две части из экономии), но он очень хорошо учился и был послан за казенный счет сперва в гимназию, которую он окончил с золотой медалью, а затем в Лазаревский институт, носивший тогда название «Институт живых и мертвых восточных языков для бедных армянских детей», который он закончил в 1913 г. После этого он работал несколько лет в Иране и хорошо его знал.

Кстати, несколько слов о Лазаревском институте. Он был создан на средства братьев Лазаревых, которые пожертвовали в начале XIX века громадную сумму — 300 тыс. рублей, и с разрешения императора построили дом в Армянском переулке, существующий и сейчас, в котором жили и учились первые студенты. Постепенно этот институт разрастался и превратился в элитное учебное заведение, выпускавшее переводчиков и страноведов высокого класса — «драгоманов», как их тогда официально назы-

вали. Институт обладал собственной типографией с наборами различных восточных шрифтов, сам выпускал учебники и прочую литературу. После революции его закрыли, но М. Горький написал Ленину письмо, осуждавшее такие действия, и институт был снова открыт. Первым ректором вновь созданного Института востоковедения им. Н. Н. Нариманова при ЦИК СССР стал М. П. Павлович (М. Л. Вельтман) — один из основателей советской школы востоковедения, создатель новой Академии Генерального штаба и Ленинградского института живых восточных языков, председатель Российско-восточной торговой палаты.

За время советской власти институт сменил несколько названий (все, имени кого его называли, оказывались потом «врагами народа»), пока не превратился просто в Московский институт востоковедения, в котором преподавали лучшие специалисты того времени: академики Гордлевский, Конрад, Крачковский, Алексеев, членкор Бертельс, такие профессора, как Брегель, Беляев, Баранов, Оде-Васильева, Кунисский и многие другие (вечная им память и благодарность). Кроме министерства высшего образования институт курировал еще МИА, поэтому у нас была вполне приличная стипендия, и мы получали добавочную карточку, что в те времена было большим подспорьем, особенно для студентов, живших в общежитии в Алексеевке.

Правда, в 1954 г. институт снова закрыли, и теперь уже навсегда. В живых не оказалось ни Горького, ни Ленина, ни Павловича, а чиновникам было наплевать на подготовку кадров. Через пару лет министерство спохватилось и стало расширять подготовку востоковедов в МГУ, откуда, в конце концов, и отпочковался Институт стран Азии и Африки, расположенный в центре Москвы на Моховой в самом старом здании Московского университета. А по линии МИДа был создан Московский институт международных отношений (ныне также получивший статус университета).

Одновременно с аспирантурой мне предложили поехать по линии Госбанка в Иран для работы переводчиком в Русско-Иранском банке в Тегеране, однако предупредили, что вопрос с визой решается тяжело, и что возможно ждать надо будет долго. Я дал согласие на оформление в Иран, заполнил две громадные анкеты, где кроме всего прочего нужно было указать девичьи фамилии обеих бабушек, перечислить всех не только родных, но и двоюродных сестер и братьев (а если учесть, что в семье моего отца было 12 детей, а в семье моей матери 6, то понятно, сколько времени потребовалось на выяснение всех подробностей типа «если умер, то на каком кладбище похоронен») и стал готовиться к аспирантуре. И вот, в конце сентября, накануне того дня, когда нужно было сдавать первый экзамен в аспирантуру, мне позвонили из банка и сообщили, что разрешение на мой въезд в Иран получено, и я должен готовиться к отъезду. Растерявшись от этой неожиданности, я пошел к нашему декану А. М. Касаеву. Выслушав меня, он, недолго думая, сказал: «плюнь на аспирантуру, и езжай, а то знать ничего не будешь». Потом подумал, и добавил: «а перед Палюкайтисом извинись, и скажи, что в аспирантуру поступишь, когда вернешься».

Александр Михайлович Касаев бы, в своем роде, тоже замечательным человеком. Он еще до войны учился в нашем институте на турецком отделении, был отправлен вместе с другими студентами на практику на строительство Большого ферганского канала в качестве информатора-пропагандиста. Как он впоследствии сам рассказывал, он попал в таджикскую бригаду, где с турецким языком нечего было делать. Тогда он «быстренько», как мне говорил, выучил таджикский» и стал читать им газеты. Вернувшись в институт, он на 5 курсе выучил персидский, сдал госэкзамены по двум языкам и уехал в Тегеран в наше посольство переводчиком. Проработав там много лет, он выучил несколько иранских диалектов и по словам знакомых мне профессоров Тегеранского университета его отличить от настоящего перса можно было только по письменной речи, поскольку он иногда писал литературным языком высокого стиля, что в обиходе было мало принято.

Отношения между нашими странами в те годы были натянутыми, и МИД Ирана иногда месяцами не выдавал въездные визы даже дипломатам.

Вообще, выезд за границу в то время был довольно редким явлением, если не считать дипломатов, внешнеторговых работников и приравненных к ним специалистов. Большинство выпускников нашего института были вынуждены сами искать себе работу, многие начали преподавать западные языки в школах, некоторым, даже окончившим институт с красными дипломами, пришлось сменить специальность или даже пойти на то, чтобы поступить на заочное образование по другой специальности. Так что мне в этом смысле весьма крупно повезло, и судьба оказалась ко мне благосклонна, что, кстати, она продолжала делать и впоследствии, в течение моей довольно продолжительной жизни.

В конце октября 1951 г. я сел в мягкий вагон поезда Москва—Баку и через три с половиной дня прибыл в столицу Азербайджана. В вагоне почти все ехали в Баку, кто к родственникам, кто в командировку. Помня о бдительности, о которой мне строго внушали в ЦК КПСС, где и знакомился с толстой инструкцией на тему «что там можно, что — нельзя», из которой мне больше всего запомнились наставления «ни во что не вмешиваться», и «ничему не удивляться», я тоже говорил, что еду к знакомым после демобилизации.

По приезде в Баку я на такси поехал в рекомендованную мне в Москве гостиницу Интурист, расположенную над городом в парке Кирова. Каково же было мое удивление, когда в вестибюле гостиницы я увидел практически всех, с кем ехал трое суток в одном вагоне. Все заполняли гостиничные анкеты, держа в руках, кто красные, общегражданские, кто синие, служебные, кто зеленые, дипломатические паспорта, а женщина-администратор громким голосом просила дикпурьеров подойти и оформить необходимые документы без очереди.

Первые впечатления

Утром нас привезли на пристань, где после прохождения всех таможенных и пограничных формальностей мы разместились в небольших каютах грузопассажирского парохода «Пионер», на котором нам суждено было идти к иранским берегам. Дул сильный ветер, нагоняя волну, темное море волновалось и наше небольшое суденышко сразу же после выхода из бухты стало валять с борта на борт. Большая часть пассажиров после обеда залегли в койки, из которых их не смогли выманить даже призывы к ужину. Дипкурьерам отнесли ужин в каюту, а за столом в кают-компании оказались мы вдвоем с капитаном, который после ужина стал учить меня играть в нарды. Остальные пассажиры с охами и ахами старались переносить капризы погоды и тяготы путешествия. Через сутки сквозь пелену дождя на горизонте стали проступать очертания горных цепей Эльбурса, и показался иранский берег — порт Пехлеви (получивший после революции 1979 г. свое первоначальное название — Бандаре-Анзели). Волнение было таким, что капитан не решался в течение нескольких часов войти в узкую горловину, ведущую к причалу. Подошедшая шлюпка с трудом приняла на борт дипкурьеров, а остальным пассажирам оставалось только ждать и надеяться на улучшение погоды. Наконец ветер немного стих, корабль причалил, и мы очутились на иранском берегу. Встречавшие быстро разобрали приехавших, меня повез на извозчике к себе домой управляющий отделением нашего банка в Пехлеви. В воздухе висела какая-то сырость, то ли мелкий дождь, то ли туман. Люди ездили по улицам в наших дореволюционных колясках с поднятым верхом, которые назывались по местному «дорошке» (с ударением на конечную гласную, как это принято в персидском языке). Было много велосипедистов, крутивших педали под большими черными зонтиками, редкие пешеходы в калошах и также с зонтиками спешили по своим делам по деревянным тротуарам немощеных улиц.

Квартира встретившего меня человека занимала второй этаж небольшого особняка, охраняемого полицией. Сам банк находился на первом этаже. Было уже около двух часов по местному времени. Спросив кассира, есть ли вопросы и все ли сделано, управляющий велел ему закрывать банк. В это время прибежала жена управляющего, которая работала на местной метеостанции. Накрывая на стол, и одновременно расспрашивая про жизнь в Москве, она сказала, что такая сырость у них уже больше десяти дней, улучшений погоды не предвидится, обувь из шкафа приходится просушивать перед огнем каждую неделю, а железные перья в ручках ржавеют, если ими не пользуются несколько дней. После обеда хозяйка ушла на работу, а меня уложили отдохнуть на громадную деревянную кровать. И тут я сам мог убедиться, насколько влажен воздух. Простыня, наволочка, пододеяльник были такими влажными, как будто их, не досушив, постелили на кровать. Такими же были полотенца в ванной, которыми я вытирался после душа.

Вечером мои гостеприимные хозяева повезли меня поужинать в ресторан в Гуриане, расположенном на другом берегу пехлевийского залива. Там я увидел большую часть приехавших со мной людей, с которыми я на следующий день, попрощавшись с милыми людьми, оказавшими мне такое гостеприимство, утром на автобусе отправился по горным дорогам через Рашт и Казвин в Тегеран. Путешествие по немощенной дороге по горам заняло около девяти часов, причем пограничный пост, где у нас придирчиво проверяли документы, оказался в Раште.

В Тегеране я попал в радушные объятия Председателя правления Русско-Иранского банка Александра Ивановича Амелина и его гостеприимной жены Александры Ивановны. Банк находился в то время в правом крыле старого, теперь уже не существующего здания нашего Торгпредства на улице Паменар, недалеко от городского крытого базара. За служебным зданием торгпредства в глубине сада было несколько одноэтажных жилых домов, где мне дали небольшую комнату, все убранство которой состояло из стенового шкафа-буфета, деревянной кровати-топчана с ватным матрацем, письменного стола, трех стульев и круглой железной печки, которая топилась опилками. Эта печь служила не только для обогрева комнаты, но и могла использоваться, как плита для приготовления еды. Обедал я в торгпредской столовой, а ужин готовил сам. Приходя после работы к себе в комнату, я приносил с собой вечернюю газету, ставил на плиту 4 кастрюльки от купленного судка, в которых варилась каша (обычно рис или голландский геркулес «Квакер», который продавался в консервных банках), сосиски, вода для чая и воды для мытья посуды, и пока все это готовилось, я читал газету. Поскольку я чувствовал пробелы в полученном образовании, я каждый день взял себе за правило, читать передовицу газеты вслух 25 раз, перекладывая на столе спички, чтобы не ошибиться. Перед этим я тщательно расставлял огласовки и эзафеты, уточнял значение слов по словарю Миллера и после этого приступал к занятиям. Когда урок кончался, ужин был уже готов, и я мог располагать свободным временем по своему усмотрению. Обычно я выходил в город и ходил по определенным маршрутам, пользуясь полицейским справочником, которым мне подарил Джалил-заде — переводчик, работавший до меня в банке. Вообще-то он был не перс, а азербайджанец, и по его словам оказался в Иране случайно. Еще до войны, когда многие иранцы приходили работать на нефтяных промыслах Баку, его тетья вышла замуж за персидского подданного, и уехала с ним в Исфахан. Джалил-заде учился в строительном техникуме в Баку, и на летние каникулы поехал к тете, там он задержался, просрочил визу, вскоре началась война, и он навсегда остался в Иране, имея советский паспорт, с которым он каждые полгода ходил в местную полицию продлевать иранский вид на жительство. Вообще в Иране было много советских граждан попавших туда различными путями, все они считались иностранцами, их не брали на работу в некоторые иранские учреждения и многие старались устроиться работать в представительства советских организаций. Это было нам тоже удобно, поскольку они хорошо знали русский

язык, и с ними можно было объясняться без переводчика. Русско-Иранский банк также использовал эту возможность, так как вся текущая документация велась на русском языке, а на персидский переводилось только то, что нужно было представлять проверяющим из налогового управления Минфина Ирана, которые регулярно посещали нас в мае-июне, поскольку финансовый год у нас кончался так же, как у иранских учреждений — 21 марта. Тогда около недели я бывал занят с этими проверяющими, разыскивая нужные операции в русских документах и переводя их на персидский.

На территории торгпредства была пробурена глубокая скважина, дававшая в дома чистую воду. Дело в том, что водопровода в Тегеране в то время не было. Воду брали из уличных арыков, по которым она пускалась дважды в месяц по одному дню, или покупали у специальных водовозов, которые на одноколках, запряженных лошадей, в желтых бочках с номером развозили воду из городского каната, который назывался «шахским» и был расположен за зданием почты, рядом с площадью, которая раньше называлась «тупхане», а после исламской революции стала называться площадью «имама Хомейни». Бочки были устроены таким образом, что их наливали снизу через шланг, соединенный с бетонной трубой каната, откуда вода поступала под довольно сильным давлением. Это было сделано, чтобы водовозы не наливали в бочки арычную воду. Стоила такая вода полриала за ведро с доставкой на дом. С постоянных клиентов плата собиралась в конце месяца.

На площади «тупхане» стояла конная статуя основателя династии Пехлеви — Реза Хана. В августе 1953 г. она была сброшена с высокого постамента, и люди сидели на фигуре поверженного диктатора, и топтали его ногами. Статуя была поставлена на место после разгрома демократического движения в августе 1953 г., и простояла там до февраля 1979 г., когда в период исламской революции ее снова сбросили, и теперь уже навсегда.

На той же улице Паменар, где было расположено Торгпредство, в небольшом домике со своей семьей жил председатель Меджлиса духовный лидер иранского духовенства аятолла Кашани, от которого каждый день к нам приходил слуга с двумя ведрами и просил воды «на чай для аятоллы». Один из разборных кранов нашего водопровода находился рядом с воротами, и аятолла снабжался чистой водой по первому требованию без каких-либо ограничений.

Территория, которую занимало и до сих пор занимает Торгпредство, была когда-то городской окраиной, куда 11 февраля 1829 г. были выброшены тела дипломатической миссии во главе с Грибоедовым. Впоследствии русские люди собрали деньги и выкупили эту территорию, где была сначала построена маленькая церковь, в потом обосновалось наше посольство. Территория же нынешнего посольства — участок площадью около 8 га в центре города, был получен царским правительством от Русско-Персидского банка, в котором его заложил один из богатых персидских сановников. Когда он умер, и дети разделили все наследство, ни у кого из них не хватило средств,

чтобы погасить взятую ссуду и выкупить землю обратно, и по всем торговым законам, участок перешел во владение банка. Участок земли, занятый посольством, можно считать, наверное, самым хорошим участком в городе, поскольку масса старых деревьев, сосен и чинар, дают много тени, земля так не прогревается, как в городе, и на участке царит микроклимат. 50 лет назад в северо-западном углу был действующий канат, из которого вода выбивала фонтаном и расходилась по арыкам по всему участку и дальше шла в город. По рассказам старожилов, этот канат имел протяженность до 16 км и был облицован камнем, что предохраняло его от засорения. Весь участок был покрыт зеленой травой, деревья оплетены лианами и от трех прудов веяло прохладой. Кроме дома с колоннами, доставшегося от старого хозяина, на территории был еще красивый гарем, а в правом дальнем углу от ворот располагались одноэтажные строения, где жили сотрудники, и только у посла был небольшой двухэтажный дом, в котором в период Тегеранской конференции жил Сталин. Сейчас вся территория производит далеко не приятное впечатление. Раньше за ней ухаживали несколько иранских садовников, газоны регулярно поливались, деревья подрезались, подсаживались новые, была масса цветов. В какое-то время всех садовников сократили, и сад остался без присмотра, поскольку из Союза можно было прислать любое количество дипломатов, но никогда еще не присылали садовников.

Территория британского посольства, расположенная через улицу, также снабжалась водой из своего каната. Обнесенная высокой саманной стеной белого цвета, эта стена являлась прекрасным местом для антишахских и антиамериканских лозунгов, которые каждый день писали иранцы в ходе подготовки революции 1979 г. В 1951 же году, задний угол стены британского посольства, выходящий на улицу Надери и переулок, использовался населением в качестве общественной уборной, и стена была подмыта на полметра, несмотря на то, что над этим углом красовался написанный красивым почерком «насталию» большой плакат с просьбой «не мочиться в этом месте». Этот красивый плакат, вывешенный англичанами, служил своеобразным раздражителем для населения, и один вид его провоцировал их справлять нужду именно в этом месте. Таким образом, местное население выражало свое отношение к англичанам за их стремление не выпускать из своих рук нефтяные богатства Ирана.

В бытность нашим послом Садчикова в левом углу посольской территории, где сейчас красуется 9-этажный дом, было летнее кино и две волейбольные площадки, на которых после обеда, когда жара немного спадала, обычно играли две, а то и три команды. Дело в том, что посол сам играл в волейбол, за нашу банковскую команду играла его супруга, ну, а все остальные волей-неволей должны были следовать заведенному обычаю. По указанию того же Садчикова был осушен правый пруд, который находился против гарема, которого сейчас уже нет, часть площади пруда мы углубили на субботах, а затем там были сделаны большой и детский бассейны. На остальной же площади предполагалось сделать теннисный корт, а на отко-

сах берегов — трибуны. По выходным дням на бассейн приходили дипломаты демократических стран, собиралось много народа, и было очень весело. Но при Садчикове работы не были закончены, сменивший его на посту Лаврентьев в волейбол не играл, площадки постепенно заросли бурьяном, а вместо корта была сделана волейбольная площадка, та же мало используемая. Демократы перестали к нам ходить, стало тише и скучнее.

Не буду рассказывать, какое впечатление на меня произвел шумный город с центральными торговыми улицами Лалезар и Надери, магазинами, полными разных неизвестных мне товаров. По улицам проезжали редкие еще в то время автомобили, неторопливо проходили ишаки, груженные разными фруктами: апельсинами, мандаринами, яблоками, виноградом, гранатами и еще Бог знает чем. Между ними сновали велосипеды — «Кадиллаки бедного человека», как их называли иранцы. Велосипеды в то время были едва ли не самым массовым видом транспорта в городе. Утром они нескончаемым потоком двигались в сторону большого базара, где была расположена основная часть торговых контор, к различным министерствам и ведомствам. Везде были платные стоянки для велосипедов, где сторожа за мелкую монету выдавали медный номерок. Утром школьники по двое или даже по трое (один пассажир на раме, второй — стоя сзади на специальных втулках, привинченных к задней оси) ехали в школу. Мне тоже выдали английский велосипед, на котором я ездил по делам. Можно было ездить и в автобусе, но они были всегда набиты людьми (мужчины входили с задней двери, женщины — с передней, причем салон автобуса был разделен железной трубой поперек), там было всегда жарко и душно, поэтому я тоже предпочитал велосипед.

Особенно красочное зрелище центральные улицы являли собой вечером, когда спадала жара, и люди выходили из домов, кто просто пройтись и подышать воздухом, кто по магазинам, а кто в кофейню, где можно было попить чай или кофе и почитать газеты, висевшие у двери на специальной деревянной стойке. На улицах зажигали керосиновые калильные фонари фирмы «Примус», дававшие яркий белый свет. На каждом лотке, установленном на тротуаре вдоль улицы, стояла такая лампа, издававшая при горении небольшое шипение, вся улица была залита ярким светом, а продавцы, стараясь перекричать друг друга, предлагали свой товар.

И все это, проталкиваясь сквозь толпу, шумело, кричало, и всячески старалось обратить на себя внимание потенциальных покупателей. Это производило на приезжего человека ошеломляющее действие. Если вы заходили в магазин, хозяин и продавцы старались сделать все, чтобы вы ушли от них с покупкой, причем вас угощали чаем, перед вами разворачивали штуки разной материи, которая вам была совершенно не нужна, но о которой вы, по мнению продавцов, мечтали всю свою сознательную жизнь. Цену сперва объявляли фантастическую, затем ее постепенно сбавляли, причем вы могли уходить из магазина, вас тянули за рукав обратно, предлагая еще сбавить цену и продать себе в убыток, только потому, что вы им понравились, вы

хороший человек и разбираетесь в товаре, иначе бы вы к ним не пришли. И очень часто иностранцы, особенно в первое время, попадались на эту удочку и иногда покупали не очень нужные им вещи, причем по высокой, как потом оказывалось, цене. Но спорить с торговцами было бесполезно, они всегда улыбались, встречали вас, как родного, и очень часто это психологическое действие оказывало свое действие.

После двухнедельной стажировки у переводчика банка Джалил-заде, который ознакомил меня с моими новыми обязанностями. Я начал самостоятельно работать, учился по ходу дела, пытался освоить то, что не мог получить в институте, особенно в области разговорного языка и письма, в частности — персидской скорописи, — почерка «шекасте» (ломаного), который дает возможность писать со стенографической скоростью, но который для новичка весьма труден для понимания. В общем, началась моя трудовая деятельность, которая, к моему удовлетворению, продолжается до сих пор.

Через год я мог считать себя уже более или менее сносным переводчиком, мог переводить практически любые тексты и довольно бегло изъяснялся на персидском языке, знал наизусть довольно много классических стихов, пословиц и поговорок, что очень импонировало разговаривавшим со мной персам. Конечно, все это давалось повседневным трудом, без которого выучить язык невозможно.

Летом 1952 г. ко мне приехала жена, окончившая институт им. Гнесиных по классу рояля. Поскольку у нее кончалась виза, ей пришлось срочно сдать госэкзамены и лететь в Баку на самолете. На иранский берег ее выпустили, но на следующий день, когда они тронулись в путь и доехали до Решта, оказалось, что въездная виза у нее кончилась вчера, это вызвало длительную остановку, пограничники звонили в Тегеран и т.д. Поскольку в автобусе не было никого, кто мог бы поговорить с пограничниками по-персидски, все эти часы ожидания протекали в гадании, что происходит. Наконец из Тегерана было получено добро, и автобус с опозданием на несколько часов отправился в путь, а в Тегеране все встречавшие своих близких, уже стали тревожиться, поскольку на этой дороге нередки были аварии, как из-за плохого состояния дорожного полотна, так и из-за лихачества водителей. Но все обошлось и все прибыли целыми и невредимыми. У нас было жарка, был Рамазан, когда мусульмане днем постятся, не едят, не пьют, не курят и соблюдают еще несколько правил. А в Москве это время было холодным и дождливым. Быстрый переезд из одного климата в другой жена переносила тяжело, ей все время хотелось пить, а в городе днем нигде нельзя было найти даже воды. На наше счастье, у меня к этому времени появилось довольно много знакомых купцов, среди которых были русские и армяне, поэтому мы могли зайти в такой магазин, и если никого не было, попросить хозяина попить. Он обычно приглашал в заднюю комнату, где на керосиновой печке всегда стоял чайник с водой, и где можно было спокойно попить, не опасаясь нарушить закон. Во время Рамазана по улицам города ходили многочисленные группы иранцев, оплакивавших гибель внука пророка —

Хусейна под Кербелой. Они шли колоннами, везде слышались траурные печальные песнопения, некоторые били себя цепями, обычно на каждый третий шаг, нанося удары то по правой, то по левой стороне спины. В экстазе люди избивали себя до крови, а самые рьяные последователи традиций били себя по лбу кинжалами и прокалывали кожу железными спицами. По рассказам сторожил, в старые времена богатые люди нанимали специальные трупы, которые несколько дней подряд изображали все события тех давних лет, когда войско багдадского халифа окружило караван Хусейна с семьей и сопровождавшими его лицами загнало их в пещеру, и не давало им выйти даже за водой. Правда, мне рассказывали, что богатые люди, не имевшие возможности или желания участвовать в траурных обрядах, нанимали вместо себя бедняков, которые получали за день три-пять туманов, обед и баню. Не знаю, насколько это соответствовало действительности, но колонны людей, ходивших по улицам в траурные дни, на первый взгляд состояли из людей низших классов. К концу 70-х гг. соблюдение этих традиций стало постепенно ослабевать, но исламская революция, во главе которой стояло духовенство, вызвала мощный подъем религиозной активности, и в траурных церемониях стали участвовать только в Тегеране до полутора миллионов человек, где по улицам часами проходили отряды мальчиков, хлеставших себя веревками, мужчин постарше и седобородых людей с цепями. Во всех мечетях устраивались траурные церемонии, на которых излагали историю гибели Хусейна, и выступали профессиональные чтецы.

Мою жену, также как и меня, сразу же вовлекли в общественно-культурную жизнь нашей колонии — в самодеятельность. Я пел в хоре, играл в драмкружке, вместе с одним из посольских секретарей исполнял дуэт матросов из оперетты «Вольный ветер» с танцами, жена играла сама и аккомпанировала всем, кто хотел и мог выступить на нашей клубной сцене. Здание клуба, расположенного рядом с посольством, никогда не пустовало. Там работали кружки, в которых были заняты советские работники и их семьи, а через день в клубе работали кружки из местных советских граждан, которые наравне с нами участвовали в праздничных мероприятиях. Кроме того, в клубе показывали наши советские фильмы, правда, шли они с большим опозданием. В клубе работала столовая, а по вечерам — буфет, которым заведовал иранец с советским паспортом, который до войны жил с женой и дочкой в Одессе, во время эвакуации в Ростове у него обнаружили какие-то неточности в документах, и выслали в Иран, а жену с дочкой отправили дальше.

Об одном еще более интересном случае я узнал в следующем году, когда мы поехали зимой на гору Аболи, где в то время зарождался горнолыжный центр. Дело в том, что шах Мохаммад Реза любил кататься на лыжах и регулярно выезжал в горы.

У нас с женой лыж не было, но мы взяли напрокат большие сани и катались на них, хотя без подъемника было довольно мучительно затащить их наверх. Была хорошая погода, светило яркое солнце, чистый снег бле-

стел, на дальних хребтах Альборза лежали фиолетовые тени, все было, как на картинах Рериха. Мы стояли наверху, переводя дух после подъема, когда к нам лихо подвернул молодой загорелый человек с черными, как вороново крыло курчавыми волосами, на лыжах в хорошем костюме, и, поздоровавшись по-персидски, вдруг спросил «вы русские?»

Отрицать этот факт было бы бессмысленно, но у меня екнуло сердце, поскольку нам перед командировкой неоднократно внушали, что западные спецслужбы пользуются любым предлогом, чтобы завлечь в свои сети советского человека. А молодой человек продолжал нас спрашивать, откуда мы, давно ли приехали и т. д. Узнав, что мы ленинградцы, он обрадовано сказал, что он тоже из Кавголова (гористая местность под Санкт Петербургом, которая славится своими горнолыжными трассами), кончил институт физкультуры им. Лесгофта и имеет звание мастер спорта по лыжам. Его отец, айсор по национальности (а большинство айсоров-христиан Ирана в свое время были русскими подданными) когда-то перебрался в Россию, женился, вырастил двух сыновей и умер перед войной. Когда же началась война, братьев выслали в Иран, где они довольно долго не могли найти работу, поскольку не знали языка. Но один раз случайно кто-то узнал, что старший катается на лыжах, и устроил его тренером в лыжный клуб, Тренируясь на склонах Аболи, он попал на глаза шаху, который познакомился с ним и взял тренером. Так что теперь, сказал наш новый знакомый, жить можно. Дважды в неделю он занимается с величеством, а остальное время работает в клубе. Так прошел 1952 год

1953 год начался как всегда, со встречи Нового Года всей советской колонией в парадном зале Посольства, в котором десять лет до этого происходила Тегеранская конференция глав трех стран: Сталина, Рузвельта и Черчилля, о чем свидетельствовали две большие мраморные доски, висевшие на лестнице бокового входа, с текстами на русском и персидском языках (доска с персидской надписью была разбита после революции 1979 г. во время нападения так называемых «афганских моджахедов» на посольство, а затем зачем-то была снята и доска с русской надписью).

Таким образом, год начался, как обычно, все служащие нашего банка получили небольшие премии, всем почтальонам, телеграфистам и мирабам (людям, ответственные за пуск воды по арыкам), которые обслуживали наш банк, были розданы «бакшиши» (что, кстати, делалось и на иранский новый год — «Ноуруз», на 1 мая и 7 ноября тоже).

Начало марта 1953 г. Вся советская колония в напряжении. Наше радио сообщает о болезни Сталина, причем медицинские сводки каждый день делаются все тревожнее. И, наконец, включив рано утром приемник, мы с женой услышали величественную траурную музыку Шопена, поняв без слов, что случилось. Великий Сталин покинул этот мир. Я быстро одеваюсь и иду с остальными в Посольство, где уже начинают готовить парадный зал к траурной церемонии. На одной стене большой портрет Сталина во весь

рост в парадном мундире и брюках навыпуск, на противоположной — портрет поменьше.

У большого портрета несколько горшков с цветами. Собираются люди, приезжают автобусом из торгпредства, из других мелких организаций. Начинается траурный митинг. Женщины плачут, много мужчин вытирает глаза. Распоряжение по аппарату — всем сотрудникам явится в посольство, и дежурить во дворе и в помещении. Посол и советник встают у дверей. Начинают приходить первые рабочие делегации, идут люди с цветами, У положенного при входе на столе альбома для записи соболезнований вырастает длинная очередь, конец которой через пару часов теряется во дворе у ворот. После обеда во дворе вдоль здания посольства ставят козлы, на которых лежат доски и стопки писчей бумаги. И к каждой такой стопке стоит очередь, общий конец которой начинается за воротами на улице Черчилля. Так проходят первый и второй дни. У меня в голове крутится мысль, — какая разница с траурной церемонией по случаю смерти английского короля Георга V в 1952 г. Я был в британском посольстве, где в вестибюле стоял стол с портретом короля и лежал большой альбом, в котором чинно входившие довольно редкие посетители оставляли свои записи, и где я тоже написал несколько слов.

Недалеко от Меджлиса, на площади Бахаристан официальный правительственный митинг. Высокая трибуна, вся увитая цветами, с большим портретом вождя всех народов, и море народа вокруг. Ораторы один за другим поднимаются по приставной деревянной лестнице наверх и произносят речи

На третий день у посольства собирается еще больше народа, много делегаций из других городов с венками, портретами Сталина в рамках. Гора цветов у портрета с метр высотой и 3—4 метра от стены. Цветы кладут друг на друга, гора их растет с каждым часом.

Вечером третьего дня посол дал распоряжение закрыть ворота и прекратить впуск посетителей. Но люди все идут, они подходят к воротам, через окошко просят дежурного коменданта передать цветы, записки, стихи в зал.

Ночью несколько молодых людей начинают разбирать принесенные цветы и все, что лежит у подножия портрета. Все ленты, записки, рисунки, фотографии (многие в инкрустированных, и иногда и в серебряных рамках), складываем в два громадные ящика для отправки в Москву (интересно, куда это все потом делось), а цветы и венки охапками выносим и складываем в две грузовые машины на вывоз.

И еще много дней клиенты нашего банка, приходя по своим делам, выражали нам свое соболезнование.

Мне казалось тогда, что для очень многих иранцев имя Сталина, которое для них являлось синонимом Советского Союза, было своеобразной путеводной звездой, указывавшей путь к счастливой жизни без угнетений и несправедливости, за что они тоже боролись, теряя людей в тюрьмах и ссылках.

Положение в стране

В нашем представительстве ССОДа (Союза советских обществ дружбы с зарубежными странами) в Тегеране, расположенном в большом особняке с садом и кинозалом, больше года на втором этаже безвыездно жил заместитель председателя иранского общества дружбы с СССР, известный писатель, поэт и переводчик с русского Керим Кешаварз, старший брат которого, Феридун, был известным педиатром и лечил детей шахских родственников, а младший — Джамшид, был членом Народной партии и эмигрировал в СССР, где работал на радио. Керима Кешаварза хотели арестовать, но он успел спрятаться в здании СОД, которое имело статус дипломатической неприкосновенности, хотя полиция день и ночь дежурила у ворот, не давая ему выйти. Я был знаком с младшим братом, который, узнав, что я еду в Тегеран, попросил меня найти Керима и передать ему, что в Москве все в порядке. Приехав в Тегеран, я через несколько дней заехал в СОД и часа три рассказывал Кериму Кешаварзу, которому к тому времени было 45 лет, как знакомые мне иранцы-народники живут в Москве. На память об этой встрече у меня хранится персидский перевод лермонтовского «Героя нашего времени» с дарственной надписью Кешаварза — переводчика. Он же нашел мне хорошего преподавателя персидского языка, с которым я занимался до августа 1953 г. Этот преподаватель, приятный и очень интеллигентный молодой человек немного старше меня, работал заведующим литературным отделом в подпольной левой молодежной газете, Всегда шикарно одетый, с модным широким галстуком, золотым перстнем и портфелем красной кожи, в котором он иногда приносил мне почитать свежие номера своей газеты. На мой вопрос, как он не боится полиции, он всегда смеялся и говорил, что полиция его никогда не трогает, члены Народной партии носят белые рубашки с расстегнутым воротничком и усы, а он никак не подходит под этот тип. Он исчез в 1953 г. осенью, когда после кратковременного бегства шаха из Ирана началась тотальная борьба с левыми партиями.

В стране было неспокойно. Иранцы протестовали против войны в Корее, многие вступали в Иранское общество сторонников мира, которое возглавил весьма почитаемый в Иране Малек-ош-Шоара (король поэтов) Бахар. Под Стокгольмским обращением сторонников мира было собрано около 2 млн. подписей. Иранское правительство под давлением общественности отменило свое решение о посылке военного контингента в Корею. Иранцы выступали против безраздельного хозяйничанья англичан на нефтяных промыслах страны, против попыток американцев вытеснить англичан из нефтяного бизнеса в Иране и захватить его в свои руки. Демонстранты требовали восстановления торговых связей Ирана с Советским Союзом, признания Китайской народной республики, отмены преследования прогрессивных партий в стране. Выступавший против англичан премьер-министр генерал Размара был убит 7 марта 1951 г. во дворе мечети на базаре. Это еще больше накалило обстановку, и под давлением

народа иранский меджлис принял через неделю решение о национализации Англо-Иранской нефтяной компании, которая была фактическим хозяином иранской нефти в течение нескольких десятилетий. В ответ Англия и США направили в район Персидского залива около 40 военных кораблей, стали раздавать оружие иранским племенам, жившим в южных районах, агитируя их за выступление против Тегерана, «который отбирает у них нефтяные богатства». Назначенный на пост премьера Хоссейн Ала, бывший до этого послом Ирана в Вашингтоне, стремился договориться с англичанами и одновременно подавить народные волнения, введя военное положение, что вызвало новую волну протеста и всеобщую забастовку нефтяников. Шах был вынужден отправить его в отставку и назначить вместо него премьер-министром Мохаммада Мосаддека — руководителя Национального фронта, выступавшего за полную национализацию нефтяной промышленности. Единомышленником Мосаддека в то время был и председатель Меджлиса аятолла Кашани.

Все чаще происходили студенческие беспорядки и демонстрации рабочих, требовавших улучшения условий труда. Полиция и войска разгоняли демонстрации, арестовывали зачинщиков и руководителей демократических организаций. Разгоралась борьба между сторонниками и противниками премьер-министра доктора Мосаддека, который выступал за либерализацию внутренней политики и противостоял сперва англичанам, а потом американцам в нефтяном вопросе. В Иране были закрыты британские консульства и культурный центр — «Бритиш кансел». Меня, видимо из-за моих светлых волос, неоднократно принимали за американца, и меня спасало только знание персидского языка. Но я однажды пришел домой в плаще с маленькой листовкой, ловко приклеенной у меня на спине, на которой был нарисован Дядя Сэм, летящий в воздухе от удара персидского сапога. Все это было снабжено еще надписью «Ami, go home».

США и Великобритания объявили экономическую блокаду Ирану, за ними последовали и остальные послушные им страны. Иранское правительство отчаянно нуждалось в валюте, Мосаддек просил советское правительство закупать у Ирана нефть в течение трех лет за 50% рыночной стоимости, предоставить Ирану кредит в сумме 10 млн. долларов и вернуть золото, принадлежавшее иранской стороне. По непонятным причинам наше правительство отказалось удовлетворить просьбу иранского премьера, хотя по оценкам экспертов СССР в тот год провез через проливы в Черное море 12 млн. т нефти, закупленной по мировой цене. Эти факты иранцы вспоминали нам еще перед революцией 1979 г.

В конце апреля доктор Мосаддек провел Закон о национализации нефти через обе палаты парламента и 2 мая того же года представил парламенту свое новое правительство и его программу, первым пунктом которой значилось выполнение принятого закона на всей территории Ирана в полном объеме. Парламент утвердил представленную программу, и была создана комиссия по ликвидации Англо-Иранской нефтяной компании.

Нужно сказать, что правительству доктора Мосаддека пришлось работать в очень тяжелых условиях, когда на него оказывалось сильное давление как справа, так и слева. Шахский двор и проанглийская часть парламента криковали его за то, что после национализации нефти страна перестала получать стабильный доход от ее реализации. Продавать нефть Иран не мог из-за экономической блокады, объявленной Англией и Америкой. С другой стороны, часть левых партий во главе с народниками обвиняли его в нерешительности и сговоре с империалистами. Англия обратилась в международный суд в Гааге, требуя признать национализацию нефти в Иране незаконной, но доктор Мосаддек выступил на суде с яркой речью, выразив мнение, что никакие законы не дают права этому суду решать внутренние иранские проблемы.

В то же время в Иране происходили выборы в Парламент XVII созыва. Правительство пыталось сорвать выборы, но часть депутатов оказалась все же выбранной, и этого количества хватило, чтобы парламент мог начать работу. Возвратившись из Гааги, Мосаддек, по положению, явился в парламент и подал прошение об отставке своего кабинета. Парламент снова поручил ему сформировать кабинет, но и согласился, при условии, что ему будет подчиняться армия во главе с военным министром. Он объяснил, что как все министры, военный министр также является членом кабинета, и поэтому должен быть назначаем премьером. В Иране же существовало правило, по которому все военные назначения осуществлялись лично шахом, который день ото дня усиливал свое влияние в армейских кругах, и у Мосаддека было опасение, что шах может с помощью армии совершить переворот и задушить национальное движение. Отставка его была принята и 21 июля 1952 г. премьером был назначен Кавам-ос-Салтане, известный своей симпатией к англичанам. Это сразу же вызвало бурю протеста, Народный фронт выступил на защиту Мосаддека, по городам прокатилась волна забастовок и митингов, звучали призывы «смерть шаху», «смерть англичанам». 23 июля новый премьер ушел в отставку, правительство было снова сформировано Мосаддеком, который получил право не только контролировать министерство обороны (до этого оно называлось военным) но и принимать чрезвычайные меры и подписывать и их выполнять указы, если это будет вызвано сложившимися обстоятельствами, В этот же день из Гааги пришло сообщение о том, что Международный суд отказался рассматривать иск английского правительства, и, таким образом, Иран выиграл дело.

А через несколько дней к нам в банк пришел высокий худощавый полковник в темных очках и спросил, можно ли открыть счет в нашем банке. Как всегда, я дал ему карточку и попросил ее заполнить. Полковник ушел, а на следующий день он снова пришел и принес заполненную карточку. Я, как всегда, стал ее переводить, и не поверил своим глазам. Человек, подписавший карточку, и желавший положить на счет в нашем банке несколько миллионов оказался только что ушедшим в отставку премьер-министром Кавамом ос-Салтане, а полковник был его доверенным лицом. Поскольку

случай был необычным, я доложил директору, тот запросил Москву, и получил ответ, что это делать «нежелательно». Мне пришлось извиниться перед полковником, и передать ему решение начальства. Как оказалось Кавам ос-Салтане обращался также в Ингосстрах, с просьбой застраховать его жизнь на несколько миллионов, но тоже получил отказ.

Бегство шаха из страны и переворот

Положение в Иране и правительство Мосаддека никоим образом не могло устроить ни Англию, ни, тем более, Соединенные Штаты, и они начали вести подготовку к смещению иранского премьера со своего поста. В июле 1952 г. в Вашингтоне было решено перейти к более решительным мерам. В Иран был направлен генерал Шварцкопф, который в свое время руководил обучением жандармерии и был хорошо знаком с иранским генералом Захеда, занимавшим пост начальника жандармерии. Вскоре в Швейцарии собрались: Ален Даллес, Джон Фостер Даллес и посол США в Иране Лой Гендерсон. К ним вскоре присоединилась сестра шаха Ашраф, игравшая роль связной между Швейцарией и Тегераном.

13 августа 1953 г. шах подписал указ о смещении доктора Мосаддека с поста премьер-министра и второй указ — о назначении на этот пост генерала Захеда. Шах направил к Мосаддеку начальника своей гвардии с подписанным указом, сам же от греха подальше улетел с женой на каспийское побережье «отдыхать». Премьер велел арестовать генерала с указом, и когда эта весть дошло до шаха, он на своем самолете вылетел через Багдад в Италию. Иранские газеты утром сообщали, что шах бежал из страны, что раскрыт заговор и т. д. На следующий день Гендерсон прилетел в Тегеран, явился к премьеру и заявил, что США не могут более мириться с его политикой и будут противиться ей всеми силами. В городе же творилось нечто невообразимое. Народ ликовал, на улицах не было видно ни военных, ни даже полицейских, Мальчишки лет 12–14 вставали на перекрестках и регулировали движение транспорта, были случаи избития солдат и полицейских толпой народа.

На городском митинге на площади Бахерестан я услышал, как министр иностранных дел Фатехи объявил шаха предателем и заявил, что им дано распоряжение всем посольствам не оказывать шаху никакой помощи. Так прошло два дня, а на третий день наше руководство приняло решение закончить работу к обеду и всем вместе выехать в летнюю резиденцию в Зарганде. Мы ехали колонной, сперва шел маленький автобус с работниками торгпредства, потом шла наша банковская машина, машина торгпреда и последним шел ЗИС-101 с послом. На подъезде к радиостанции дорога была запружена народом с палками, отрезками железных труб, цепями. Нам кричали, чтобы мы приклеили портрет шаха на ветровое стекло и включили радио. Поскольку портрета у нас, естественно, не было, пришлось достать неболь-

шую купюру, плюнуть на нее и приклеить к стеклу. Радиоприемник же выдавал сплошной треск. Так мы медленно проезжали сквозь возбужденную толпу людей, и вдруг заметили, что машина посла исчезла. Оказывается, им тоже велели приклеить портрет шаха, посол отказался, тогда толпа отсекала его автомобиль от остальной колонны и стала угрожать, размахивая палками. Посол сперва требовал от водителя, чтобы он прорвался сквозь толпу, но он отказался. Шоферу удалось сдать назад и развернуться, после чего он через город круговой дорогой приехал в Зарганде, где посол быстро забрал жену и повара, и уехал в город под охрану посольских стен.

Когда мы, в конце концов, добрались до места, ко мне пришел торгпред, живший в нашем домике за стеной, мы включили радио, и через несколько минут началась передача. Создавалось впечатление, что в студии человек двадцать разговаривают, кричат, перебивают друг друга, и никто никого не слушают. Вдруг раздались звуки гимна (нужно сказать, что шахский гимн в течение трех дней нигде не исполнялся, даже в кино, где его играли перед каждым сеансом, и публика должна была вставать), затем какая-то женщина звонким голосом стала кричать «да здравствует шах», «смерть Мосаддеку», и добавлять к этому слова, которые именуются «ненормативной лексикой» и которых я половину не мог перевести стоявшему около меня торгпреду (как я потом выяснил у персов, это была одна из самых известных проституток города). Все это прерывалось в очередной раз звуками гимна и новыми криками. Сообщалось, что Мосаддек и все правительство арестовано, что шах возвращается в страну и т. д.

Как потом выяснилось, Гендерсон не терял времени даром. Мобилизовав всех американцев, а их в Иране было от 3 до 4 тысяч, он с помощью Зехеди открыл тюрьмы, всем выпущенным уголовникам платили деньги за то, что они ездили с портретами шаха на нанятых под угрозами такси по городу, и кричали «да здравствует шах». Один же из американских офицеров подъехал в танке к дому Мосаддека и выстрелил из пушки по его спальне. Премьеру удалось спрятаться в доме у соседей, где его арестовали через неделю, министра иностранных дел Фатемии нашли в какой-то деревне через два месяца, остальных членов кабинета также постепенно арестовали. Расстреливали людей на улицах, и мне недолго запомнилась высокая белая стена в переулке около меджлиса, на которой виднелся след кровавой ладони и пальцем кровью были написаны слова «йа марг, йа мосаддек» (смерть или Мосаддек). Кстати, плакат с изображением этой ладони использовало духовенство во время подготовки революции 1979 г.

Начались суды, расстрелы и казни без всяких судов. Сотни погибших и тысячи заключенных — таковы были итоги противостояния Ирана и западных держав в нефтяном вопросе, и демократическое движение в стране было надолго подавлено и загнано в подполье. Через некоторое время шах подписал соглашение с международным консорциумом о передаче ему прав на разведку и добычу нефти на территории страны.

Так закончился начальный этап борьбы Ирана за право самостоятельно распоряжаться своим национальным богатством — нефтью.

О. И. ЖИГАЛИНА

К ВОПРОСУ О ВЫНУЖДЕННЫХ ПЕРЕСЕЛЕНЦАХ В ИРАНЕ И В СНГ

Политические процессы, происходившие на рубеже XX и XXI веков на Ближнем и Среднем Востоке и в мире, актуализировали такой аспект современной истории, как проблему вынужденных переселенцев. Она в равной мере затрагивает интересы как Ирана, так и России, где возникли многочисленные диаспоры и анклавы. Традиционно под диаспорой понимают часть народа (этнической общности), проживающую вне страны его происхождения, имеющую общие этнические корни и духовные ценности¹.

Эта проблема не остается без внимания российских и иранских специалистов, а также находит отклик на страницах средств массовой информации как у нас, так и за рубежом. В числе важных работ отметим монографические исследования В.И. Дятлова, А.В. Курбанова, Ф. Бадерхана, О.И. Брусиной и др.² В них показывается, что диаспоры становятся важным фактором современных международных отношений, поскольку их возникновение связано как со взаимодействием государств, так и миграционными процессами. В связи с этим не безынтересно рассмотреть принципы взаимоотношений между диаспорой, исторической родиной и государством проживания (Ираном и Россией).

В Иране эта проблема обострилась после иранской революции 1978–1979 гг. Эмиграция населения, не воспринявшего идеи иранской революции 1978–1979 гг., началась в 80-е годы XX в. В постреволюционный период наблюдался отток образованной части иранцев из страны.³ Оценочные данные этой группы варьируются от 750 тыс. до 1,5 млн. чел. Большинство эмигрантов предпочли осесть в странах Западной Европы или США. Община иранских переселенцев возникла и в Турции, численность которых по неофициальным данным составляла 600 тыс. человек, хотя Анкара заявляла, что их количество не превышало 30 тыс. В США также число иранцев с 122 тыс. в 1980 г. увеличилось до 200 тыс. в 1986 г. Иранцы в основном были сосредоточены в южной Калифорнии⁴.

1 *Палоскова Т.* Диаспоры в системе международных связей. М., 1998. С. 16.

2 *Дятлов В. И.* Торгаши, чужаки или посланные богов? М., 1996; *Курбанов А. В.* Ставропольские туркмены. СПб., 1995; *Брусиная О. И.* Славяне в Средней Азии. М., 2001.

3 *Frelick William.* Kurdish Refugees and the New World Order // *Kurdish Studies. An International Journal.* Vol. 5, № 1–2, 1992.

4 *Iran: a country study.* Washington, 1989. С. 81–82.

Иранские эмигранты, как правило, являлись высококвалифицированными специалистами. Многие из них получили ученые степени в университетах США и Западной Европы. Это были в основном состоятельные люди, которые вывезли из Ирана свои сбережения во время и после революции. Многие из них составляли часть дореволюционной политической элиты. Среди них были и специалисты в области иранистики, сумевшие опубликовать немало интересных и глубоких исследований по современной истории Ирана. Они участвовали в научных международных форумах, например, выступали с научными докладами в Париже в 1999 г. на конгрессе иранистов Европы.

Другую часть эмигрантов составили представители некоторых религиозных меньшинств, например, члены секты бехаитов и иудеи. Это также были интеллектуалы, находившиеся в оппозиции шахскому режиму, ограничивавшему свободу слова, и за то же самое не воспринявшие новый режим исламской республики. Среди эмигрантов оказались крупные промышленники и бизнесмены, представители национальных меньшинств, а также молодежь, уклонявшаяся от военной службы и других принудительных повинностей.

Таким образом, причиной иранской эмиграции послужила в основном политическая нестабильность и связанные с ней перемены в политическом и экономическом курсе новых властей. Освободившиеся социальные лакуны были заняты представителями клерикальных слоев, преимущественно выходцами из «базари», различных национальностей, в основном являвшимися персоязычными иранцами-шиитами.

После распада Советского Союза аналогичная проблема актуализировалась и в Российской Федерации. Политические и экономические сложности и неурядицы послужили причиной выезда некоторой части населения Советского Союза в США, страны Западной Европы и Израиль. В последнем, как известно, существует обширная диаспора русских евреев, играющих важную роль в политических и экономических процессах страны. В целом, большое количество наших соотечественников давно уже проживает в странах дальнего зарубежья (например, США и Франции). Среди них немало тех, кто стремится сохранить свою этническую и культурную самобытность. Однако после распада СССР в новом зарубежье 25 млн. россиян оказались за рубежом не по своей воле. В настоящее время наблюдается процесс становления российской диаспоры в новых независимых государствах. Идет формирование и развитие институтов и организаций, цель которых поддержать существование и развитие россиян как этнической общности в иноэтнической среде; идет процесс осознания ими себя как диаспоры.

В то же время в Иране и в России наблюдается и обратный процесс, когда по тем или иным причинам в эти страны идет поток вынужденных переселенцев.

В Иране в связи с обострением ирано-иракских отношений в 80-е годы XX в. вынужденные переселенцы оказались у западных границ страны.

Огромный поток беженцев, около 1,4 млн. человек, направился из Ирака в Иран. Иранская администрация не была готова немедленно принять их и обеспечить всем необходимым. В результате многие беженцы погибли. Иранский Красный Крест не мог оказать им помощь своими силами. По оценочным данным Иран тратил около десяти миллионов долларов в день на оказание помощи беженцам из Ирака. При этом международное сообщество не проявило должной оперативности. Фонды не были подготовлены к таким затратам и между ними не было необходимой координации. Между тем, основной причиной задержек денежных вливаний являлись напряженные отношения между Ираном и потенциальными донорами, особенно, США. По данным некоторых зарубежных авторов, на каждый доллар США, потраченный на беженцев в Иране, 7,60 были потрачены на турецкой границе. Из 207,6 млн. долларов, направленных США в наиболее критический момент, 20 млн. пошли на оказание помощи беженцам в Иране. Если оценивать помощь международных фондов на нужды беженцев в середине мая 1991 г., то лишь половина всей суммы, назначенной для помощи беженцам на турецко-иракской границе, была направлена в Иран. 550 тыс. человек осели в Иране. По другим данным 300 тыс. Лагерь курдских беженцев были переполнены, и Иран заявлял, что не желает, чтобы вынужденные переселенцы надолго задерживались на территории страны⁵. Беженцев кормили хлебом и картофелем, а также строго контролировали их перемещение, а зачастую и вовсе запрещали перемещения. Это осложняло контакты членов семей, распределенных по разным лагерям.

В результате наступления иракской армии осенью 1980 г. были разрушены кварталы крупных иранских городов Абадан и Хорремшехр. Значительные повреждения получили многие малые города и деревни. Ахваз и Дизфуль подверглись бомбардировкам, и им был нанесен существенный урон. В связи с этим около 10 тыс. человек было вынуждено покинуть юго-западные районы. Правительство разместило их в специальных поселениях для беженцев в Ширазе и Тегеране, а также ряде других городов, не охваченных военными действиями. Во время оккупации Ираком Хузестана Иран принял во внутренние районы страны до 1,5 млн. беженцев. После 1983 г., когда Ирану удалось вернуть значительную часть Хузестана, некоторое количество беженцев вернулось на свои прежние места жительства.

Между 1980 и 1981 гг. правительство Ирака объявило 200 тыс. человек иранцами и выдворило их из страны. Это были жители Ирака, но шииты, которые проживали в местах поклонения шиитским святым. Они являлись курдами-фейли, которые целыми семьями проживали в Ираке еще с XVIII столетия. Эти люди лишились в Ираке своих сбережений и при-

---

5 *Emanuelsson Ann-Catrin*. Chasing the Rainbow: Economic and Social Constraints Facing Kurdish National Aspirations in Iraq // *The International Journal of Kurdish Studies*. Vol. 8, № 1-2, 1995. P. 114-115.

были в Иран, не владея персидским языком. Иранское правительство должно было обеспечить их едой и кровом.

В результате вооруженного противостояния между иранской армией и отрядами Демократической партии Иранского Курдистана (ДПИК), базировавшейся в восточной части Иракского Курдистана, в августе 1993 г., 10 тыс. курдов остались без крова. Вместе с тем, возможности Ирана в оказании помощи беженцам весьма ограничены, поэтому нельзя безоговорочно поддерживать утверждение о том, что Иран обязан обеспечить курдским беженцам беспроблемное существование.

Кроме того, политические процессы в Афганистане заставили афганцев искать убежище в северо-восточных районах Ирана. 2,3 млн. чел. были афганцами. Афганские беженцы были сосредоточены в нескольких лагерях, расположенных в восточной части страны. 1/3 из них проживала в таких городах, как Мешхед, Шираз и Тегеран. Их появление в Иране являлось следствием введения советских войск в Афганистан. В 80-е годы проблема афганских беженцев стояла довольно остро для Ирана. В 1984 г. наблюдалась новая волна беженцев из Афганистана. Не запрашивая гуманитарной помощи, Ирану удалось обеспечить их элементарным жильем в окрестностях городов в Хорасане и едой. Эти люди пользовались определенными правами, предоставленными муниципальными властями, как-то посещение школ детьми зарегистрированных беженцев.

В связи с антитеррористической деятельностью США в Афганистане в 2002 г. в Иран хлынули новые потоки афганских беженцев, которым также были предоставлены определенные условия жизнедеятельности.

Все эти процессы способствовали возникновению многочисленных диаспор. Кроме того, увеличилась общая численность населения, составившая свыше 60 млн. чел. Миграционные процессы повлияли как на этническое, так и религиозное соотношение населения страны. Усиление миграционного потока из Афганистана, например, сказалось на количественном увеличении суннитов. В социальном плане эти люди примкнули к люмпенам и деклассированным элементам, увеличили группу неквалифицированной рабочей силы. Переселение иракских шиитов (курдов-фейли) вызвало серьезную проблему их адаптации, поскольку многие из них не владели персидским языком и имели сложности в трудоустройстве. Многие не только влачили жалкое существование, но и испытывали психологический дискомфорт, хотя сходная социальная система, уклад жизни и исламские ценности в определенной степени облегчали им процесс их адаптации. В то же время в Иране диаспора иракских курдов живет обособленно, отличаясь языковыми и культурными особенностями, и не стремится к контактам с иранскими курдами. То же и с афганцами: переселенцы новой волны не имеют тесных взаимодействий с прибывшими ранее.

Несомненно, возникшие анклавные иракских и турецких курдов, а также афганцев в Иране смогут выжить лишь при наличии собственной стратегии и тактики взаимоотношений с государственными институтами Ирана, при

налаживании и осуществления диалога с органами власти. Посредниками в этом процессе могут стать представители местной администрации.

Отметим, что такие переселения в Иране случались и в историческом прошлом. Иран имеет на этот счет весьма обширный опыт. Так, например, армяне, переселенные из Джульфы еще в XVII в. в район Исфахана, создали там Новую Джульфу и смогли сохранить не только свое этническое и культурное своеобразие, но и стать серьезным фактором экономической и политической жизни общества. В настоящее время армяне пользуются теми же возможностями экономической деятельности, что и мусульмане, активно участвуют в различных сферах хозяйственной деятельности⁶.

Как видно из изложенного, Исламская Республика Иран осуществляет определенные меры по обеспечению прав и обязанностей диаспор и курдских анклавов. Вместе с тем, чтобы избежать акцентирования межэтнических, социальных и политических противоречий, Иран стремился нацелить полиэтничное население страны на решение экономических и социальных задач путем некоторого перенесения внимания на культурную общность населяющих Иран народов. Иранские мусульманские идеологи обратились к осмыслению богатого исторического и культурного наследия своей страны с целью найти пути влияния его духовного и материального капитала на общественное развитие современного иранского общества.

Проблема диаспор существует и в современной Российской Федерации. После распада Советского Союза курды из республик Закавказья (главным образом Грузии и Армении) эмигрировали в Россию. Веками живших на Кавказе курдов заставили сняться с места военные действия в Грузии, а несколько ранее — конфликт между Арменией и Азербайджаном. Курды оказались там «третьей национальностью», которая не хотела участвовать в межнациональных трениях, но их ставили «под ружье». Уезжали в основном молодые люди, подлежащие мобилизации. Однако у них возникли проблемы с получением гражданства.

Отметим, что это потомки выходцев из Северного и Восточного Курдистана, эмигрировавших в Россию из Турции и Ирана по причине преследований на национальной и религиозной основе. И в царской России, и при советской власти, и в настоящее время они считали себя гражданами России. И когда после распада СССР возникли новые суверенные государства, курды стали испытывать в Закавказье экономические трудности. Они не желали быть втянутыми в межэтнические конфликты, и начался непрерывный поток курдских беженцев и вынужденных переселенцев в Российскую Федерацию. В различных регионах России возникла курдская диаспора. Так, например, в Иркутске расселились курды из Армении, езиды по своей религиозной принадлежности, которые занимаются торговлей. Многочисленная курдская диаспора возникла в Новосибирске. А еще в 1989 г. курдов там

⁶ *Арабаджян А.З.* Армяне Ирана и «персидский имперский комплекс Хосрова Чакеери». М., 2002. С. 100.

насчитывалось лишь 75 человек. В последние годы в Новосибирске курды создали свой общественно-культурный центр «Ронаи» (Рассвет). По подсчетам его руководителя Магмаде Асо, сегодня в городе живет 6 тысяч курдов, вынужденные переселенцы и беженцы с Кавказа. Эта курдская организация ставит перед собой цель регулировать хаотический процесс эмиграции, помогает курдам устроиться на работу, получить прописку и гражданство. Многие курды в пригородах занимаются сельским хозяйством. Новосибирские курды прилагали усилия для создания национально-культурной автономии, нацеленной на сохранение национальных обычаев, традиций, языка, сплочения курдской диаспоры и т. д. Такие организации были созданы и в других регионах России, где расселились курды, в том числе и в Москве. Здесь была образована Федеральная национально-культурная автономия курдов России (ФНКАК), как форма национально-культурного самоуправления граждан России, относящих себя к курдской этнической общности на основе их добровольной самоорганизации для самостоятельного решения вопросов сохранения национальной самобытности, развития языка, образования, национальной культуры. Основной целью автономии, следовательно, является обеспечение реального равноправия российских курдов в реализации прав и свобод, связанных с национальной принадлежностью, установление гарантий сохранения и развития национальной культуры. Именно Москва стала координирующим центром работы среди курдской диаспоры РФ и стран СНГ. Здесь издаются курдские газеты и журналы на русском и курдском языках.

Вместе с тем, курды имеют проблемы с получением гражданства. Так, например, в Краснодаре, где курды жили и ранее, возникли сложности из-за получения паспортов, поскольку их выдавали лишь тем курдам, которые прежде имели российскую прописку. Очевидно, что процесс усовершенствования российского законодательства позволит снять возникающие трения и неувязки. Стремясь получить российское гражданство, некоторые курды иногда прибегают к спекуляциям, заявляя перед объективами телекамер об отсутствии курдского государства, способного защитить их права. Однако до переселения они являлись жителями бывших республик Закавказья, преобразованных в государственные образования, которые должны защищать права своих соотечественников. Но курдам не выгодно признавать себя их подданными, поэтому они стремятся попасть под юрисдикцию России.

Как правило, большинство курдов, переехавших в Россию, принадлежат к числу неимущих, многие не имеют специальности. Нередко они попадают в мафиозные структуры. Процесс их адаптации требует значительных средств. Нередко им предлагают вернуться в Закавказье. Как правило, взаимоотношения России со странами нового зарубежья по данному вопросу фиксируются в двухсторонних договорах зарубежных государств, а также в доктринах внешнеполитической деятельности этих государств, а также Ирана и России.

Таким образом, общая для Ирана и России проблема диаспор и анклавов находит различное разрешение в соответствии с возможностями и традициями этих стран. Их наличие оказывает влияние на демографические, социологические и этнокультурные показатели стран в целом.

Если Иран в основном не заботится о своих зарубежных соотечественниках, поскольку они составляют оппозицию правящему режиму, то в России существует Фонд взаимодействия с диаспорами, осуществляющий широкие контакты с организациями зарубежных соотечественников.

Если в Иране адаптация вынужденных переселенцев не осложняется религиозными различиями, то в России возникают езидские общины, не характерные для традиционного социального и этнорелигиозного порядка России.

Если в Иране вынужденным переселенцам запрещается любая политическая и тем более оппозиционная деятельность, то в России курдские диаспоры находятся под идеологическим и политическим воздействием курдских политических организаций Турции и Ирака, распространяющих свою идеологию среди новоприбывших курдов. И это не является случайностью, поскольку среди некоторой части курдов бытует мнение о том, что вопрос о создании в этнографическом Курдистане курдского государства можно решить при посредничестве России, некогда выступавшей покровительницей курдского народа.

Следует также отметить, что кризис в Ираке, оккупация этой страны США снова обостряет проблему вынужденных переселенцев. Еще до начала вооруженной операции США в Ираке из страны выехало около 6 млн. человек. Эта проблема касается и Ирана, куда также хлынут беженцы, не сумевшие перебраться в другие страны. Расходы по их обустройству на территории Ирана, вероятно, должно взять американское правительство.

Таким образом, проблемы вынужденных переселенцев для Ирана остается весьма острой и по сей день.

М. С. КАМЕНЕВА

К ВОПРОСУ О РОССИЙСКО-ИРАНСКОМ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОМ ДИАЛОГЕ

Концепция диалога цивилизаций завоевала достаточно прочные позиции как в глобальном масштабе, так и на уровне отдельно взятых стран, в том числе Ирана и России.

Иранская концепция культурного диалога, автором которой является бывший президент Ирана г-н Хатами, рассматривает диалог цивилизаций как один из наиболее действенных путей создания такой модели современного мира, где бы господствовали взаимное уважение к культуре, цивилизации и духовным традициям разных народов. При этом она выступает за самобытность каждой отдельно взятой национальной культуры, против навязывания мировой модели культурного развития¹.

История российско-иранских культурных связей насчитывает несколько столетий, и языковые контакты двух стран также имеют давнюю традицию и успешно развиваются в наши дни.

К изучению проблемы культурно-языкового диалога можно подходить с двух позиций, а именно: а) социолингвистической и б) собственно лингвистической.

Планомерное изучение иранских языков, в том числе и персидского, в русских университетах началось в первой половине XIX в., когда иранистика как комплексная наука, изучающая историю, экономику, языки, памятники письменности, а также материальную и духовную культуру ираноязычных народов, делала свои первые шаги в России. Вместе с тем следует отметить, что возникновение интереса к персидскому языку относится к более раннему периоду — к первой половине XVIII в., то есть ко времени правления Петра I. В этот период в России появились первые кадры переводчиков с персидского языка, прошедших курс обучения в самом Иране. Это диктовалось активным развитием экономических и дипломатических отношений между двумя странами. Также с начала XIX в. преподавание восточных языков, в том числе персидского, было введено в устав русских университетов, и эта традиция не прерывается по настоящее время.

С другой стороны, интерес к русской культуре и прежде всего русской литературе всегда был достаточно велик среди иранской интеллигенции. А в последние несколько десятилетий, особенно после исламской революции, наблюдается его бурный всплеск. Это выражается как в публикации худо-

---

1 См. Хатами М. В человеке сосредоточены душа Востока и разум Запада. М., 2001. С. 71.

жественных произведений и теоретических работ на персидском языке, так и в росте интереса к собственно русскому языку. Расширилось преподавание русского языка и литературы в высших учебных заведениях Ирана, идет подготовка собственных квалифицированных кадров русистов, центром которой является Тегеранский университет. В нем преподавание русского языка идет уже более 70 лет. Русский язык был одним из первых предметов, который начал преподаваться одновременно с открытием университета на кафедре русского языка и литературы. Осуществляется публикация учебников, учебных пособий и теоретических работ по различным аспектам функционирования русского языка на персидском языке, в том числе и переводных. Переводятся также на персидский язык произведения русских классиков, например, Горького, Толстого, Чехова. В ряду последних художественных переводов находится «Вишневы сад».

Русский язык преподается также в Тегеранском открытом университете, Мазандаранском и Мешхедском университетах, а также в некоторых частных институтах Тегерана. Ведется работа по созданию соответствующего курса также и в Исфаганском университете.² А с 2003 г. по решению Высшего Совета просвещения ИРИ русский язык наряду с испанским и итальянским включен в список иностранных языков, изучаемых в иранских школах (раньше в этом списке были только английский, французский и немецкий языки). Всплеск интереса к русскому языку объясняется, конечно, в первую очередь тем, что он является одним из языков, потребность в изучении которого возрастает постоянно с учетом сложившихся политических и культурных интересов между двумя странами.

Говоря же о собственно лингвистической стороне проблемы культурно-языковых контактов России и Ирана, прежде всего, естественно, следует говорить о проблеме заимствований.³ Персидский язык в процессе своего исторического развития испытал на себе влияние значительного количества языков — арабского, тюркских, европейских и т. д., и его лексика постоянно пополнялась и пополняется иноязычными заимствованиями, среди которых русские лексемы занимают, правда, далеко не первое место.

Развитие экономических отношений России с Персией, начало которого обычно относят ко второй половине XVI в., сопровождалось оживленным торговым обменом на пути Поволжье-Астрахань-Каспий-Барфруш и другие порты южного побережья Каспийского моря. Активная торговля между двумя странами продолжалась и в дальнейшем. Свидетельством этих связей в лексической системе персидского языка стали такие заимствования, как *эстэкан* «стакан», *галош* «галоши», *квас* «квас», *аршин* «аршин», *эскэнас* «ассиг-

2 Об этом также см.: Ирано-Славика. 2005, № 2(6). С. 71.

3 Подробнее см.: Пейсиков Л. С. Лексикология современного персидского языка. М., 1975. С. 55–56.

нация» и другие, и их можно считать как бы первым потоком заимствований из русского языка в персидский⁴.

Второй поток такого рода заимствований можно связать с концом 19 в. — началом XX в., когда царская Россия расширяла свое экономическое влияние в Иране: строились дороги, открывались русские банки и торговые агентства и т. д. Среди русских заимствований этого периода можно назвать *дорошке* «извозчик», *белит* «билет», *сухафи* «сухари», *фаутун* «фаэтон», *балалайка* «балалайка», *фунт* «фунт» и другие.

Третий поток русизмов представляют слова, относящиеся к советской эпохе, как, например, *совет* «совет», *большевик* «большевику», *совхоз* «совхоз», *колхоз* «колхоз», *эпутник* «спутник» и некоторые другие.

Вероятно, можно выделить и четвертый поток русских заимствований, связанный с постсоветским периодом развития нашей страны, а именно *гласность* «гласность», *перестройка* «перестройка», *ваучер* «ваучер» и т. д.

Здесь следует обратить внимание на тот факт, что проводимая в течение многих десятилетий иранским руководством языковая политика, направленная на очищение персидского языка от иностранных элементов, ни разу не коснулась русизмов. Это, видимо, связано, с одной стороны с незначительным их количеством в сравнении с другими заимствованиями в персидском языке, а с другой, с тем, что они ассоциируются с более духовной русской культурой в противовес бездуховной и без идеалов культуре Запада.

Что касается персидских заимствований в русском языке, то их количество в нем весьма незначительно, причем часть из них пришла в русский язык опосредованно через другие языки, как, например, тюркские, греческий, а не непосредственно из персидского. К ним можно отнести такие слова, как *амбар*, *баклажан*, *базар*, *киоск*, *балаган*, *чек*, *чемодан* и другие.

Таким образом, объединяющие Россию и Иран в течение нескольких столетий тесные экономические и дипломатические связи способствовали установлению прочных культурных контактов, отразившихся в языковой области в сфере лексических заимствований.

4 См.: Родина. Май 2001. С. 26.

Л. М. КУЛАГИНА

К ИСТОРИИ РУССКО-ИРАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Взаимоотношения между Россией и Ираном имеют многовековую историю. Первые торговые и политические контакты между отдельными владениями, находившимися на территории нынешних России и Ирана, были зафиксированы уже в VIII–X вв., а с середины XV в. страны стали обмениваться посольствами.

Соседями на севере и северо-западе персидского государства были славянские народы, объединившиеся в VIII–IX вв. в древнерусское государство. Киевская Русь поддерживала торговые и политические отношения со странами Востока и в том числе с Персией. Через территорию Киевского государства проходили транзитные торговые пути во многих направлениях. Основной магистралью, связывавшей древние народы с Востоком, была река Волга и волжско-каспийский путь. По нему с незапамятных времён осуществлялись не только торговые, купеческие, но и более широкие русско-восточные международные связи. Между Русью и иранскими городами и областями, такими как Тебриз, Гилян, Шемаха, Дербент и другими существовали оживлённые торговые взаимоотношения. Главным предметом вывоза из Руси, как сообщают иранские историки X века Истахри и Ибн Хаукаль, были меха, а также свечи, стрелы, мёд, мечи, кора, рыба и другие. Торговля с Русью была выгодна для иранских купцов, так как товары были дешёвыми.¹

Монгольские нашествия XIII–XIV вв., сопровождавшиеся невиданными разрушениями, истреблением народов и разорением многих городов, надолго прервали торговые-экономические связи Руси с восточными государствами и в частности с Ираном.

После освобождения Русского государства от татарского гнёта (1480 г.) и объединения русских земель под властью Москвы произошло восстановление политико-экономических отношений Руси с мусульманскими странами. Этому способствовало освобождение Московским государством реки Волги из-под владычества казанского и Астраханского ханств. Первое из них господствовало на среднем течении Волги, второе закрывало проход в Каспийское море. Задача была решена русским царём Иваном IV (1533–1584 гг.) завоевавшим в 1552 г. Казанское и в 1556 г. Астраханское ханства. Был открыт свободный выход в Каспийское море.

---

¹ Мельсунов П. П. Очерки по истории русской торговли IX–XVIII вв. М., 1905. С. 19.

Владения русского государства и Ирана пришли в непосредственное соприкосновение. Северная часть Каспийского моря стала считаться принадлежащей России, а западная и южная Ирану. Волжский путь, важный как с политической, так и с торговой точек зрения, на всём его протяжении стал принадлежать России.

На развитие русско-иранских отношений огромное влияние оказывала Османская империя, являвшаяся в тот период основным соперником Московского государства. После завоевания турками Константинополя в 1453 г. значительно возросла активность Турции как на Западе, так и на Востоке, и многие соседние страны стали подвергаться нападениям турецких войск. Турки завоевали Крымский полуостров, использовали казанских и астраханских татар в борьбе против русских, овладели частью Закавказья, на которое претендовали Россия и Иран. Поэтому вопрос о союзе Московского государства и Ирана был особенно важен в русско-иранских отношениях этого времени.

Оживление русско-иранских отношений совпадают по времени с возникновением Сефевидского государства в Иране (1500–1722 гг.). Обмен первыми дипломатическими миссиями между Московским и Сефевидским государствами в ранге послов произошёл в 1552–1553 гг. Зачинателями их были Иван IV и шах Тахмасп I (1524–1576 гг.). У сефевидского шаха для отправки посла в Москву были достаточно веские причины. Основной — неудача в войне с турками. Шах Тахмасп I отправил своего посланника с грамотой к Ивану IV. Содержание грамоты не дошло до наших дней, но можно предположить, что иранский шах искал союзника для борьбы с Турцией.²

В конце XVI в., воспользовавшись внутренними смутами в Иране, турки расширили свои владения, захватив Азербайджан, Закавказье и Ширван. В 1583 г. ими был взят Баку. Турция вышла к Каспийскому морю, где вскоре появился турецкий флот, и было построено несколько турецких крепостей. Выход турок на побережье Каспийского моря создавал угрозу позициям Московского государства на юге от Днестра вплоть до Закавказья и Волго-каспийскому пути. В эти тяжёлые для Ирана и России годы устанавливаются между ними регулярные дипломатические отношения. Шах Ирана Ходабендэ (1578–1587) предложил русскому царю военный союз против Турции, предлагая за оказание военной помощи передать России города Дербент и Баку, которые в то время находились в руках турок. В 1590 г. с этим же предложением обратился иранский шах Аббас I (1587–1629), обещая за военную помощь против Турции передать России не только города Дербент и Баку, но и Шемаху. Но этот военный союз в силу многих исторических обстоятельств не получил логического завершения, хотя русско-

---

² Бушев П. П. История посольств и дипломатических отношений русского и иранского государства в 1586–1612 гг. М., 1976. С. 42–44.

иранские политические и экономические отношения продолжали оставаться дружескими.³

В конце XVII — начале XVIII веков Иран переживал период глубокого экономического и политического упадка. Власть шаха становилась призрачной. В разных местах обширной и разноплеменной империи проходили восстания.

Политика России в отношении Ирана диктовалась прежде всего интересами своей безопасности и теми планами, которые определяли восточную политику Петра I (1682–1725). Это — овладение берегами Каспийского моря и недопущения усиления Турции за счёт иранских земель на Кавказе. Используя конфликт, возникший в Шемахе в отношении русских купцов, в результате которого они были ограблены и убиты местным населением, Россия пересекла границы Ирана. Русские войска заняли в сентябре 1722 года г. Дербент, а летом 1723 г. город Баку. Получив от гилянцев просьбу о помощи против афганцев, Петр I направил морем русские отряды в Энзели и Решт. В 1723 г. Турция выступила против Ирана, турецкие войска вторглись в Восточную Армению и Восточную Грузию. Угроза со стороны Турции побудила шаха Тахмаспа II (1722–1732) направить своего посла Исмаил-бека в Петербург, чтобы заручиться поддержкой России в борьбе против Турции и афганцев. 23 сентября 1723 г. Исмаил-бек подписал с Петром I Петербургский договор. В II статье договора было сказано, что «его шахово величество уступает его императорскому величеству всероссийскому в вечное владение Дербент, Баку со всеми к ним принадлежащими и по Каспийскому морю лежащими землями и местами, также провинция Гилян, Мазендеран и Астрабад». На основании договора Россия ввела свои войска в Гилян, но Мазендеран и Астрабад фактически никогда не были заняты русскими войсками.⁴

В Иране отрицательно отнеслись к занятию российскими войсками прикаспийских провинций. В отошедших к России провинциях вспыхнуло народное недовольство. Иран отказался ратифицировать Петербургский договор. После смерти Петра I политика России в Прикаспии претерпела изменения. Правительство Екатерины I не только отказалось от активных действий на Кавказе, но и решило избавиться от прикаспийских провинций, удержание которых для России было не выгодным. Русские войска, занимавшие каспийское побережье несли большие потери, главным образом, от болезней, и содержание там 20 батальонов пехоты было достаточно разорительным для казны. Но несмотря на неблагоприятные обстоятельства, русское правительство держало в Прикаспии оккупационные войска в течение 10 лет. Это диктовалось тем, что Иран подвергся нападением афганцев и турок, которые захватили ряд его территории. В связи с этим русское правительство вынуждено было держать свои войска в прикаспийских

3 Договоры России с Востоком. СПб., 1869. С. 187.

4 Лысов В. П. Персидский поход Петра I 1722–1723. М., 1956. С. 170–175.

провинциях, чтобы охранять берега Каспийского моря и свои южные границы от турок и афганцев. В 30-х годах XVIII в. обстановка в Иране изменилась, иранские войска под предводительством Надир-хана (будущего Надир-шаха (1736–1747 гг.)) изгнали афганцев из страны и повели успешное наступление против Турции. Россия готовилась к войне с Турцией и хотела иметь в лице Ирана своего союзника. В январе 1732 г. в Реште был подписан русско-иранский договор. Провинции Гилян, Мазендеран, Горган снова перешли во владение шаха, русские войска были отведены за реку Куру. Рештский договор фактически послужил основой для последующей политики России в отношении иранских прикаспийских провинций. После окончательного вывода русских войск из Ирана в марте 1735 года был заключен Гянджинский договор «вечного союза» между Россией и Ираном. Города Баку и Дербент отходили к Ирану. Гянджинский договор признавал власть Ирана над Дагестаном. Северная иранская граница перешагнула кавказский хребет и прошла по р. Терек. Крепость Святого креста, заложенная Петром I и выстроенная трудами десятков тысяч русских солдат, была уничтожена. Таким образом, завоевания Петра I на Каспийском море оказались непрочными, Россия не смогла удержать за собой завоеванные земли.⁵

XVIII век для Ирана был временем почти непрерывных войн и феодальных междоусобиц. К 60-м годам власть в стране удалось захватить Керим-хану Зенду (1750–1779). С Россией Иран имел оживлённые торговые и политические отношения и даже ставился вопрос о политическом и военном союзе против Турции, но смерть Керим-хана помешала осуществлению этого плана.

С 60–70-х годов XVIII политика России на Кавказе становится более активной. Со второй половины века, когда Иран фактически выбыл из борьбы в связи с новой междоусобицей, будущее Северного Кавказа решалось в соперничестве России и Турции. Успешные русско-турецкие войны способствовали установлению патрональных отношений народов Кавказа с Россией для защиты от Турции и Ирана. Но такое положение не устраивало Иран. К 1794 г. Ага-Мохаммед-хан Каджар сумел объединить под своей властью почти весь Иран и намеревался восстановить власть над Закавказьем. В 1795 г. Ага Мохаммед хан с 60-тысячным войском вторгся в Закавказье и в Грузию, с которой у России был подписан в 1783 г. трактат о переходе её под российское покровительство. Разорение Грузии побудило русское правительство принять ответные меры. Весной 1796 г. в Закавказье был направлен 30-тысячный корпус под командованием генерала В. Зубова. Русские войска взяли Дербент, бакинский, шемахинский и шекинский ханы объявили покорность России. Но смерть Екатерины II (1762–1796) и вступление на престол Павла I (1796–1801), связавшего все свои политические интересы с Западом, свели на нет приобретения России в Закавказье.

---

⁵ Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. М., 1966. С. 167.

В 1797 г. русские войска добровольно оставили Грузию и Азербайджан, подорвав доверие к России в Закавказье.

В это время происходят значительные изменения в Иране, который объединяется под властью новой династии Каджаров (1796–1925). Основным противоречием в русско-иранских политических отношениях конца XVIII — начала XIX века являлась борьба за овладение Закавказьем. Иран рассматривал закавказские государства как своих вассалов, Россия стремилась овладеть Закавказьем по военно-стратегическим соображениям, оно должно было прикрывать русские владения с юга.

Иран не сразу осознал опасность распространения военно-политического и экономического влияния России на Кавказ. Россия была одним из первых государств, с которым Каджары установили дипломатические отношения. По Каспийскому морю, несмотря на периодическую нестабильность политической власти в Иране, шла оживлённая торговля, и правители прикаспийских провинций постоянно поддерживали политические связи с русскими пограничными властями. Но активизация России в Закавказье настораживала Иран. Иранское правительство с возрастающей тревогой наблюдало за распространением русского влияния в этом районе, за тем, как постепенно многие закавказские мусульманские ханы начинали переходить под покровительство России и выпадать из-под влияния Ирана. Экспансия России в Закавказье неизбежно должна была привести к военному столкновению с Ираном.

Готовясь к войне с Россией, Иран попытался привлечь к антирусской коалиции Турцию и мусульманских ханов Закавказья. В то же время он старался заручиться поддержкой Франции и Англии.

В мае 1804 г. персидский шах Фатх-Али (1798–1834) потребовал немедленного вывода русских войск из Грузии и Гянджинского ханства. Это послужило поводом для начала первой русско-персидской войны (1804–1813 гг.). Главнокомандующим иранских войск являлся наследник престола Аббас-Мирза, который обладал незаурядными способностями военачальника, дипломата и администратора. Он понимал, что для преодоления отсталости Ирана необходим подъём производительных сил страны, реорганизация армии, что он и пытался осуществить, а также проведение реформ всего государственного аппарата. Но его прогрессивные идеи встречали резкий отпор среди правящей верхушки иранского общества и шиитского духовенства.

Несмотря на ряд неудач, первый этап войны закончился в пользу России. Русские войска заняли почти всё Закавказье за исключением Ереванского и Нахичеванского ханств. К концу 1806 г. военные действия между русскими и иранскими войсками практически прекратились. Начались переговоры о мирном договоре. Но в результате вмешательства сначала Франции. А затем Англии переговоры были сорваны, и военные действия продолжились. Но ни военная, ни моральная поддержка Англии не смогли изменить соотношение сил на русско-иранском фронте. 12 октября 1813 г.

был подписан между Россией и Ираном Гюлистанский мирный договор (в местечке Гюлистан в Карабахе). По Гюлистанскому договору к России отходили Дагестан, Грузия, Имеретия, Гурия, Мингрелия, Абхазия и ханства — Карабахское, Гянджинское, Шекинское, Кубинское, Бакинское, Ширванское, Дербентское и Талышское. За Россией закреплялось исключительное право держать военный флот на Каспийском море.⁶

Несмотря на формальное окончание войны и подписание договора, отношения между Ираном и Россией оставались напряженными. Из-за неточности формулировок некоторых статей договора пограничные вопросы не были полностью урегулированы, граница не была зафиксирована на местности. Значительно осложняло русско-иранские отношения англо-русское соперничество за влияние в Иране, которое усилилось с начала XIX века. Англия подписала с Ираном договоры в 1809 и 1814 гг., которые своим острием были направлены против России. Англичане поддерживали реваншистские настроения Ирана в отношении России. В 1815 г. в Петербург прибыл иранский посол для пересмотра условий Гюлистанского договора. Для разрешения спорных вопросов в Иран был направлен чрезвычайный и полномочный посол генерал — А. П. Ермолов, известный русский полководец, герой Отечественной войны 1812 г. Ермолову предоставлялись большие полномочия для решения наиболее сложных и спорных положений в русско-иранских отношениях. Но ему не удалось разрешить наиболее острый вопрос о границах, добиться учреждения русских консульств в Иране, настоять на возвращении российских пленных.

Отношения России и Ирана продолжали ухудшаться. Несмотря на то, что в 1825 г. был составлен акт о разграничении, Иран отказался его подписывать. Немало способствовали срыву переговоров английские советники. Английская дипломатия прилагала все усилия, чтобы спровоцировать новую русско-иранскую войну и тем самым ослабить позиции России на Ближнем и Среднем Востоке.

Чрезвычайное посольство во главе с князем А. С. Меншиковым, посланное в Иран в 1825 г., было арестовано. Иран открыто шел на войну. 23 июня 1826 г. шиитские улемы выдали фетву и призвали начать джихад против России. В начале военных действий успех был на стороне персов, но уже в сентябре 1826 г. армия Аббаса-мирзы потерпела поражение. В осеннюю кампанию 1827 г. русские войска одержали ещё ряд побед и начали продвижения вглубь Ирана к Тегерану. Шах вынужден был согласиться на мир. 10/22 февраля 1828 г. в селение Туркманчай был подписан мирный договор. Гюлистанский был объявлен недействительным, но многие его положения вошли в новый договор. Туркманчайский договор состоял из 16 статей. К России переходили Нахичеванское и Ереванское ханства, подтверждалась власть над ранее присоединенными территориями. Русско-иранская граница устанавливалась по реке Аракс, она была подробно описана в при-

⁶ Договоры России с Востоком. СПб., 1869. С. 209–214.

вязке к местности. Русско-иранская граница на Кавказе в том виде, как она была определена в договоре, практически просуществовала до 1991 года. На Каспийском море разрешалось иметь военные суда только России. Договор обязывал Иран уплатить контрибуцию в размере 10 куруров туманов (20 млн. руб. серебром). В дополнение к мирному договору был подписан Дополнительный акт о торговле. Туркманчайский договор закреплял за Россией право консульской юрисдикции. Русские поданные получили право экстерриториальности. Этот договор был одним из первых неравноправных договоров, заключенных Ираном с европейским государством и положил начало капитуляционному режиму в стране.⁷

Туркманчайский договор послужил основой для дальнейшего развития русско-иранских отношений, положил конец русско-иранским войнам и притязаниям Ирана на Грузию, Армению и закавказские ханства.

Ущерб, нанесенный Ирану войнами с Россией, был огромен. Для уплаты контрибуции в стране были введены чрезвычайные налоги и сборы. Гнев и возмущение народных масс умело направлялись шахским правительством и шиитским духовенством против России и её представителей в стране. В апреле 1828 г. русским полномочным министром в Иране был назначен А. С. Грибоедов. Ему было поручено добиваться выплаты контрибуции и выполнения статей договора. В условиях тяжелого экономического положения Ирана и ожесточенной антирусской пропаганды осуществить это было невозможно, о чем неоднократно сообщал Грибоедов. Воспользовавшись тем, что Грибоедов оказал покровительство яряу армян, желающих переселиться на родину в Ереван, что оговаривалось Туркманчайским договором, толпа фанатиков, подстрекаемая шиитским духовенством 30 января 1829 г. напала на русскую миссию в Тегеране, разгромила ее, убила А. С. Грибоедова и служащих миссии.⁸

Россия, воевавшая в это время с Турцией, не стремилась к новому обострению отношений с Ираном и пошла на мирное урегулирование конфликта.

В ирано-русских отношениях начался новый этап. Российское правительство сократило и отсрочило выплату очередных взносов контрибуции. Началось пограничное урегулирование. Были разрешены спорные вопросы в Закавказье.

Укрепившись на Кавказе, Россия начала продвижение в Среднюю Азию, отразившееся на русско-иранских отношениях. Иран в военном отношении не мог противостоять наступательному движению России в Средней Азии, но хотел извлечь из этого определенные выгоды и, прежде всего, расширить свои владения в этом районе. Шах предложил России совместные действия против туркменских племен, но получил твердый отказ. В тоже время российское правительство всячески пыталась удержать Иран на ней-

⁷ Там же. С. 215–222.

⁸ Шостакович С. В. Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова М., 1960.

тральных позициях. Во время военных действий России в Средней Азии Иран оказывал ей существенные услуги, облегчил снабжение русских войск продовольствием. После капитуляции Ахалтекинского оазиса и присоединения основной массы туркмен к России остро встал вопрос об установлении пограничной линии между вновь завоеванной территорией России и северо-восточными провинциями Ирана. Поэтому в 1881 г. начались переговоры о линии границы между иранскими и русскими владениями в Закаспии. В начале декабря 1881 г. был заключен договор об установлении русско-иранской границы к востоку от Каспийского моря, известной в истории как Конвенция 1881 г.⁹ Кроме определения государственной границы, Конвенция содержала специальные разделы об использовании вод пограничных источников и характере торгово-экономических отношений между Ираном и Россией через Закаспийскую границу. Конвенция 1881 г. была отрицательно оценена в Иране. Несмотря на то, что территориальная целостность страны не претерпела изменений, но шахское правительство рассчитывало со временем присоединить земли, лежащие на севере Хорасана. Кроме того, появление на среднеазиатской границе сильной державы, имеющей свои интересы в Иране, внушало опасения шахскому правительству. В дополнение к Конвенции 1881 г. было подписано секретное соглашение, предоставлявшее России право занимать территорию Хорасана русскими войсками в случае угрозы безопасности закаспийской железной дороге. Вопрос об установлении последнего этапа русско-иранской границы был определен Конвенцией в мае 1893 года. России передавалось пограничное селение Фирузе, в обмен за участок земли на правом берегу реки Аракс и селения Хисар в Средней Азии.¹⁰

В результате присоединения Закавказья и Средней Азии к России русско-иранская граница — сухопутная и водная — достигли примерно 2,5 тысяч километров. Россия и Иран стали непосредственно граничить друг с другом не только на Кавказе, но и в Закаспии. Со второй половины XIX в. возрастает экспансия капиталистических государств на Восток в страны Азии. Обостряется борьба за раздел, а потом и за передел мира. Англо-русское соперничество в Иране занимает одно из центральных мест в общей проблеме их отношений этого периода. Именно соперничество этих двух держав, как это ни парадоксально, являлось одной из причин, спасших Иран от формального превращения в колонию. Интересы российского царизма в Иране в этот период были связаны с общим направлением его экономической политики — борьбе за освоение рынков сбытов на восточных окраинах Российской империи. Главную свою задачу в Иране царизм видел в укреплении политических и главным образом экономических позиций в этой стране. Русская дипломатия отказалась от военных захватов в Иране и не претендовала на какие-либо изменения границ. Россия была заинтере-

9 ГАРФ, ф., 586, оп. 1, д. 61, л. 62.

10 Там же. Д. 146, л. 1–8.

сована в развитии торгово-экономических отношений с Ираном, что диктовалось требованиями российской промышленности. Исходя из этих задач, русский царизм усилил свое экономическое проникновение в Иран посредством получения концессий, создания торговых промышленных компаний и предоставления кабальных займов.¹¹ Важную роль в упрочении и распространении русского влияния в Иране сыграла персидская казачья бригада, созданная в 1879 г. и действующая под руководством российских офицеров. Крупным торгово-промышленным предприятием являлось рыболовное хозяйство Лионозовых. В 1873 г. С.М. Лионозов, российский подданный получил у иранского правительства концессию на право ловли рыбы в южной части Каспийского моря. Наиболее видными российскими концессионерами в Иране были известные капиталисты братья Поляковы. В 1889 г. Л.С. Поляков образовал «Товарищество промышленности и торговли в Иране и Средней Азии» с отделением в Тегеране, Реште, Мешхеде и других городах. В 1890 г. он добился у шаха концессии на организацию страхового и транспортного дела по всей территории Ирана. Одной из наиболее важных концессий России в Иране являлась организация Учетно-ссудного банка. Концессия была получена Л.С. Поляковым в 1890 г. сроком на 75 лет. Но, учитывая политическую и экономическую значимость банка для России, он был выкуплен в 1894 г. Государственным российским Банком.

Российские предприниматели добились у шахского правительства концессии на строительство дорог, телеграфа, портов, торговых факторий и предприятий России в Иране. Все это способствовало расширению экономических связей двух государств, содействовало хозяйственному развитию северных и восточных иранских провинций и обеспечивало занятость их населения.

Отрицательные последствия для иранской финансовой системы имели российские займы, представленные царским правительством шаху. Их сумма к 1910 г. составила 43106026 рублей. Займы расходовались непродуктивно и мало способствовали улучшению финансового положения Ирана. Они шли в основном на покрытие долгов, выплату пенсий, обеспечение путешествий шаха и его гарема и т. п.

Раздача шахом различных концессий иностранцам и получение кабальных внешних займов вызывали протесты и выступления персидской общественности и народа. Со второй половины XIX в. в Персии под влиянием европейской цивилизации стали распространяться идеи просветительства и буржуазного национализма. Самые яркие представители этого нового дня для Персии общественно-политического течения были дипломат Малькомхан, писатель Хаджи Зейн аль Абедин Марагаи, писатель и философ Абдоррахим Талибов, чиновник Юсуф-хан Мосташеф од-Доуле и другие. Новая персидская интеллигенция активно критиковала шахское правительство, выступала против закабаления страны иностранными капиталистами.

11 АВПРИ, ф. Персидский стол, д. 4021, л. 34.

В прогрессивных иранских газетах: «Канун», «Ахтар», «Хабиб-ол-Матин» и др., выходивших в основном за границей, появляются статьи с разоблачением колонизаторской политики России и Англии. Просветительство, деятельность светских реформаторов создали идейную атмосферу, в которой зарождалась идеология национально-освободительного движения.

В конце XIX в. в Иране неоднократно вспыхивали антишахские, антикапиталистические движения, охватывающие широкие слои персидской общечности.

Начало XX в. ознаменовалось для Ирана широким национально-освободительным движением — иранской революцией 1905–1911 гг. одной из главных причин революции являлось обострение внутренних социально-экономических противоречий и противоречий между иностранным капитализмом и национальными силами, стремившимися к независимости страны.

Революция в Иране являлась неотъемлемой частью той волны буржуазных революций и национально-освободительных движений начала XX в., начавшихся под непосредственным влиянием русской революции 1905–1907 гг. Но и в самом Иране существовали предпосылки для развития революционного движения. Революция в Иране началась массовыми народными демонстрациями против произвола и злоупотреблений шахских властей и политики капиталистически держав. Широкий размах движения вынудил шаха и феодально-помещичьи круги пойти на уступки. В октябре 1906 г. был созван первый иранский меджлис, а в декабре утвержден Основной Закон (Конституция). В 1907 г. было принято дополнение к Основному Закону, которое и явилось главной частью иранской конституции.

Российское правительство с самого начала иранской революции было настроено к движению отрицательно. Это можно было объяснить несколькими причинами: революционные события происходили в основном в северных районах Ирана, где были сосредоточены главные политические и экономические интересы и концессии России, в результате массовых выступлений в Иране, ее убытки исчислялись сотнями тысяч рублей. Кроме того, российские власти рассматривали иранскую революцию как продолжение русской революции 1905 г., так как в ней принимало участие большое количество кавказских революционеров из России. Царское правительство в виду значительного ослабления России в связи с поражением в войне с Японией и революцией в первые годы воздерживалось от вооруженной интервенции против иранской революции. Против вмешательства России в революционные события в Иране возражали и англичане, которые опасались, что в случае оккупации северных провинций русскими войсками, Иран может быть потерян для Англии.¹²

В 1907 г. было заключено англо-русское соглашение по Ирану, которого много лет добивалась Англия. По соглашению северная часть Ирана была объявлена сферой влияния России, юго-восточная часть составила

¹² Иванов М. С. Иранская революция 1905–1911 гг. М., 1957. С. 54–55.

английскую зону влияния. Расположенная между ними иранская территория объявлялась нейтральной. Меджлис отказывался ратифицировать это кабальное соглашение.

В связи с развитием революционного движения в Иране и роста антирусских настроений, царское правительство с середины 1908 г. стало прибегать к посылке русских войск в Иран. Для охраны российских консульств и интересов России, были посланы в Иран отряды казаков в города — Джульфа, Решт, Энзели, Мешхед, Казвин, Урмия и другие. Наиболее крупные народные выступления против шаха Мохаммеда Али (1907–1909) и его сторонников произошли в Тебризе. Шахские войска, окружив Тебриз, пытались заморить город голодом и разграбить. Российские войска 25 апреля 1909 г. в составе трех батальонов, четырех сотен, роты саперов и двух батарей под командованием генерала Снарского перешли границу и вошли в Тебриз. Вслед за войском двигались фургоны с продовольствием. Вступление в город русских войск спасло его население от голода и сдачи шахской армии и тем самым помогло спасти конституционное движение. После окончания тебризской операции российские войска были отведены в России, но часть их, в количестве свыше 200 солдат продолжала оставаться в Тебризе.¹³

Одним из сложных вопросов в отношениях России с новым иранским правительством являлось сохранение русских войск на территории Ирана. Российско-иранские переговоры по вопросу вывода российских войск продолжались больше года, но не дали результатов. Непреклонность России в вопросе вывода войск вызывалось враждебностью иранского меджлиса по отношению к российской политике в Иране и боязнью потерять свои позиции в этой стране. Попытки России восстановить на троне бывшего шаха Мохаммеда Али также провалились. Против российской политики в Иране выступал американский советник М. Шустер, назначенный в 1911 г. на должность главного иранского казначея с неограниченными полномочиями.¹⁴ Россия, воспользовавшись конфликтом, возникшим в связи с конфискацией иранским правительством имущества младшего брата экс шаха Шоа эс-Салтане, заложенного в Учетно-судном банке, предъявило Ирану ультиматум. В нем она потребовала: увольнение Шустера, не приглашать на службу иностранных советников без одобрения русской и английской миссий и возместить расходы, связанные с посылкой царских войск в Иран. Ультиматум, нарушающий суверенитет Ирана, вызвал народное возмущение по всей стране. Поскольку ультиматум не был принят, Россия направила дополнительные войска в Иран. Меджлис был распущен. Шустер уволен и покинул страну. В стране наступило безвластие. Русские войска заняли Тебриз и учинили жестокую расправу над руководителями восстаний, особенно над рос-

13 АВПРИ, ф. Персидский стол, оп. 488, д. 2293, л. 90–91.

14 *Казем-Заде Ф.* Борьба за влияние в Персии. М., 2004. С. 434–435.

сийскими подданными с Кавказа. Были посланы русские подкрепления во многие города северного Ирана: Энзели, Казвин, Решт, Мешхед и др.

После роспуска меджлиса и переворота в Тегеране были закрыты все демократические организации, конституция практически не действовала. Были арестованы многие руководители и участники революционного движения.

Подавление революции привело к еще большему закабалению Ирана царской Россией и Англией. В марте 1912 г. иранское правительство вынуждено было официально заявить, что обязуется согласовать свою политику с англо-русским соглашением 1907 г.

Но, несмотря на то, что иранская революция 1905–1911 гг. была подавлена, она имела большое значение в истории Ирана, так как впервые была принята конституция и создан меджлис, сыгравший значительную роль в развитии иранской государственности.

В августе 1914 г. в Европе началась первая мировая война между австро-германским блоком и коалицией Англии, Франции, России. В ноябре 1914 г. в войну вступила Турция на стороне Германии. Германия и Турция рассчитывали вовлечь в войну Иран. С начала войны иранское правительство заявило о своем нейтралитете. Российское правительство предложило Ирану отказаться от нейтралитета и вступить в войну на стороне России и Англии. За это Россия обязалась гарантировать Ирану целостность его территории и передачи после войны Кербелы и Неджефа — шиитских святынь в Ираке. Но Англия выступила против этого предложения России. Несмотря на нейтралитет Ирана. Воюющие стороны ввергли иранский народ в мировую войну и превратили его территорию в плацдарм военных действий.¹⁵

К моменту начала войны в Персии находились русские и английские войска. Русские войска были расквартированы в иранском Азербайджане, Хорасане, Гиляне, Мазендеране. Внутриполитическое положение Ирана было сложным. Иранское правительство не имело твердой политической линии и лишь балансировало между воюющими державами. В стране под влиянием турецких агентов усилилась панисламистская и пантюркистская пропаганда. Шиитское духовенство призывало к джихаду против России. Иранское правительство выступило с требованием вывода русских войск из Ирана. Русские войска отошли к российской границе. Это позволило турецким отрядам занять ряд иранских городов. Поэтому русские войска возобновили военные действия, заняли Тебриз, Урмию. В дальнейшем военные действия из иранского Азербайджана переместились в Курдистан. Военные успехи России заставили иранское правительство дать согласие на участие в войне на стороне Антанты. Но Иран потребовал за это эвакуации русских войск из иранского Азербайджана, предоставление крупного займа, снабжения оружием, изменение таможенных тарифов и передачу Ирану шиитских святынь Неджефа и Кербаллы после окончания войны. Общее соот-

15 Иран. История и культура в средние века и новое время. М., 1980. С. 104–106.

ношение сил в 1915 г. складывалось не в пользу России и Англии. Широкая военно-политическая деятельность германско-турецкой агентуры создавала угрозу вовлечения Ирана в орбиту германской политики.¹⁶

Россия и Англия возобновили свое наступление на иранском фронте. В 1915 г. русские войска продвинулись к Тегерану, заняли город Кередж, Хамадан, Кум, в 1916 г. — Керманшах.

К началу 1917 г. Иран почти полностью был оккупирован иностранными войсками: север и северо-запад — русскими; юго-восток и юг — английскими; запад — германско-турецкими.

Только в результате Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. в России было покончено с колониальной политикой царизма в Иране. Советское правительство с первых дней своего существования объявило об аннулировании всех неравноправных договоров и соглашений, заключенных с Ираном, отказалось от концессий и простило все персидские долги царской России. К 1918 г. была закончена эвакуация русских войск из Ирана.

Эти меры советского правительства оказали огромное влияние на иранский народ. Антиимпериалистическая, антишахская борьба, начавшаяся в Иране в конце XIX — начале XX вв. после окончания мировой войны переросла в широкое национально-освободительное движение.

---

¹⁶ Там же. С. 108.

Л. М. КУЛАГИНА

ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ РОССИИ И ИРАНА (XIX — НАЧАЛО XX вв.)

Нестабильность внутренней политической обстановки в Иране в конце XVIII в., иноземные нашествия, непрекращающиеся междоусобные войны, разорение страны, необеспеченность безопасности личности и имущества неблагоприятно отразились на экономическом состоянии Ирана. По мере укрепления в Иране новой династии Каджаров, стабилизации государственной власти стали создаваться более благоприятные условия для развития внутренней и внешней торговли. Торговая политика Каджаров была традиционной, как и все шахи, они поддерживали торговлю, т. к. имели от нее большой доход.

В конце XVIII — начале XIX в. усиливается военно-политический и экономический натиск европейских держав на Иран. Влияние мирового капиталистического рынка на иранскую экономику с каждым десятилетием становилось все больше.

Но в первые десятилетия XIX в. влияние европейского торгового капитала еще мало отражалось на конъюнктуре иранского рынка. До первой половины 30-х годов сохранялось преобладание иранского торгового капитала в торговле Ирана с другими странами. Однако с середины века положение стало меняться, европейские и российские торговые дома значительно расширили свои торговые связи с Ираном и стали теснить местных торговцев.

Россия исторически прочно связанная с иранским рынком сбыта и сырья, была крайне заинтересована в развитии торговли с Ираном. Внутренний рынок России не мог удовлетворить потребности быстро растущей промышленности. Поэтому Россия, подхлестываемая конкурентной борьбой с западными странами, искала внешние рынки на Востоке. Среди азиатских рынков к началу XIX в. особое значение приобрел иранский. Несмотря на то, что в развитии русско-иранской торговли в первой трети XIX в. были определенные трудности, она становилась более регулярной и имела тенденцию к постоянному росту. Товарооборот между Россией и Ираном происходил и в период русско-иранских войн. Так, вывоз товаров из России в Иран в 1802–1804 гг. составил 80 419 руб., а в 1814–1815 гг. достиг уже 499 532 руб. Но российская промышленность была заинтересована и в сырье. За те же годы вывоз из Ирана в Россию вырос с 607 864 руб.

до 902098 рублей. Иранские купцы доставляли в Тифлис шелк-сырец, хлопок и др. товары.

Российское правительство, заинтересованное в расширении русско-иранской торговли, в начале XIX в. еще не имело каких-то исключительных прав и преимуществ для русских купцов в Иране, отказывая в таковых же правах иранским купцам на территории России. Главный был тезис: «должно персидскому правительству дать почувствовать, что Россия ищет по торговле одних только обоюдных связей»¹.

Внешняя торговля Ирана в конце XVIII — первые десятилетия XIX в. не регулировалась какими-либо общими договорами или шахскими указами, хотя и существовало несколько распоряжений тегеранских властей относительно торговли с Россией и другими европейскими странами.

Впервые вопросы русско-иранской торговли после прихода Каджаров к власти были сформулированы в 1813 г. в статьях VIII, IX и X Гюлистанского договора, а так же в статье VII о русских консулах в Иране, в обязанность которых входило наблюдать за развитием торговли и оказывать содействие русским купцам в Иране.

По договору купцы обоих государств получили равные права свободной торговли, и право на транзит и свободное торговое мореплавание на Каспийском море, были определены правила взимания таможенных сборов с ввозимых и вывозимых товаров, установлена предельная 5% пошлина с объявленной цены. В договоре подчеркивалось, что для свободного проезда через границы купцы должны иметь письменное разрешение правительства или пограничных начальников, жить за границей сколько желают, их не должны задерживать, товары могут продавать и менять, споры разрешать с консулом или агентом, а где их нет — по «справедливости» с местным начальством, разрешается транзит через Россию и Иран в другие дружественные страны. «По привозе товаров на берег или в порты, либо сухим путем в пограничные города, предоставляется свобода продавать оные и другие покупать или на мену получать, не спрашивая на то позволения от тамошних правителей или откупщиков, коих долг есть смотреть, чтобы торговля имела беспрепятственное обращение и чтобы узаконенные пошлины исправно были взыскиваемы с продавца или с покупщика по добровольному их в том согласию»².

Главкомандующий Грузии генерал Н. Ф. Ртищев настаивал именно на единовременном взимании 5% пошлины и отмечал, что персидские ханы, пользуясь неограниченной властью и привыкшие взимать с купцов пошлины и вымогать подарки, ставили русское купечество в весьма тяжелое положение во время поездок купцов во внутренние районы Ирана.

1 Акты, собранные Кавказской Археологической комиссией (АКАК), Тифлис, 1886–1904 гг., т. VI, ч. 2, с. 119.

2 АКАК, т. VI, ч. 2, с. 118.

Иранский уполномоченный при подписании Гюлистанского договора долго не соглашался на установление 5% пошлины, утверждая, что для выгоды казны надо назначить не менее 12% пошлины.

Российское правительство считало, что для расширения объема русско-иранской торговли было бы полезно организовать в Иране торговые общества и конторы, построить собственные караван-сарай; разрешив такие же для иранских подданных в России; выяснить, какие товары пользуются большим спросом в Иране. Персидский уполномоченный при подписании Гюлистанского договора возражал против постройки караван-сараяв, опасаясь, как бы они не превратились в укрепленные крепости, подобно английским конторам в Бендер-Бушире, находящихся под охраной английских солдат. Большое значение придавали русские консулы в Иране сбору информации о стране, количестве ханств, городов, населения, характере подаей, что ввозится и вывозится из Ирана, какими пошлинами облагаются товары, т.е. тем сведениям, которые способствовали развитию торговли. Гюлистанский договор заложил юридические основы для развития торгово-экономических связей между Ираном и Россией. Однако ряд важных статей договора и в том числе статья о 5% пошлинах практически не применялась. Иранские таможенные чиновники, уплатив значительные откупные суммы за получение должности таможенника, считали вполне закономерным изменять размеры взимаемых пошлин по своему усмотрению. Российский поверенный в делах в Иране Мазарович столкнулся с тем, что иранские власти взимали не 5% пошлины с товаров, а 5 рублей с вьюка, независимо от количества товара и не только на таможне, а и в других местах, препятствуя нормальному торговому обмену. Русские торговцы жаловались на притеснения иранских властей. Так, например, в Гиляне с российских торговцев взимали, кроме обязательной 5% пошлины, еще дополнительную.³ Не были унифицированы правила осмотра и оценки товаров и на других таможнях Ирана.

Жалобы поступали и со стороны иранских купцов. Так, ереванский хан жаловался, что у персидских купцов отобрали деньги, которые они выручили за проданные товары. Российский представитель в Иране генерал А. П. Ермолов на это ответил: «У нас есть закон, запрещающий выпускать за границу монету Российской чеканки, тогда как червонцы и всякую другую монету выпускаем наравне с другими товарами... и если у торгующих персиян будут находимы российские деньги, то не только отбираемы будут, но и сами они подвергнутся наказанию по законам»⁴.

А. П. Ермолов всячески содействовал развитию транзитной европейской торговле с Ираном через Закавказье, чтобы способствовать экономическому развитию этого края. С этой целью в 1821 г. была установлена 5% пошлина с товаров, привозимых из-за границы в Грузию, что увеличило местные доходы. Гюлистанский договор способствовал оживлению русско-

3 АВПРИ, ф. СПб. Гл. Архив, 1–9, 1841–1843, оп. 8, д. 8, л. 16.

4 АКАК, т. VI, ч. 2, с. 284.

иранской торговли. В связи с усилением влияния России на Каспийском море значительное развитие получила торговля между Ираном и Россией через Астрахань. Суда между северными иранскими портами и Астраханью курсировали постоянно в летнее и осеннее время, их количество из года в год увеличивалось. Иранские купцы в Астрахани имели собственные дома. Большинство их проживало там постоянно. Этот город служил складским местом для иранских товаров.

Все это способствовало расширению русско-иранских торговых связей. Так, в 1824 г. из России в Иран было привезено товаров на сумму 2 млн. руб., а из Ирана в Россию 3,2 млн. руб. В 1825 г. соответственно 1,9 млн. руб. и 2,6 млн. руб.⁵

Расширению торговых взаимоотношений Ирана во многом способствовала отмена со стороны российского правительства всех таможенных ограничений на границе с Ираном. Специальным указом от 8 октября 1821 г. льготный 5% тариф был распространен на западноевропейские товары, ввозившиеся в Закавказье, а так же разрешался беспошлинный транзит в Иран. Льготные условия для провоза иностранных изделий в Закавказье и Иран вызвали огромный поток западноевропейских товаров. Если в 1825 г. через закавказские порты в Иран было ввезено товаров на 397 тыс. руб., то уже в 1829 г. почти на 2 млн. руб.⁶ Несомненно, льготная торговля, рассчитанная на переключение части европейского потока товаров в пределы России способствовала оживлению русско-иранской торговли. Но эти льготы имели и свои отрицательные стороны — угрозу сбыту промышленных товаров русского экспорта. Новые тарифные правила подрывали позиции русских фабрикантов, связанных с иранскими рынками, которые были не в состоянии конкурировать с более дешевыми тканями западноевропейских фабрик. В российское правительство поступали многочисленные жалобы русских фабрикантов на торговый режим в Закавказье и Иране с ходатайством о введении запретительных пошлин. В прошениях говорилось о необходимости ограничения ввоза европейских товаров в Иран. Основная часть товаров, ввезенных в Иран, была английского и индийского производства. В 1830 г. импорт в Иран составил 2 млн. фунтов стерлингов, из которых на долю Англии и Британской Индии приходилось более 2/3 всех ввезенных товаров, экспорт же товаров из России составлял 600 тыс. ф. ст.⁷

В 1831 г. транзитная торговля через Закавказье была фактически запрещена. На импортируемые европейские товары были значительно повышены пошлины. Российское государство пыталось таким образом повысить конкурентоспособность русских товаров и увеличить их экспорт в Иран. Но закрытие закавказского транзита не дало ожидаемых результатов.

5 *Небольсин Г. П.* Статистические записки о внешней торговле России. СПб., 1835, с. 147–150.

6 Русско-иранская торговля 30–50-е годы XIX века. Сборник документов. Составитель Н. Г. Куканова. М., 1984, с. 7.

7 *The Economic History of Iran. 1800–1914, Ch-L, 1971, с. 83.*

Европейские страны при наличии новых более совершенных средств транспорта, быстро освоили торговый путь в Иран через Триест и Трапезунда в Тебриз. Европейская торговля с Ираном стала развиваться быстрыми темпами. Царская Россия с менее развитым промышленным потенциалом оказалась явно не конкурентоспособной. Если в 1833 г. товарооборот европейских торговцев в Трапезунде оценивался в 13 млн. руб., то в 1836 г. он поднялся до 36 млн. руб., причем основная часть привозимых товаров направлялась в Иран.⁸

Причины экономической неэффективности таможенной реформы 1831 г. объясняются не только общей экономической отсталостью России, но и неумением самих российских промышленников и купечества воспользоваться предоставляемыми тарифом возможностями для освоения иранского рынка.

Характер внешней торговли Ирана в XIX в. определялся, прежде всего, конкурентной борьбой капиталистических держав. Стремительно развивающийся капитализм в западноевропейских странах, и в первую очередь в Англии, неизбежно сталкивался с узостью собственного внутреннего рынка, что приводило к поискам новых территорий, к экономической и военной экспансии во всем мире. Политическая и экономическая экспансия Великобритании на Среднем Востоке и, особенно в Иране сталкивалась с жизненными интересами России. Английская конкуренция на иранских рынках становилась для России важной политической и экономической проблемой. Российское государство пыталось противостоять английской экспансии путем заключения соглашений, облегчающих ее проникновение на иранский рынок. После окончания второй русско-иранской войны в 1828 г. был подписан Туркманчайский мирный договор, положивший конец русско-иранским войнам. В этом договоре, как и в Гюлистанском, содержалась статья о торговле (ст. VIII), по которой «Российские купеческие суда по прежнему обычаю имеют право плавать свободно по Каспийскому морю и вдоль берегов оною, как равно и приставать к ним... Таким же образом предоставляется и персидским купеческим судам право плавать на прежнем положении по Каспийскому морю и приставать к берегам Российским»⁹.

В дополнение к мирному договору и в один день с ним был подписан Особый трактат (Акт) о торговле из девяти статей. Особый трактат о торговле воспроизводил условия Гюлистанского договора о предоставлении купцам обеих стран свободной торговли. Статья III трактата определила 5% пошлину на ввозимые товары; здесь же учитывалось освобождение русских купцов от различных внутренних пошлин и сборов. Статья II подчеркивала, что все торговые сделки, векселя, поручительства между купцами двух стран должны оформляться как у иранского губернатора, так и у русского консула. В случае же несостоятельности российского купца в Иране

⁸ Русско-иранская торговля..., с. 12.

⁹ Договоры России с Востоком. Собрал и издал Т. Юзефович. СПб., 1869, с. 215–217.

заимодавцы «будут удовлетворены из оставшегося имущества и пожитков не только в Персии, но и в пределах России». Эти постановления распространялись и на иранских купцов, ведущих торговлю в России. Статья V предоставляла русским подданным право арендовать и покупать в собственность помещения для жилья и торговых складов. Иранские подданные, находящиеся на службе у русских посланников, консулов и торговых агентов, пользовались их покровительством наравне с русскими подданными. Статья IX особо предусматривала, что иранские официальные лица, не исполняющие условий трактата, должны смещаться со своих постов.¹⁰

В целом положениями трактата русским торговцам были созданы в Иране гораздо более выгодные, чем прежде, условия. Торговое соглашение давало России значительные преимущества перед другими странами.

Уже к 30-м годам XIX в. значительно вырос оборот русско-иранской торговли: в 1829 г. Россия завезла в Иран различных промышленных изделий на сумму в 5,5 млн. руб., т. е. почти в 3 раза больше, чем в 1824 г. В 1833–1839 гг. Россия вывезла в Иран одних только хлопчатобумажных тканей на 4,5 млн. руб., а весь ввоз в Иран оценивался в 8 млн. руб.¹¹ Иранский рынок поглощал от 40 до 60% всех русских промышленных товаров, экспортируемых в Азию.¹²

Русские товары находили широкий сбыт на рынках самых населенных и богатых северо-западных и северо-восточных провинций Ирана, успешно конкурируя с английскими изделиями. Преобладание в этих районах Ирана было обеспечено Россией не только благодаря их приграничному положению, но и удобным дорогам, идущим от Черного моря к Джульфе и Баку, сообщению по Волге, торговому флоту на Каспийском море, в последствии уже по Закаспийской и Оренбургско-Ташкентской железным дорогам.

Сообщение России непосредственно с Тегераном осуществлялось двумя путями: по Гилянкой провинции от порта Энзели на Каспийском море через Решт и Казвин — расстояние 350 верст. Этот путь хотя и трудный, но доступный во всякое время года. За провоз грузов по нему платили от 1 руб. 65 коп. до 1 руб. 85 коп. с пуда. Второй путь по Мазендеранской провинции от порта Мешедасер — расстояние 250 верст. Путь весьма трудный, местность гористая и зимой почти непроходимая. За провоз грузов по этому пути платили от 1 руб. 45 коп. до 1 руб. 55 коп. с пуда.¹³

Русская торговля в Иране осуществлялась во многих и других крупных городах, главным образом Северного Ирана. Российские купцы бывали и в глубинных районах страны. Тебриз, Решт, Энзели, Ардебиль, Астрабад

10 Договоры России с Востоком... с. 215–217.

11 *Атаев Х.А.* Торгово-экономические связи Ирана с Россией в XVIII–XIX вв. М., 1991, с. 102.

12 *Рожкова М.К.* Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия. М.—Л., 1949, с. 72.

13 ГАРФ, ф. 568, оп. 1, л. 148, л. 23.

— наиболее известные торговые центры, где российские купцы жили долго, семьями, многие имели там собственные дома, конторы, лавки, склады и другое недвижимое имущество. К тому же, в Иранском Азербайджане, Гиляне, Астрабаде были учреждены консульства, охранявшие интересы русских подданных в Иране. Как уже отмечалось, организация русской консульской службы в Иране проходила с большими трудностями. В начале она воспринималась, как ущемление интересов иранского государства. Отношения к консульствам менялось постепенно. Но уже в середине XIX в. иранские купцы ощутили выгоды консульской службы и стали активно использовать консульскую службу за рубежом. В Астрахань, Тифлис, Петербург поступали многочисленные протесты, жалобы, просьбы иранских купцов, поданные через русских консулов. Кроме того, иногда иранские купцы прибегали к покровительству русских консулов, спасаясь от преследований местных властей. В числе «русских купцов» было много армян, азербайджанцев и др. закавказских народов, которые по коммерческим соображениям принимали русское подданство. Переход в иностранное подданство вызывался стремлением обеспечить юридическую неприкосновенность имущества. Российское правительство оказывало всяческое содействие и покровительство купцам, ведущим торговлю с Ираном.

Купечество в Иране относилось к уважаемой части общества. Коран поощрял занятие торговлей, считал торговлю полезным, почетным, богоугодным делом. Купцы иногда становились видными фигурами в политической жизни страны. Однако в условиях незащищенности личности и имущества положение купечества было незавидным. Едва ли не нормой было незаконное притеснение процветающих купцов, попавших в опалу или лишившихся высокой поддержки и беззащитное их обирание.

В руках иранского купечества была сосредоточена большая часть как внутренней, так и внешней торговли страны. Среди иранских торговцев были оптовики и розничные. В первой половине XIX в. иранских торговцев было не очень много. И. Н. Березин, например, сообщает, что в Тебризе купцов, имеющих капитал свыше 150 000 серебряных рублей, было только пять.¹⁴ Но во второй половине XIX в., в связи с развитием торговли, накоплением капитала, образованием внутреннего рынка выделяется слой довольно крупного купечества. Укрепление торгового сословия вело к активному участию его в торговле. Крупные купцы имели свои торговые дома в Тебризе, Тегеране, Исфахане, Йезде и других городах Ирана.

Важную роль в иранской торговле играло армянское купечество, проживающее в Иране. Имея обширные деловые связи и родственные отношения с армянами, живущими в России, и торговыми домами, они осуществляли значительные торговые операции. В области внутренней и внешней торговле действовали крупные торговцы Туманянц, Джаханянц и др.

¹⁴ Березин И. Н. Путешествие по Северной Персии. Казань, 1852, с. 61.

Развитие торговли Ирана с капиталистическими странами способствовало укреплению торгового сословия. В его среде выделялись крупные представители в области внутренней и внешней торговли, происходило зарождение и развитие иранской торговой буржуазии.

В XIX в. стали возникать иранские торговые компании. Объединения иранских купцов возникали спорадически и не отличались долголетием из-за вмешательства властей и недоверия купцов. Торговцы боялись рисковать капиталом. Продажа иностранных товаров проходила обычно за наличные деньги и в кредит. Товары продавались с уплатой частью наличными, частью (иногда до 2/3 их стоимости) в кредит на срок от 1/2 до 3 месяцев с учетом 10–15% годовых. Поэтому купцы стремились продать товары как можно быстрее, чтобы вернуть вложенный капитал и получить прибыль. Некоторые семьи иранских купцов иногда держали под своим контролем торговлю целых районов. Очень богатая и влиятельная семья Мир-Багировых, один из членов которой Абу-Талиб принял российское подданство, оказывала большое влияние на развитие ирано-русской торговли в прикаспийских провинциях Ирана.¹⁵ Иранское купечество было недовольно большим наплывом иностранных купцов в Иран, положение которых зачастую было более благоприятным. Они не платили внутренние пошлины, которые взимали с иранских купцов местные власти. Иранские купцы протестовали против вывоза из Ирана ценного сырья, ввоза иностранных товаров, создающих конкуренцию местным производителям, предоставления привилегий иностранным торговцам и т. п.

Так, например, в 1864 г. купечество Тебриза организовало коллективный протест против неожиданного снижения иностранцами цен на товары, что принесло убытки торговой иранской общине. На 4 месяца все торговцы города прекратили торговые дела со всеми иностранными фирмами. Товары были изъяты из продажи. На несколько месяцев замерла деловая жизнь Тебриза. И только постепенно, когда цена повысилась, купечество возобновило дела.¹⁶

Говоря о структуре русско-иранской торговле первой половины XIX в., нужно отметить, что в русском экспорте в Иран большое место занимали хлопчатобумажные ткани. Но постепенно в течение 40-х годов русские хлопчатобумажные ткани стали вытесняться на иранском рынке европейскими, особенно английскими. Главными причинами спада спроса на русские ткани была их дороговизна по сравнению с английскими, плохое качество красок, несоответствие узоров восточным вкусам. Вывоз русских текстильных товаров в Иран в 1851–1853 гг. составлял всего 1/3 часть вывоза 1824–1826 гг.¹⁷

15 Кузнецова Н. А. Иран в первой половине XIX в. М., 1983, с. 142.

16 The Economic History of Iran. 1800–1914. Ch-L, 1971, с. 104.

17 Русско-иранская торговля в 30–50-е годы XIX века, с. 17.

Второй статьёй русского экспорта в Иран были металлы и металлические изделия. Только за одно десятилетие, с 1833 по 1843 г. ввоз железа увеличился в 3,3 раза, меди — в 2, металлических изделий в 3 раза. Экспорт металлов в 50 годы XIX в. вырос по сравнению с началом века в 4 раза.¹⁸

Ввозились в Иран различного рода кожи для производства ножен, изготовления сапог и чемоданов. В числе других экспортируемых русских товаров были меха, писчая и оберточная бумага, краски, изделия из стекла, хрусталя и фарфора. Из Баку морским путем поставлялись в северные провинции Ирана нефть и соль. Первостепенное значение для Ирана, особенно в неурожайные годы приобретал ввоз муки, крупы и других продуктов питания. Русский сахар сбывался в Иране повсеместно и беспрепятственно. Вместе с тем развивающаяся промышленность России предъявляла все увеличивавшийся спрос на сельскохозяйственное сырьё — шелк-сырец, хлопок, краски и др. Русские купцы вывозили иранский шелк-сырец не только в Россию, но и в Европу.

Шелководство играло значительную роль в хозяйственной жизни Ирана. Центром шелководства в Иране являлась провинция Гилян, там производилось ежегодно в середине 50-х годов около 500 тонн шелка-сырца. С конца 60-х годов XIX в. в связи с массовой гибелью шелкового червя, шелководство в Гиляне стало снижаться. Из всего экспорта шелка 80% шло в Европу, 15% — в Россию. Русские торговцы старались захватить в свои руки торговлю шелком северных и северо-западных районов Ирана.

Английские предприниматели и коммерсанты стремились перехватить инициативу у русских купцов. В результате конкурентной борьбы цены на шелк-сырец в 40–50-е годы непрерывно росли. Важной статьёй русского импорта из Ирана был хлопок, который обычно вывозился из Мазендерана и Хорасана. Значение этого вида сырья определялось растущими потребностями мануфактурного производства России.

С 1836 по 1851 г. импорт шелка из Ирана в Россию увеличился в 79 раз, хлопка — в 70 раз, пряжи — в 10 раз. Ввозились также иранские ткани и изделия из них. Значительное место в иранском импорте в Россию занимали рис, сухофрукты, пряности, мед, рыба, икра. Ввозились ковры, но они шли в основном транзитом в Европу, хна, табак и др.¹⁹

Общий объём ирано-русской торговли в первой половине XIX в. непрерывно возрастал, особенно это касалось иранского ввоза в Россию. Английский исследователь Шарль Иссави отмечал, что Россия занимала первое место во внешней торговле Ирана из-за выгодного тарифа, удобных путей сообщения, богатого ассортимента товаров и традиционных торговых связей.²⁰ О значении и размерах торговли свидетельствуют также наличие

18 Там же.

19 Русско-иранская торговля в 30–50-е годы XIX века, с. 19–20.

20 The Economic History of Iran, с. 100.

17 таможен на ирано-русской границе и ежегодные рейсы свыше 300 судов между иранскими и российскими портами на Каспийском море.

В русско-иранской торговле, как и во всей другой предпринимательской деятельности, в Иране первое место занимал российский государственный капитал. Были, правда, единичные попытки со стороны отдельных русских купцов или фабрик и заводов организовать более регулярную торговлю между двумя государствами.

В 1845 г. был создан «Московский торговый дом» для торговли с Азией. Торговый дом российских купцов «Баранов, Ремизов, Елизаров и К» стал расширять торговые обороты в Астрабаде, установил торговые связи с Центральным Ираном. Из-за конкуренции европейских товаров, несколько сократилась ирано-русская торговля через Астрахань. Поэтому русское правительство активизировало торговый обмен с Ираном через г. Астрабад. В городе был учрежден «Астрабадский торговый дом», который осуществлял сбыт российских изделий в Иран и Среднюю Азию. В 1849 г. были учреждены филиалы дома в Тегеране, Мешхеде, Барфруше, Шахруде, Ардебиле и др. С 1846 по 1854 гг. домом было реализовано в Иране российских товаров на 522 тыс. руб., а иранских в России — на 559 тыс. руб.²¹

Большую роль в русско-иранской торговле играла нижегородская ярмарка, куда поступали в основном иранские товары. Развитию торговли России с северными и северо-восточными провинциями Ирана содействовали пароходные общества «Меркурий», созданное в 1850 г. и «Русалка» — в 1856 г. В 1858 г. они объединились и появилась компания «Кавказ и Меркурий», осуществляющая торговые пассажирские и почтовые сообщения по Каспийскому морю и Волге. Компания просуществовала до 1918 г. В 1857 г. по инициативе российских промышленников было основано акционерное «Закаспийское торговое товарищество» для торговли с Ираном и Средней Азии. Оно открыло склады товаров в прикаспийских провинциях (Ардебиле, Реште, Шахруде, Мешхеде, Барфруше), но по незнанию рынка и неумелым действием своих агентов, вскоре разорилось и прекратило свое существование. Более важным для русской торговли в Иране являлась деятельность торгового дома Н. Н. Коншина, созданного в 1882 г. и закончившего свое действие в 1890 г. выставкой в Тегеране. В Исфахане действовали фирма Карла Шейблюра, торговые дома Розенблюма, Арзумановых, Туманьянца и др. Настойчиво пытались завязать более тесные сношения с Ираном лодзинские фабрики. В Хорасане открыл свои фактории «Торговый дом Кудрина» (1886 г.). Правительство России всячески поощряло начинания в этом деле: выдавало специальные премии, освобождало от пошлин и т. д.²²

Российское правительство, заинтересованное в развитии русско-иранской торговли и вытеснении английского конкурента, начиная с 90-х гг.

²¹ Рожкова М. К. Экономическая политика царского правительства... с. 333.

²² АВПРИ, ф. «Персидский стол», д. 4021, ч. II, л. 197.

XIX в. поставило русско-иранскую торговлю под контроль Учетно-ссудного банка. Так, банк постоянно выдавал крупные денежные субсидии, как русским, так и персидским купцам, ведущим торговлю, выписывая в большом количестве русские товары как за свой счет, так и по заказам клиентов, открыл товарные агентства в Москве, Баку и других русских торговых центрах для упорядочения и развития товарообмена с Ираном, периодически высылал в Москву образцы наиболее ходких на персидских рынках товаров. В Куме были открыты отделения банка и конторы лодзинских фабрик, сюда же постоянно приезжали представители фабрик московского района для закупки хлопка и т.д.²³ Все эти меры положительно сказались на развитии русско-иранской торговли. За короткий срок с 1903 по 1906 гг. торговый оборот России с Ираном возрос на 83%.²⁴

Важной чертой русско-иранской торговли явилось то, что она не носила односторонний характер, как торговля с Англией, а была взаимно выгодна и для Ирана и для России.

Но, несмотря на сравнительно благоприятные условия, создаваемые для русско-иранской торговли, экспорт российских товаров в Иран был значительно меньше европейского. Немалую роль в этом играло отсутствие гибкости у русских промышленников. Они не учитывали вкусы и желания иранских потребителей, не сумели приспособиться к потребностям иранского рынка, не использовали благоприятную для себя конъюнктуру. Русские консулы в Иране доносили в Петербург, что российские промышленники и купцы «воочию, на деле доказали свою полнейшую несостоятельность и незнакомство со способами ведения торговли с Востоком»²⁵.

Русская торговля в Иране, как указывалось выше, была в основном сосредоточена в руках местных жителей. Они хорошо знали положение на местных рынках, какие товары там требуются. Но не всегда их заказы выполнялись российскими торговцами и промышленниками. Зачастую лица, которые отвечали за русскую торговлю с Ираном, были недостаточно подготовленные для этой деятельности. Хотя Россия, как ближайшая соседка Ирана, могла бы снабжать его всем жизненно необходимым.

Для Ирана Россия являлась основным рынком сбыта сырья и вместе с тем единственной крупной капиталистической державой, с которой он имел активное торговое сальдо. Последнее обстоятельство приобретало тем большее значение для Ирана, поскольку его баланс в торговле с другими странами был пассивным, а это неизбежно сказывалось на финансовом положении страны. Зачастую торговый дефицит покрывался ввозом монеты из России, что отрицательно отражалось на российском торговом балансе. Последствия неэквивалентной торговли с большинством европей-

23 АВПРИ, ф. «Персидский стол», д. 4022, ч. 3, л. 69.

24 Центральный Государственный исторический Архив Ленинграда (ЦГИАЛ), ф. «Министерство торговли и промышленности», д. 990, л. 67.

25 АВПРИ, ф. «Среднеазиатский стол», д. 3073, л. 83.

ских государств сказывались и на внешней торговле Ирана. Страна неоднократно переживала торговые кризисы, сопровождавшиеся острым недостатком наличного капитала, задержками выплаты процентов по ссудам, резким колебанием цен на товары, большим скоплением непроданных товаров, частым банкротством торговых домов и купечества.

О превышении иранского импорта в Россию над русским экспортом в Иран, отмечают многие авторы. Так, Н. Г. Куканова приводит такие данные: в 1836 г. экспорт из России был меньше экспорта из Ирана в 2 раза, в 1837 г. — в 1,5 раза, в 1838 г. — в 5 раз, в 40-е годы иногда достигал в 13–14 раз. И только в 50-е годы русский экспорт стал расти, но все равно был значительно меньше иранского импорта.²⁶ В последние десятилетия XIX в. подобное положение сохранилось, несмотря на то, что за десять лет (1891–1900) экспорт России в Иран увеличился в 2 раза.²⁷

Положительное сальдо для Ирана в русско-иранской торговле имело большое значение для экономического развития последнего и стимулировало внутреннее товарное производство. Не напрасно российский посланник в Иране Ю. Г. Гагемейстер писал: «Шах персидский, особенно расположенный к русской торговле, потому что она более европейской основана на взаимности, старался собственным примером и приказаниями остановить сбыт европейских изделий, и ко двору его нельзя явиться в платье, сделанном из европейских материалов»²⁸. А. С. Семенов в своей работе отмечал, что активный для Ирана баланс в русско-иранской торговле обуславливал «помимо обеспеченного рынка сбыта, постоянный приток золота и серебра в Иран и поддержание платежного баланса с Англией»²⁹.

Русско-иранская торговля способствовала не только экономическому развитию Ирана, но и выполнила определенную спасательную функцию в отношении финансового состояния страны. Торговый дефицит Ирана в европейской торговле был высок. В начале 40-х годов в Тебриз ввозилось европейских товаров на 20–30 млн. руб., а вывозилось на 4–5 млн. руб. Для покрытия дефицита Иран, как указывалось выше, постоянно ввозил серебряную монету. Иранское правительство старалось использовать элементы протекционистской политики, чтобы сохранить традиционное иранское ремесло и защитить интересы иранского купечества. К таким мерам протекционистского характера можно отнести запрещение ввоза некоторых видов иностранных товаров, противодействие созданию торговых факторий и постройки удобных причалов и даже складских помещений для хранения товаров иностранных купцов. Но эти меры только усиливали эконо-

26 Русско-иранская торговля... с. 21.

27 *Остатенко С. С.* Внешние рынки России. I Персидский рынок и его значение для России. Киев, 1913, с. 108.

28 Цит. по: Русско-иранская торговля..., с. 21–22.

29 *Семенов А. С.* Россия и Англия. Экономические отношения в середине XIX в. М., 1975, с. 112.

мическую изоляцию Ирана и мешали развитию торговли. Вводилась практика государственного регулирования торговли — временный запрет на вывоз зерна и риса, продажу шелка-сырца иностранцам, пока не завершится закупка для внутренних нужд и т. п. Но протекционистская политика фактически осуществлялась в период правления Мирзы Таги-хана (1848—1851). Он направил своих представителей в провинции для наблюдения за деятельностью иностранных консулов и купцов, отменил внутренние таможенные пошлины, упорядочил таможенную службу и др. Но, к сожалению, после его ухода протекционистские меры стали носить нерегулярный характер. Сохранялась тормозившая развитие торговли откупная система таможенных сборов, шахское правительство, постоянно нуждаясь в деньгах, шло на уступки иностранным державам за получение займов, кредитов и т. п. Таковую же политику проводили и губернаторы провинций, вместо защиты ремесла и отечественной промышленности от конкуренции, они за взятки и подарки создавали благоприятные условия для иностранных купцов и фирм. Анализ внешнеполитических связей Ирана в середине XIX в. свидетельствует о возрастании зависимости экономики страны от развитых капиталистических государств. Иран все больше превращался в поставщика сырья, в первую очередь, для России и Англии.

Проблемы внешней торговли и освоение новых рынков к концу XIX в. встали остро для руководства Российской империи. Развивающаяся промышленность, особенно текстильная, требовала все больше хлопка-сырца, ввоз которого в 1851—1860 гг. вырос до 10 млн. пудов и продолжал увеличиваться.

Как уже говорилось, Иран занимал важное место в торговле России и прежде всего это относилось к его северным, северо-западным и северо-восточным, наиболее развитым провинциям. Северные районы Ирана были тесно связаны с русским рынком, с потребностями развивающейся российской промышленности. Расширение русско-иранских торговых и экономических связей во многом способствовали хозяйственному развитию этих провинций Ирана, давали занятость их населению и повышали его материальное положение. Россия ввозила туда те товары, в которых остро нуждалось иранское население, а вывозила сельскохозяйственную, скотоводческую, ремесленную продукцию, т. е. основные предметы производства населения этих провинций. Сельское хозяйство этих районов все больше приспособлялось к запросам российского рынка. Росли посевы риса, хлопчатника и др. технических культур. Производство хлопка в основном зависело от русского рынка и нужд российской текстильной промышленности, и его закупки постоянно росли. Об этом свидетельствуют данные о торговле Ирана этой культурой на Нижегородской ярмарке. Если в 1851 г. иранского хлопка было продано на 80 тыс. руб., то уже в 1863 г. на 690 тыс. руб. Россия покрывала 81% потребности Ирана в сахаре, в обмен получая рис (100%),

ранние фрукты (35%), хлопок, ковры (50%). Кроме того Россия поставляла Ирану ткани, керосин и др.³⁰

«Наши задачи, — подчеркивал на „Особом совещании” 7 сентября 1906 г. министр финансов России В.Н. Коковцев, — обслуживать соседние с Россией провинции, не допускать туда влияния Англии и Германии... Мы не можем отрешиться от пограничных, особенно северо-западных, провинций Персии, в которых мы много затратили и довольно много сделали и где у нас имеются действительно исторически сложившиеся интересы и связи»³¹.

Для экономического развития Ирана российский рынок был весьма выгоден. Он поглощал большую часть иранского сырья, его сельскохозяйственной, ремесленной и другой продукции. Торговый оборот России и Ирана особенно увеличивался во второй половине XIX в. Во многом этому способствовало присоединение к России среднеазиатских территорий. В Астрабадскую и Хорасанскую провинции товары из России поступали через порты юго-восточного побережья Каспийского моря и по Закаспийской железной дороге. Общий объем русско-иранской торговли в 1875–1879 гг. составил 9 млн. руб., в 1880–1884 гг. — 11,3 млн. руб., в 1885–1889 гг. — 15,9 млн. руб.³²

В связи с развитием русской торговли со Средней Азией и северо-западными провинциями Ирана вновь встал вопрос о запрете транзита иностранных товаров через Кавказ. В российских правительственных кругах не было единого мнения относительно эффективности таможенных запретов, так как было сказано выше, закрытие транзитной торговли не давало ожидаемых результатов. Транзит иностранных товаров через Россию просуществовал с небольшими перерывами с 1816 по 1883 г., он приносил ежегодно от 800 тыс. до 900 тысяч рублей дохода казне. Но к концу века требования русских купцов и промышленников ограничить поток через Кавказ иностранных товаров усилилось. В 1882 г. русская торгово-промышленная буржуазия обратилась к российскому правительству с просьбой закрыть Кавказ для транзита иностранных товаров в Иран. Астрабадский консул России отмечал серьезную угрозу российской торговле со стороны импорта произведений иностранной промышленности в Среднюю Азию и Иран через Закаспийскую область.³³

Накануне закрытия транзита в Иран через Закавказье было ввезено западноевропейских товаров на 9 млн. руб., а весь экспорт России в Иран в том же 1882 г. составил 4,4 млн. руб. Слабое развитие путей сообщения России и отсталость русской промышленности мешало ей конкурировать с иностранными товарами.

30 *Атаев Х.А.* Торгово-экономические связи Ирана с Россией..., с. 132–133.

31 ГАРФ, ф. 568, оп. 1, д. 86, л. 3.

32 *The Economic History of Iran, 1800–1914*, с. 142.

33 *Атаев Х.А.* Торгово-экономические связи Ирана... с. 215.

В 1883 г. транзит через Закавказье для европейских товаров был запрещен. Эта мера защищала русско-иранскую торговлю на северо-западе и северо-востоке Ирана от конкуренции иностранных, главным образом английских товаров. Перевозка европейских товаров в северо-восточные провинции Ирана через Багдад, Ханекин, Персидский залив требовала больше времени и обходилась дороже.³⁴

Закрытие Кавказского транзита на этот раз положительно сказалось на русско-иранской торговле. Из сообщения консула в Гиляне явствует, что ввоз русских товаров в эту провинцию возрос с 3 млн. кранов в 1882 г. до 8,2 млн. кранов в 1886 г., тогда как ввоз товаров западных стран за тот же период сократился с 10,8 млн. кран до 1,3 млн. кран.³⁵ Отныне торговля России в Северо-Восточном Иране стала носить монопольный характер. Только небольшая часть иностранных товаров составляла конкуренцию русским, проникая через Трапезунд и Эрзурум. Закрытие европейского транзита через Кавказ было неблагоприятно встречено иранскими властями, так как это вызвало значительное повышение цен на все товары иностранного происхождения и заставляло Иран покупать в основном товары из России.

Наряду с количественным ростом русско-иранской торговли изменения происходили и в номенклатуре экспорта и импорта Ирана, свидетельствовавшие о все более углубляющейся экономической и политической зависимости его от капиталистических держав, для промышленности которых он стал рынком сбыта и источником сырья. Когда-то Иран славился своими знаменитыми шелковыми и другими тканями, которые вывозились во многие страны мира. Постепенно в течение XIX в. их экспорт сократился и их заменили более дешевые иностранные хлопчатобумажные ткани. Значительно увеличился ввоз сахара и чая. В конце столетия Иран стал импортировать зерно и керосин. В то же время вырос экспорт тех товаров, которые требовались на европейских рынках. В Иране значительно выросли посевы хлопка, особенно в северных провинциях, расширилось производство риса и других зерновых культур, что диктовалось потребностями российского рынка. Мода на иранские ковры в Европе способствовала развитию ковровой промышленности. Эволюцию основных статей экспорта и импорта Ирана во второй половине XIX — начала XX в. можно проследить по табл. 1 и 2.

34 *Атаев Х. А.* Торгово-экономические связи Ирана... с. 216–217.

35 ГАРФ, ф. 568, д. 148, л. 60 об.

Таблица 1
Основные статьи импорта Ирана³⁶ (в % к общему объему)

Товар	1850-е г.	1880-е г.	1911–1913 гг.
Хлопчатобумажные изделия	43	48	30
Шерстяные и шелковые ткани	23	15	5
Чай	9	2	6
Сахар	2	8	24
Металлические изделия	2	2	2
Пшеница	—	—	4
Керосин	—	1	2

Таблица 2
Основные статьи экспорта Ирана³⁷ (% к общему объему)

Товар	1850-е г.	1880-е г.	1911–1913 гг.
Шелк и шелковые изделия	38	18	5
Хлопчатобумажные и шерстяные изделия	23	1	1
Зерновые (в основном рис)	10	16	12
Фрукты	4	6	13
Табак	4	5	1
Неочищенный хлопок	1	7	19
Опиум	—	26	7
Ковры	—	4	12

Таким образом, наиболее важным структурным изменением общего иранского экспорта к началу XX в. стал многократный рост удельного веса хлопка-сырца. В первом десятилетии XX в. русская текстильная промышленность потребляла 22–24 млн. пудов хлопка в год, из которых половина закупалась за границей. По данным за 1903–1905 гг. Иран занимал пятое место среди экспортеров хлопка в Россию. Иранский автор Джамаль-заде писал: «Важнейшим продуктом, который вывозился из Ирана, являлся хлопок, составлявший 1/5 всего иранского экспорта. И вывозился хлопок главным образом в Россию»³⁸.

Иран служил для России одним из основных рынков сбыта сахара, ввоз которого в страну составлял 1/3 общего российского экспорта. Второе место в экспорте России в Иран, занимали хлопчатобумажные ткани, как известно, в большинстве своем сбывавшиеся на азиатских рынках, среди

36 The Economic History of Iran 1800–1914. Ed. By Ch. Isawi, с. 135.

37 The Economic History of Iran 1800–1914. Ed. By Ch. Isawi, с. 136.

38 Джамаль-Заде М. А. Гандж-е шайиган ва оуза-йе эктесади-йе Иран. Берлин, 1916, с. 17.

которых персидский рынок занимал первое место. Однако следует отметить, что торговля мануфактурой была значительно менее успешной, чем сахаром. Русские ткани не могли конкурировать с очень дешевыми манчестерскими. Поэтому по данным за 1903–1910 гг. из всего количества потреблявшихся в Иране тканей на долю английских приходилось 57%, а на долю русских только 39%.³⁹

Важной статьёй персидского экспорта в Россию были также сушеные фрукты, овощи, ягоды, по вывозу которых Персия занимала первое место на русском рынке и значительно превосходила даже такого мирового экспортера фруктов, как Италия. Кроме того, Иран ввозил в Россию рис, рыбу, кожу, табак, жемчуг, ковры, шелковые ткани.

Сельское хозяйство Ирана приспособлялось к потребностям мирового рынка. Северные провинции Ирана в основном специализировались на хлопчатнике и рисе, так как именно они являлись главными статьями русского импорта. В то же время нельзя не отметить и ряд отрицательных моментов в связи с приспособлением иранского хозяйства к потребностям мирового рынка. Расширение производства технических культур и в частности хлопчатника, опиума, табака приводило к сокращению посевов зерновых и других культур, традиционных для Ирана, что тяжело отражалось на положении иранского населения: голодные годы следовали один за другим.

Экономическая политика России в Иране значительно активизировалась в конце XIX в. В 1893 г. русское правительство созвало «Особое совещание по торговле с азиатскими государствами и в частности с Ираном» в нем участвовали представители министерств финансов, военного, иностранных дел. Было высказано пожелание активизировать русско-иранскую торговлю, главным тормозом которой являлось отсутствие удобных дорог в Иране.

В Иране почти совершенно отсутствовали удобные пути сообщения. Многие районы его были отделены друг от друга и от центра пустынями, горными перевалами, затруднявшими нормальное сообщение по стране. Это бездорожье было серьезным тормозом развития экономики Ирана, способствовало сохранению феодальной разобщенности, мешало централизации и развитию хозяйства страны.

Отсутствие путей сообщения исключало возможность переброски персидских товаров из одного района в другой. Экспортируя на севере рис, Иран на юге ввозил его из Индии. В то же время это бездорожье было одной из причин сохранения низкого уровня хозяйства, без каких-либо перспектив, например, в области интенсификации и технического развития, его реконструкции и т. п.

Соглашение 1890 г., навязанное Ирану Россией и поддержанное Англией, запрещало строительство железных дорог в стране. Российское правительство, чтобы сохранить свою монополию в северных районах Ирана приступило к строительству и благоустройству шоссейных и колес-

³⁹ Обзор внешней торговли России за 1907 г. СПб., 1908, с. 277.

ных дорог на севере страны. Особое совещание российского правительства о политике России в Персии в 1904 г. отметило, что наиболее богатые иранские провинции прилегают к России и к Каспийскому морю. Они естественно тяготеют к России. Проведение в них грунтовых и шоссейных дорог может только способствовать развитию общения их населения с Россией и умножению русско-иранской торговли.⁴⁰

Устройство и эксплуатация наиболее удобно расположенных ряда колесных и шоссейных дорог, по которым осуществлялся основной грузооборот России и Ирана, было осуществлено на средства государственного казначейства России.

Согласно концессии 1893 г., Персидскому страховому и транспортному обществу было предоставлено право на постройку дороги от Казвина до Энзелийского залива и ее продолжение от Казвина до Тегерана. Стоимость ее сооружения обошлась России в 7 564 213 руб. Протяженность дороги составляла 333 версты.

Концессия на строительство Казвино-Хамаданской дороги была выдана персидским правительством на тех условиях, что и Энзели-Тегеранской дороги. Стоимость ее сооружения составила 2 468 867 руб., протяженность — 217 верст. В 1902 г. Учетно-ссудному банку Персии было предоставлено исключительное право на постройку и эксплуатацию шоссейной дороги от русско-иранской границы до Тебриза и от Тебриза до Казвина. Стоимость сооружения участка Джульфа-Тебриз составляла 4 604 729 руб., длина его 124,4 верст.⁴¹

Грузооборот русско-иранской торговли (в пудах) по дорогам распределялся следующим образом⁴²:

Годы	Энзели-Тегеранская дорога	Казвино-Хамаданская дорога	Тебризская дорога
1906	7 516 460	365 400	526 545
1907	8 476 965	505 875	1 030 215
1908	10 969 710	371 005	1 348 442
1909	11 995 714	529 346	1 906 135

Как видим, по Энзели-Тегеранской дороге совершался главный товарооборот между Россией и Ираном, что объяснялось удобным ее расположением — вблизи Каспийского моря, волжского пути и в непосредственной близости к русско-иранской границе.

Сравнением русско-иранской торговли связано и строительство Россией Энзелийского порта. Концессия на устройство Энзелийского порта была

40 Обзор внешней торговли России за 1907 г. СПб., 1908, с. 277.

41 АВПРИ, ф. «Персидский стол», д. 4021, л. 229–247.

42 АВПРИ, ф. «Персидский стол», д. 4021, л. 229–247.

получена Россией в 1895 г. с правом установления от имени Персидского правительства правил движения судов и их стояний в порту. Это обеспечивало определенную безопасность российских судов в иранской части Каспийского моря.

Иранское правительство, заинтересованное в торговле с Россией, в свою очередь, предприняло ряд мер содействующих ее развитию. В частности, было упорядочено положение с пошлинами на южном побережье Каспия и на сухопутной границе.

Как уже отмечалось выше, русско-иранские торговые отношения до конца XIX в. юридически регулировались статьей 3 Особого акта Туркманчайского договора 1828 г., предусматривавший 5% систему обложения, как русских, так и персидских товаров, эта система взимания таможенных пошлин давала большие преимущества торговым соперникам России в Иране, пользовавшимся правами наибольшего благоприятствования. Товары этих стран, и в частности, Англии, облагались при ввозе в Иран обычной 5% пошлиной, в то время как персидские товары почти на всех рынках, кроме русского, облагались зачастую более высокими пошлинами, что было невыгодно для самого Ирана и, в известной степени, для России, так как ее торговые конкуренты пользовались теми же преимуществами, что и она, но зато не были связаны соответствующими обязательствами с Ираном. Персидское правительство, обратилось с просьбой к России о пересмотре таможенного режима. Русское правительство с интересом отнеслось к этому предложению, надеясь понизить тарифные ставки на ввозимые в Иран товары и установить определенные импортные таможенные ставки. В результате переговоров был выработан новый текст конвенции, подписанный обеими сторонами 27 октября/9 ноября 1901 г.⁴³

Новая конвенция не только отменяла статью 3 Особого акта Туркманчайского договора, но и вводила совершенно новые для Ирана принципы торговой политики. Отменялись однообразная 5% система обложения таможенными пошлинами, ввозные пошлины, дорожные сборы. Иран обязывался отменить откупную систему взимания таможенных пошлин, организовав государственные таможни.

Важнейшей частью декларации 1901 г. являлась статья I, устанавливавшая, вместо прежнего 5% таможенного обложения, три специальных тарифа А, В и С. Тариф «А» устанавливал таможенное обложение товаров при ввозе их в Иран, тариф «В» при вывозе из Ирана в Россию и, наконец, тариф «С» — размеры персидских экспортных пошлин, согласно новым тарифам, для каждой статьи вывоза устанавливалось специальное таможенное обложение. Новое торговое соглашение создавало преимущества для русской торговли в Иране. Из 30 различных русских товаров, вывозившихся в Иран и составлявших 9/10 всего русского экспорта, 8 видов товаров вовсе

---

43 Сборник торговых договоров и других вытекающих из них соглашений, заключенных между Россией и иностранными государствами. Пг., 1915, с. 442–448.

были изъяты из обложения, а 11 видов облагались совсем незначительной пошлиной по специальному тарифу в один кран⁴⁴.

На все основные статьи русского вывоза пошлины были установлены ниже прежней 5%. Так, например, составляющий в денежном выражении, примерно, 1/3 всего вывоза из России в Иран сахар облагался пошлиной в размере 3,4% вместо 5%. Еще ниже оказалась относительная величина обложения хлопчатобумажных тканей, столь же важной статьи русского вывоза. Снижалась пошлина и на нефтяные продукты.

Россия выиграла и по списку товаров, экспортируемых Ираном, добившись освобождения от ввозных пошлин наиболее важного для себя сырья: хлопок, шерсть и др.⁴⁵

Льготные условия распространялись и на целый ряд других товаров, ввозившихся в Россию из Ирана. Так, например, ввозная пошлина на фрукты составляла 25 коп. с пуда, в то время, как для других государств — 1 руб. 80 коп., за ввоз риса Иран платил 5 коп. с пуда, а прочие страны — 60 коп.

С другой стороны, конвенция предусматривала повышение пошлин на целый ряд товаров, в ввозе которых Россия не была заинтересована (например, чай, кофе, индиго), что было прежде всего невыгодно Англии.

Льготная система, установленная для ввоза русских товаров в Иран, распространялась и на ввоз персидских товаров Россию, что способствовало значительному расширению русско-персидской торговли, в особенности же увеличению ввоза персидского хлопка. Английский консул Г. Маклин писал в своем отчете: «Сырой хлопок — наиболее важный продукт в Хорасане и он особенно обильно экспортируется в Россию из Исфагана и даже Йезда и Кермана, зато экспорт через залив носит случайный характер, и признаки его роста очень незначительны. При ввозе хлопка в Россию Персия платит 40 коп. с пуда, а другие государства — 4 руб. 15 коп. Он продается в Москве по 2 руб., т. е. на 20% дешевле американского хлопка»⁴⁶.

Переговоры о русско-персидской декларации держались в строжайшем секрете. Тем не менее, английская миссия в Тегеране имела кое-какие сведения о характере переговоров. Предвидя угрозу, которую может представлять для английских торговых интересов новое русско-персидское соглашение, англичане делали все возможное, чтобы сорвать переговоры. Несмотря на происки британской дипломатии, конвенция была подписана и ратифицирована русским правительством 14 сентября 1902 г., вступала в силу она с 1 февраля 1903 г. Иранская общественность отнеслась к торговому соглашению отрицательно. Представитель иранской стороны, кото-

44 *Зонненшталь-Писковский А.А.* Международные торговые договоры Персии. М., 1931, с. 184.

45 Там же, с. 184–185.

46 *Blue Books Trade with Persia 1904. Report on the Condition and Prospects of British Trade in Persia.* L. 1904, с. 6–7.

рый вел переговоры о новом торговом русско-иранском соглашении, был даже обвинен в государственной измене.

Англия потребовала заключения аналогичного соглашения. Англо-иранская декларация была подписана 27 января 1903 г. и во всех пунктах повторяла русскую конвенцию 1901 г. Заключение конвенции явилось свидетельством того, что Иран к началу XX века все больше попадал под политическое и экономическое влияние иностранных государств и, прежде всего, Англии и России, которые способствовали его превращению в полуколониальную страну.

Введение льготных условий для персидского ввоза в Россию способствовало распространению русского влияния на южные и центральные рынки Ирана не в меньшей степени, чем поощрение русского вывоза, так как во многих случаях оказывалось выгоднее перевозить товары с юга и торговать на севере с Россией, чем с другими государствами через Персидский залив. Что же касается северного Ирана, то он благодаря смежным границам, сравнительно удобным путям сообщения и выгодности торговли — уже бесспорно являлся более тесно связанным экономически с Россией, чем с южным Ираном.

Представляет интерес замечание по этому поводу Г. Маклина, где он подчеркивает важную роль России для экономического развития северного Ирана.

«Завоевание закаспийских областей создало условия для безопасного развития земледелия на плодородных почвах Хорасана, открытие закаспийской железной дороги обеспечило рынки сбыта для продукции, которой невыгодна была дорогостоящая и длительная перевозка к заливу... Сельскохозяйственное развитие северной Персии, вызванное такими благоприятными условиями, как связь с русскими и другими рынками и защита персидских товаров на русских рынках, способствовали росту благосостояния этих провинций, следовательно, росту их покупательной способности»⁴⁷.

Так постепенно русский капитализм втягивал в торговый оборот не только районы северного, но и центрального Ирана, обращая их лицом к России. Новое таможенное соглашение расширило сферу торгово-экономического господства России в Иране.

К началу XX в. торговый оборот между Россией и Ираном значительно вырос. Россия заняла первое место во внешнеторговом обороте Ирана. Удельный вес русско-иранской торговли составлял 57%, Англии — 22%. На третьем месте была Турция, на четвертом Франция.⁴⁸

Россия предприняла ряд шагов для проникновения на рынки южного Ирана. В 1901 и 1902 гг. по инициативе министра финансов Витте и с «высочайшего разрешения» были произведены четыре пробных рейса

47 Blue Books Trade with Persia 1904. Report on the Condition and Prospects of British Trade in Persia. L. 1904, с. 6–7.

48 Сеидов Р. А. Иранская буржуазия в конце XIX — начале XX в., с. 52.

в Персидский залив русским «Обществом пароходства и торговли». Пароход «Корнилов» совершил первый рейс из Одессы в Персидский залив в феврале 1901 г, второй — в августе того же года, третий — в январе 1902 и четвертый — в мае 1903 г.⁴⁹ Пароходы доставляли в порты Персидского залива хлопчатобумажные ткани, сахар, керосин, лес, фарфоровые изделия. Несмотря на то, что русские товары, и в особенности керосин, хорошо разошлись, рейсы оказались убыточными. Тем не менее, было признано необходимым установление регулярных рейсов русских судов в этом районе, исходя из того, что «в настоящем деле первенствующее значение имеют действительно задачи политического характера»⁵⁰. На поддержание регулярных рейсов русских судов в Персидский залив государственное казначейство по соглашению с «Обществом пароходства и торговли» должно было выдавать последнему ежегодную дотацию в размере 200 тыс. руб. в течение 12 лет.⁵¹ В целях укрепления и развития русской торговли на юге Ирана в порты Персидского залива в 1904–1906 гг. были отправлены специальные торговые экспедиции при участии представителей русского купечества. Рейсы русских пароходов в Персидский залив обошлись России в 1 460 000 руб.⁵²

В 1907 г. после поражения России в русско-японской войне и накануне соглашения с Англией о разделе сфер влияния в Иране, вопрос о распространении русского влияния на южные районы Ирана принял несколько иное направление. На «Особом совещании» в 1907 г. в Министерстве Иностранных дел министр финансов В. Н. Коковцев подчеркнул, что в связи с соглашением с Англией должна быть «твердая уверенность, что дальше известных пределов наше влияние не направится на юг, дабы не расстроить отношений с державой (Англией — Л. К.) и не вовлечь нас в неожиданные осложнения»⁵³.

Но неудачи торговли на южном направлении вполне компенсировались ростом торговли на севере и востоке Ирана. Политическое и экономическое укрепление позиции России в Иране положительно сказалось и на торговых отношениях двух стран. За первое десятилетие XX в. общий торговый оборот русско-иранской торговли вырос почти на 70%.

49 Сеидов Р. А. Иранская буржуазия в конце XIX — начале XX в., с. 52.

50 Там же.

51 Сборник узаконений и распоряжений правительства. СПб., 1903, № 57, с. 655–656, отд. оттиск.

52 ГАРФ, ф. 568, оп. 1, л. 86, л. 3.

53 ГАРФ, ф. 568, оп. 1, л. 86, л. 4–4 об.

Торговля России с Ираном (в тыс. руб.).⁵⁴

Год	Ввоз в Иран	Вывоз из Ирана	Всего
1900	20 648	20 413	41 061
1901	23 488	25 482	48 968
1902	24 045	23 486	47 531
1903	27 386	26 480	53 866
1904	27 286	23 866	51 152
1905	26 060	22 311	48 371
1906	31 756	24 503	56 259
1907	28 264	25 314	53 578
1908	26 657	28 471	55 128
1909	34 005	35 051	69 056

Территориальная близость двух государств, удобство транспортировки, большие размеры русских инвестиций заинтересованность русского рынка в ряде продуктов иранского экспорта привели к тому, что Россия стала главным внешнеторговым партнером Ирана.⁵⁵

С конца XIX — начала XX века Россия расширяет рынок сбыта своих товаров в Иран, резко увеличивая ввоз промышленных товаров и вывоз сырья. Торговое подчинение Ирана интересам развивающегося капитализма в России неизбежно вело к политическому и экономическому подчинению Ирана. Крайне низкий уровень производительных сил и кризисное состояние финансовой системы Ирана конца XIX в. облегчали действия иностранных и в том числе русских капиталистов в стране.

Внешнеторговая экспансия в Иран европейских государств способствовала экономическому закабалению страны, получению концессий, монополий на важнейшие отрасли хозяйственной жизни Ирана.

54 Сеидов Р. А. Иранская буржуазия в конце XIX — начале XX в., с. 53.

55 Глуходед В. С. Проблемы экономического развития Ирана (20-е — 30-е годы). М., 1968, с. 32.

Н. М. МАМЕДОВА

ЦЕНТРЫ ПРИНЯТИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В ИРАНЕ И ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСЛАМСКОГО РЕЖИМА

Центрами принятия решений относительно основных направлений внутренней и внешней политики Исламской республики Иран являются прежде всего важнейшие органы власти — законодательной, исполнительной, судебной, некоторые политические и религиозные организации, отдельные структуры вооруженных сил и пр. Их деятельность и их значимость в жизни иранского общества определяются, главным образом, своеобразием политической системы Ирана, представляющего собой теократическое государство, основанное на выборности практически всех органов власти — от муниципальных советов до высших государственных постов. При этом конституционное и избирательное право обеспечивает не просто участие духовенства в структуре власти, но и приоритетность его позиций.

Наряду с высшими органами, представленными духовенством, и которые избираются преимущественно представителями духовенства высоких рангов, действуют республиканские органы власти. С одной стороны, система противовесов в лице республиканских и теократических органов обеспечивает определенную стабильность режиму, с другой — их противоречивость и объективно создает возможность возникновения его дестабилизации.

Официальная политика Ирана, которую представляют республиканские структуры власти, особенно во взаимоотношениях с зарубежными государствами, иногда не совпадает с действиями, которые предпринимает исламский режим от лица своих исламских структур. Достаточно напомнить ситуацию и вокруг ядерной программы Ирана, и связанную с позицией Ирана в отношении США, когда высказывания иранского МИД, президента, лидера страны и глав других органов власти имели достаточно очевидные отличия.

На наш взгляд, указанная противоречивость заложена в самом характере отношений шиизма, как государственной религии Ирана, и власти, а также в отсутствии организационно структурированного единства шиитского духовенства. Принципом, который нивелирует до минимума эту противоречивость и обеспечивает главенство религиозной составляющей в структуре власти, является принцип *веляте факих* (*velaiate fakih*). Практической

реализацией этого принципа является то, что высшим государственным лицом государства является религиозный лидер-*рахбар* (rahbar). Этот принцип закреплен в Конституции, которая представляет собой хартию теократического режима (принята на референдуме в декабре 1979 г.). Разработка ее текста протекала в острой борьбе мнений, и главным объектом споров был не столько сам принцип «веляте факих», сколько введение в структуру власти института *рахбара*, как высшего государственного поста, который осуществляет имамат в шиитской *умме* в период сокрытия имама Махди¹, а также управляет делами, т. е. наделен государственными полномочиями.

Именно он должен был разрешать все противоречия, возникающие между различными ветвями власти, координировать принятие решений, предлагаемых различными влиятельными центрами государственного управления и общественно-политической жизни. За столь краткий с исторической точки зрения период, как менее тридцати лет исламского правления, структура власти и соотношение основных центров принятия важнейших политических решений не претерпела сколько-нибудь радикальных изменений, тем не менее, сами изменения, безусловно, имели место. И характер этих сдвигов, отражая взгляды определенных политических сил, дает возможность проследить возможность и направления эволюции исламского режима, влияние различных факторов, либо способствующих его консервации, либо содействующих его модернизации.

Разногласия же в правящих кругах были всегда, даже после принятия конституции, отражаясь на противоречивости внутреннего и внешнего курса Ирана, иногда достигая критического уровня, грозящего развалом системе. Но никогда за этот критический уровень не переходили. К наиболее критическим периодам такого противостояния можно отнести рубеж 80–90-х годов, итогом которого стал переход к политике экономической либерализации, середину 90-х годов, закончившуюся приходом к власти М. Хатами и началом политической демократизации, лето 1999 г. с его студенческими волнениями, обострение отношений с США после причисления США Ирана к «оси зла» и военной операции США в Ираке, а также провозглашенной новым президентом Ирана Махмудом Ахмадинежадом программы по созданию собственного топливного цикла для атомной энергетики.

При жизни Хомейни он, как пожизненно провозглашенный конституцией 1979 г. *рахбаром* страны, являлся фактически единственным центром принятия важнейших политических решений. После его смерти в 1989 г. *рахбаром* был избран *ходжат-оль-эслам* (сейчас аятолла) Али Хаменеи, занимавший пост президента. Несмотря на то, что его авторитет, как и впрочем других религиозных лидеров, значительно уступает имаму Хомейни, он как *рахбар* остается одним из главных центров принятия политических реше-

¹ Согласно шиитской концепции власти правом на верховную власть обладают только потомки Али. Аятолла Хомейни в своих работах выдвинул концепцию «веляте факих», согласно которой легитимность власти может обеспечить нахождение во главе государства наиболее авторитетного *факихи* (религиозного богослова) или совета *факихов*.

ний. Ведь он не только религиозный лидер, но и высшее должностное лицо в государстве. *Рахбар* контролирует деятельность всех ветвей власти, определяет основные направления внутренней и внешней политики, назначает главу судебной власти, главнокомандующих Вооруженными силами и внутренними войсками, главнокомандующего Корпусом стражей Исламской революции, подписывает указ о назначении президента, который избирается путем всенародного, прямого и тайного голосования, назначает шесть *факихов* в Наблюдательный Совет (состоит из 12 членов-правоведов). Он наделен правом объявлять войну и заключать мир, объявлять амнистию или смягчать приговор по предложению главы судебной власти. Уже перечень этих прав и обязанностей обеспечивает *рахбару* правовые условия для концентрации в своих руках сильной власти. В конституционный перечень прав входят как конкретные права, так и достаточно абстрактные. Поэтому для того, чтобы реально влиять на политику государства и осуществлять контроль за ее исполнением *рахбар* опирается на своих сторонников в политических объединениях духовенства, а также на конституционные органы и другие институты (общественные и государственные структуры и экономические организации), находящиеся в его ведении. В практике государственного управления влияние *рахбара* реализуется через представителей его канцелярии.

Избирает *рахбара* Совет экспертов, который состоит из 86 членов, избираемых на 8 лет путем прямых выборов.²

Рахбар издает фетвы, касающиеся религиозных проблем, декреты (*хокм*) и решения (*эблагие*), которые касаются его обязанностей, связанных с управлением государством. Одной из известных фетв, получивших большой политический резонанс и оказавших влияние на деятельность исполнительной власти, была фетва имама Хомейни в отношении Салмана Рушди (автора «Сатанинских стихов»), заслуживающего смерти за оскорбительные выпады против Пророка. В результате из Ирана были отозваны послы большинства европейских стран, иранскому правительству пришлось приложить немало усилий для восстановления отношений. После смерти Хомейни подобные фетвы не издавались. Хаменеи, который до избрания *рахбаром*, был президентом страны и занимался, главным образом, проблемами исполнительной власти, основное внимание уделяет этим проблемам. Так, один из последних указов (*хокм*) касался формирования нового состава Ассамблеи по определению государственной целесообразности на следующие 5 лет (опубликован 28.02.2007 г. в «Джомхурие эслами», являющейся фактически

2 Совет экспертов (*маджлисе Хабреган*), избирается на 8 лет путем всеобщих прямых выборов (выборы — в 1982 г., 1990 г., 1998 г., 2006 г. — в виде исключения срок полномочий продлен до 10 лет). Кандидатуры утверждает Наблюдательный Совет, который отбирает кандидатов в соответствии с законом о выборах в Совет Экспертов. Согласно этому закону кандидаты в Совет экспертов должны иметь известность в соблюдении религиозных законов, обладать правом на *иджтихад* (выносить собственные решения по важным вопросам богословия), иметь соответствующую политическую подготовку, умение решать насущные вопросы.

официальной газетой рахбара и консервативного духовенства). Именно *рахбаром* было подписано решение (*эблагие*) о принятии Двадцатилетней программы и Основных направлений четвертого пятилетнего плана.

Как правило, в честь окончания поста (рамадана), в праздник фид-альфитр *рахбар* объявляет об амнистии (например, в декабре 2002 г. было амнистировано 341 заключенных, в т. ч. Агаджари, профессора-историка, приговоренного судом для духовенства в Хамадане к смертной казни, что вызвало в декабре 2002 г. волну студенческих протестов).

В другие дни, даже несмотря на просьбы президента или других высокопоставленных государственных деятелей, он редко соглашается на этот шаг. Так, когда Абдолла Нури, один из соратников Хатами, был осужден судом для духовенства, просьбы президента Хатами о помиловании Нури, были отклонены, и Хаменеи согласился на его амнистию лишь после гибели в автокатастрофе брата А. Нури, бывшего депутатом меджлиса. Даже сами суды для духовенства были созданы по указу Хомейни в качестве временной меры, но продолжают действовать до сегодняшнего времени. Они стали средством расправы не только с религиозной, но и политической оппозицией, так большинство из общественных деятелей Ирана получили религиозное образование и имеют религиозное звание.

Воздействие *рахбара* на решения государственных органов не всегда, и даже чаще всего, не проявляются официально — через фетвы или указы. Однако, вряд ли можно считать случайным, что перед принятием правительством или меджлисом наиболее важных решений в иранских СМИ появляются сообщения о встречах президента и других высокопоставленных лиц с *рахбаром*. Свое влияние *рахбар* реализует также через выступления на пятничных молитвах, на юбилейных торжествах (в частности, посвященных КСИР и «басджу» (ополчению), где он совмещает функции и государственного и религиозного лидера. Представители *рахбара* на постоянной основе находятся в университетах, в армии, в КСИР, в провинциях (*останах*), в министерстве «Созидательный джихад», ведающий вопросами сельского хозяйства. Помимо государственного телевидения и радиовещательной компании, под контролем *рахбара* находятся газеты «Эттелаат» и «Кейхан».³

Рахбар контролирует деятельность Высшего Совета культурной революции. Именно декрет Хомейни как лидера страны от 13 июня 1980 г. провозгласил начало «культурной революции», основными объектами которой стали высшее образование, а также вся система образования в целом. Декретом предусматривалось создание Штаба культурной революции, который в 1984 г. был преобразован в Высший Совет культурной революции (ВСКР). Решения ВСКР не требуют специального одобрения меджлиса и становятся законом автоматически. Члены ВСКР включают глав всех трех ветвей власти, а также министра образования, культуры и высшего образования, здравоохранения и нескольких экспертов в области культуры. При

³ www.netiran.com. Leadership. 05.05.2005.

жизни Хомейни деятельность ВСКР находилась под его непосредственным контролем, сейчас контрольные функции осуществляет Али Хаменеи.

Специальные представители *рахбара* возглавляют созданные в университетах отделения Университетского джихада, призванного следить за исламизацией вузов.

К числу организаций, работающих под руководством *рахбара*, относится Движение за ликвидацию неграмотности, которая была создана 29 декабря 1979 г. по указу Хомейни «О всеобщей мобилизации для борьбы с неграмотностью», в котором имам призвал к великому культурному джихаду.⁴

Под руководством *рахбара* через его представителей действуют различные организации, которые сложно отнести к определенному типу власти.

К числу таких органов власти, причисленных Конституцией к высшим, прежде всего, следует отнести Ассамблею по определению государственной целесообразности. Само создание этого органа, а, главное, постепенное изменение ее функций, отражает борьбу внутри правящей элиты и «перетягивание» сил различных центров за властные полномочия. Эта Ассамблея была создана по решению имама Хомейни в конце 1988 г., главным образом, как арбитражный орган, призванный разрешать противоречия между меджлисом и Наблюдательным Советом. Так как закон, принятый меджлисом, может вступить в силу только после одобрения его Наблюдательным Советом (проверяющего соответствие закона принципам Конституции и ислама), в первое десятилетие после исламской революции из-за разных точек зрения на различные аспекты политики, большинство из законопроектов, разработанных правительством, не было принято — либо в результате несогласия меджлиса, либо Наблюдательного Совета. Правительство в период ирано-иракской войны работало, по словам премьер-министра Мир Хоссейна Мусави, в условиях законодательного вакуума. Правительство руководствовалось собственными постановлениями, которые нередко отменялись меджлисом, как незаконные. Переход к новой экономической политике, необходимость восстановления разрушенных производств, требовали ускорения законотворческого процесса. Ассамблея по определению государственной целесообразности стала высшей инстанцией в процессе принятия законов. Так как после избрания Хаменеи *рахбаром* президентом Ирана стал Али Акбар Хашеми Рафсанджани, он добился путем внесения поправок в Конституцию усиления значимости поста президента как за счет ликвидации поста премьер-министра, так и за счет расширения прав Ассамблеи. В отличие от первоначального текста конституции, когда общую политику определял *рахбар*, с 1989 г. он делает это по согласованию с Ассамблей по определению государственной целесообразности. И уже от влияния главы Ассамблеи зависит возможность превращения ее в один из центров принятия решений, а не только выполнение функций посредника между меджлисом и Наблюдательным Советом.

4 Третий взгляд. 2000, № 69. С. 32–35.

Конечно, и у *рахбара* есть возможность усилить свое влияние за счет Ассамблеи. Ведь членов Ассамблеи назначает *рахбар*, но так как в число постоянных ее членов входят наиболее известные религиозные и политические деятели, руководители судебной и исполнительной власти (кроме того, для работы в качестве временных членов приглашаются руководители тех министерств и ведомств, проблемы которых являются предметом обсуждения на заседаниях Ассамблеи), именно они оказывают решающее влияние на принятие решений. Главой Ассамблеи в настоящее время (как и в предыдущие годы) является экс-президент Ирана, один из старейших религиозных и политических лидеров страны Али Акбар Хашеми Рафсанджани, которому удалось превратить Ассамблею в один из главных центров принятия важнейших решений — как политических, так и экономических. Так, входящий в структуру Ассамблеи Центр стратегических исследований, в 2006 г. разработал Программу «Стратегия развития страны на 20 лет» и раздел «Основные направления» Четвертого пятилетнего плана, которые являются основными программными установками страны.

Значительный вес в принятии решений, особенно в области экономической жизни, являются исламские фонды, находящиеся под патронажем *рахбара*. Но эта связь не непосредственна, так как разные фонды могут ориентироваться на разные религиозные организации. Наиболее тесно связан с *рахбаром* фонд памяти имама Хомейни. Именно исламские фонды в значительной мере обеспечивают финансовую поддержку не только иранскому духовенству в самом Иране, но и поддержку тем исламским организациям, которые действуют за его пределами (так, о выплате премии за исполнение фетвы против Салмана Рушди заявили некоторые из фондов). Крупнейшим фондом не только в Иране, но и на Среднем Востоке, является Фонд обездоленных (*боньяде мостазефан*), созданный на базе бывшего шахского фонда Пехлеби. К числу исламских фондов относятся также фонд 15 хордада (*боньяде панздахе хордад*), фонд павших (*боньяде шахид*), Жилищный фонд (*боньяде маскан*), упомянутый выше фонд Хомейни (*комитее эмдаде имам Хомейни*). Проводимая в стране приватизация распространена и на исламские фонды, что с одной стороны может уменьшить их экономическое влияние за счет продажи принадлежащих им компаний, но с другой — и усилить его за счет приобретения акций приватизируемых государственных предприятий.

Одним из центров формирования общественного мнения, необходимого для поддержки тех или иных решений, является институт общественных пятничных молитв. Он был введен Хомейни, пятничные имамы назначаются *рахбаром*. Общественные пятничные молитвы используется, главным образом, для доведения до населения точек зрения высших религиозных деятелей на события внутриполитической и внешнеполитической жизни. И эти точки зрения отражают расстановку сил в стране, а не только мнение ее высшего руководителя.

В последние годы стала возрастать роль Совета экспертов, как одного из центров выработки и проведения политики в стране. Согласно Конституции, первый закон, определивший порядок работы Совета экспертов и требования, предъявляемые к ним, был разработан самим Советом экспертов и утвержден *рахбаром*, все дальнейшие изменения находятся только в компетенции самого Совета. При создании Совета экспертов предполагалось, что он будет функционировать на временной основе, только для выборов *рахбара*. Однако, согласно внутреннего регламента, утвержденного СЭ (ст. 108), он работает на постоянной основе, пленарные заседания проводятся не реже одного раза в год. Совет экспертов выбирает руководящий орган из 5 членов, имеет секретариат, который находится в Куме, пленарные заседания проходят в Тегеране. Деятельность Совета экспертов долгое время была закрыта для общества, фактически секретна. Но в последние годы, особенно после выборов 1998 г. она становится все более прозрачной. В печати высказывалось мнение, что Совет экспертов должен осуществлять мониторинг деятельности *рахбара* и институтов, находящихся в его ведении. При Секретариате Совета экспертов в последние годы создан Центр исследования исламской мысли и исламской власти. Он издает свой журнал «Хабреган», имеет свой сайт⁵, представляет свои разработки *рахбару*. Совет экспертов имеет постоянные контакты с правительством, государственными компаниями, особенно по вопросам, связанным с разработкой законопроектов. Часты случаи, когда члены соответствующих комитетов *меджлиса* согласовывают с СЭ отдельные положения законопроектов.

Законодательная власть в стране принадлежит парламенту, или *меджлису*, избираемому на основе прямых тайных всеобщих выборов. И *меджлис*, конечно, является одним из главных центров принятия решений. Однако своеобразие законотворческого процесса в Иране заключается в том, что ни один из законов, принятых *меджлисом*, не может вступить в силу без одобрения его Наблюдательным Советом. Как говорилось выше, НС состоит из 12 членов, шесть из которых являются *факихами*, т. е. богословами и назначаются лично *рахбаром*, а остальные утверждаются *меджлисом*. Решающая роль Наблюдательного Совета в принятии законов, в 1989 г. была снижена в результате создания Ассамблеи по государственной целесообразности. Однако после того, как весьма аморфное определение роли Наблюдательного Совета над ходом выборов обрело практическое определение в избирательном законе, его значимость в политической жизни страны неизмеримо возросла. Именно Наблюдательный Совет производит отбор кандидатов на выборах президента, в *меджлис* и в Совет экспертов. И этот отбор зависит от политической ориентации членов НС, которые производят действительно жесткий отсев кандидатов. Так, например, несмотря на попытки реформистских сил выдвинуть в качестве кандидатов на выборы в Совет экспертов женщин или светских лиц, они не полу-

5 www.khobregan.ir.

чают согласия Наблюдательного Совета, осуществляющего отбор кандидатов. Пожалуй, более строгого отбора Наблюдательный Совет не проводит даже в отношении кандидатов в президенты. Например, на выборах в СЭ в 1998 г. были сняты кандидаты таких известных политических и религиозных деятелей как Мехди Кяруби, Мусави-Хоениха, Хади Хаменеи, относящихся к лагерю реформаторов, чтобы не допустить малейшей возможности поставить под вопрос легитимность *рахбара* или уровень его вмешательства в работу всех ветвей власти.

Важнейшим центром принятия политических решений является президент как глава исполнительной власти. По Конституции президент является высшим после *рахбара*, государственным лицом. Президент как глава страны представляет Иран на официальном уровне, особенно в отношениях с зарубежными государствами. После выборов 2005 г. президентом стал М. Ахмадинежад, представитель радикально-консервативного крыла политических сил.

Даже самый общий обзор важнейших центров принятия решений в Иране дает представление о том, что все они — республиканские или религиозные — либо тесно переплетены, либо дублируют друг друга. Даже в структуре вооруженных сил Ирана, помимо армии, находится Корпус стражей исламской революции (КСИР), созданный после революции как военная сила духовенства, используемого в первые годы для решения внутренних задач, превратившегося в последние годы в наиболее боеспособную и прекрасно вооруженную часть вооруженных сил страны. (Возможно, что наличие ракетных войск именно в составе КСИР и стало одной из главных причин причисления США этого законного вида вооруженных сил к числу террористических организаций, что может стать поводом для военных операций против Корпуса).

Пожалуй, наиболее свободной от такого дублирования является деятельность правительства во главе с президентом, но и правительство действует строго в рамках законов или программ, утверждаемых сверху.

Этот принцип дублирования функций позволяет духовенству оставаться основным рычагом принятия важнейших государственных, в т.ч. внешнеполитических решений, при различном раскладе политических сил. Но само духовенство никогда не было единым в своих взглядах на степень участия в управлении страной, во взглядах на направления внутренней и внешней политики. Поэтому государственная политика изменяется в зависимости от взглядов находящихся у власти в тот или иной период политических групп духовенства и их сторонников. Главное содержание политического процесса в Иране составляет борьба между «реформаторами» и «консерваторами». В 2004–2007 гг. каждое из этих течений стало отчетливо разделяться на «традиционных» и «новых (нео)».

Характер политического процесса в стране определяет не столько деятельность политических партий, сколько деятельность группировок духовенства. Во главе этих группировок стоят наиболее авторитетные пред-

ставители духовенства, отличающиеся как разным видением решения проблем, так и принадлежностью к разным религиозным школам. Огромную роль играют, как и во всем партийном движении в Иране, личные и родственные связи. До сих пор почти все политические партии, организации и движения в Иране делятся в основном по степени связи с этими группировками духовенства.

Организационным ядром консервативного лагеря является наиболее крупная группировка иранского духовенства «Общество борющегося духовенства», поддерживающая *рашбара* страны и, главное, принцип максимального его участия в управлении страной. Оно отказалось в 1997 г. от формального юридического оформления, не имеет четкой партийной структуры, но имеет руководящий орган. Состав руководства Общества позволяет ему, не имея формального статуса, оказывать исключительно важное влияние на жизнь страны. Так, М. Эмами Кашани, являясь крупным богословом, в своих пятничных общественных проповедях (на которых иногда появляется с автоматом) высказывается по актуальным проблемам международного характера, касается и внутренних проблем Ирана. В противоположность эмоциональным и резким заявлениям президента Ахмадинежада относительно ядерной программы Эмами-Кашани спокойно и убедительно доказывает целесообразность реализации программы, в том числе из-за необходимости энергетической независимости в перспективе. Касаясь иракской проблемы, он обращает внимание на предотвращение межконфессионального и международного конфликта, угрожающего территориальному единству Ирана. В значительной мере под влиянием его проповедей в Тегеране прошли массовые политические митинги против сионизма, против США и принятой СБ ООН резолюции о санкциях. К тому же он обладает и большим политическим весом, являясь членом Наблюдательного Совета и Совета по целесообразности. Большинство членов Наблюдательного Совета — сторонники консерваторов.

С 1997 г. до 2004–2005 гг. основные рычаги законодательной и исполнительной власти находились в руках «реформаторов» (президент-М. Хатами, спикер меджлиса — М. Кяруби). После их поражения сначала на парламентских (2004г.), а затем на президентских выборах (2005 г.) к власти пришли нео-консерваторы (спикер меджлиса — Г. Ходдад Адель, президент — Махмуд Ахмадинежад). Ядро этого нового правящего политического течения, представленного движением «Абадгяран» составляет молодое поколение консерваторов, которое стремится сочетать экономический прагматизм с одновременным усилением исламизации общественной и культурной жизни, радикализма во внешней политике, как противовеса росту западного влияния. К этой коалиции примыкают такие видные деятели консервативного движения, как М.Р. Бахонар (вице-спикер меджлиса), глава Совета национальной безопасности Али Лариджани, ведущий от имени Ирана переговоры по ядерной проблеме.

Лидером реформаторов в настоящее время остается Мохаммад Хатами, возглавивший после 2005 г. другую крупнейшую организацию духовенства — «Ассамблею борющихся улемов» (до 2005 г. главой Ассамблеи являлся Мехди Кярууби, в настоящее время является лидером основанной им в 2005 г. партии реформистского толка). Главным в программе «реформаторов» является демократизация общества, развитие партийной жизни, предоставление большей свободы прессе, активное вовлечение населения в общественно-политическую жизнь. Во внешней политике они выступают за более включение Ирана в мировое сообщество, выдвинув концепцию «диалога цивилизаций». Придя к власти в 1997 г. реформаторы продолжили начатую Рафсанджани с начала 90-х гг. экономической либерализацию, добились разрешения на создание первых частных банков, инициировали принятие нового закона о привлечении и поощрении иностранных инвестиций.

После победы неоконсерваторов на президентских выборах 2005 г. фактически вся власть в стране оказалась в руках консервативных сил. Однако усиление радикализма во внешнеполитическом курсе страны, явное стремление радикального крыла захватить в свои руки руководство всеми консервативными силами, уже к концу 2006 г. вызвала недовольство со стороны традиционных сил. Наглядное это проявилось в ходе и результатов выборов в декабре 2006 г. в Совет экспертов и местные советы.

Реформаторам удалось благодаря инициативе М. Хатами достичь согласия между политическими группами этого (был сформирован единый коалиционный список кандидатов).

Консерваторы не смогли прийти к такому согласию, в том числе и из-за позиции аятоллы Месбаха Йязди, духовного наставника Ахмадинежада. Группировка этого Кумского аятоллы «Сторонники Месбаха Йязди» открыто заявляло о своих разногласиях не только с прагматиками, но и с традиционными консерваторами.

Выборы как в СЭ, так и местные советы продемонстрировали ослабление позиций проправительственных сил, как отражающих крайне правые взгляды. Большую часть голосов получили традиционные консервативные силы центристы-прагматики, значительная часть мест в местных советах досталась реформаторам.

На политическом спектре Ирана все более укрепляют свои позиции так называемые «прагматики», к которым начинают примыкать представители этих двух течений. Как показали прошедшие в декабре 2006 г. выборы в Совет экспертов и местные органы власти, укрепление позиций прагматиков в значительной степени стало реакцией на радикализацию взглядов как «реформаторов», так в особенности «неоконсерваторов».

Лидером прагматиков или центристов является, начиная с 90-х годов, аятолла Али Акбар Рафсанджани — один из старейших функционеров революционного движения, после революции крупный государственный деятель, поддержавший большинство инициатив президента-реформатора

Хатами, но сумевший сохранить достаточно тесную связь с лидером страны (*рахбаром*) аятоллой Али Хаменеи и группировкой консервативного духовенства — «Обществом борющегося духовенства». Рафсанджани не только сохранил за собой пост главы Ассамблеи по целесообразности, но летом 2007 г. был избран и главой Совета экспертов.

Однако разногласия по вопросам внутренней и внешней политике не привели к формированию политических партий, требующих изменения существующей системы. Борьба политических партий, число которых к настоящему времени превысило две сотни, сводится, главным образом, либо к обоснованию незыблемости принципов хомейнизма в новых условиях, либо к необходимости их корректировки под влиянием этих условий.

Среди оппозиционных сил наиболее влиятельной является нелегальная политическая партия «Моджахеддине хальк», базирующаяся в Ираке. Именно на нее противниками исламского режима на Западе делалась основная ставка, как на политического приемника власти. После 11 сентября 2001 г. она была причислена в ЕС и США к экстремистским организациям, после военной операции в Ираке, военные базы этой партии были взяты под контроль. Однако первоначальные заявления США о необходимости разоружения отрядов «Моджахеддине хальк» фактически остались декларациями. Военные базы ее зарезервированы, но не уничтожены. Именно эта организация предоставляет сведения о тайных разработках Ирана в области ядерной программы, поэтому не исключено использование этой партии Соединенными Штатами для борьбы с исламским режимом. В мае с. г. руководство партии обратилось в ЕС с просьбой об исключении ее из списка террористических организаций.

С конца 90-х гг. все большую роль в реформаторском движении играет студенчество и его организации. Демографические изменения привели к тому, что доля населения до 30 лет составляет 70%, в т. ч. группа лиц от 15 до 25 лет — пятую часть населения. Возраст для участия в выборах — 16 лет, иногда снижается до 15 лет. Именно эта наиболее активная часть электората, выросшая в условиях исламской системы, приведшей к углублению разрыва в уровне развития не только с другими странами, но и к снижению уровня жизни по сравнению с дореволюционным периодом, становится камертоном общественно-политической жизни. Миллионная армия студенчества, сконцентрированная в крупных городах, особенно в Тегеране, крайне политизирована, основная масса студенчества объединена в партию «Дафтаре Такхиме вахдат», поддерживающая реформаторское движение. Студенчество настроено наиболее радикально, нежели реформаторское движение в целом, отдавая приоритет не столько эволюции режима, сколько его секуляризации.

После прихода к власти радикальных консервативных сил как внутриполитический, так и внешнеполитический курс Ирана претерпел определенные изменения. Особенно заметные изменения произошли во внешней политике Ирана. Уже вскоре после своего избрания новый президент фак-

тически отказался от концепции «диалога цивилизаций», обратив особое внимание на повышение роли Ирана в регионе и мире, на скорый приход исламских революций. Согласно программе «Двадцатилетняя перспектива», обнародованному в конце 2005 г., Иран должен стать развитой страной и занять первое место в регионе по экономическому, научному и культурному развитию. Переговорный процесс по ядерной программе ИРИ, ведущийся уже несколько лет, зашел в тупик, одновременно президент сделал несколько резких заявлений против Израиля. В конце 2006 г. во время визита в Малайзию Ахмадинежад заявил, что «в ближайшее время весь мир окажется в руках ислама». Так Иран не разговаривал со времен имама Хомейни. Представляется, что наиболее радикальные заявления руководства Ирана последовали как реакция на обострение отношений с США, которые несмотря на нейтральную позицию, занятую Ираном в период военных компаний в Афганистане и Ираке, и даже несомненное содействие свержению режимов в этих странах, был в ответ причислен США к «оси зла», а закон Дамато, запретивший иностранным компаниям осуществлять инвестиции в иранскую нефтегазовую отрасль, не только не отменен, но и еще более ужесточен.

Иран, пытаясь снизить влияние США на его позиции на мировой арене, несмотря на, казалось бы, возрождение принципа приоритетности в отношениях с исламскими странами, отнюдь не пытается ограничить свои отношения только с мусульманскими странами, а активизирует свою внешнеполитическую деятельность с различными странами, региональными и международными организациями. Уже в 2005 г. он был принят в качестве страны-наблюдателя в ШОС (вместе с Индией и Пакистаном), в начале 2007 г. — страны-наблюдателя в SAARG (Южноазиатская Ассоциация регионального сотрудничества). В рамках ОЭС участвует в восстановлении Афганистана. Активизации политики в Центральной Азии в основном сопровождается усилением не исламского (как у Турции) влияния, а культурного. В то же время усилилась поддержка и шиитских организаций в странах БСВ. Если при Хатами поддержка этих организаций была неофициальной, то в настоящее время Иран ее не скрывает. Но, помимо прихода к власти неоконсерваторов, свою роль сыграло и то, что и «Хезболла» в Ливане, и «Хамас» в Палестине, одержав победу на выборах, пришли к власти легитимным путем, и на законных основаниях представляют интересы своего народа.

На формирование внешнеполитического курса Ирана последних лет большое влияние оказывают не только идеологические установки режима, но и военные операции США в соседних государствах. С одной стороны, благодаря США были свергнуты враждебные Ирану режимы талибов в Афганистане и Саддама Хусейна в Ираке. С другой стороны, присутствие американских войск практически по всему периметру границ Ирана в условиях, когда Иран причислен США к «оси зла» делает особенно уязвимой проблему безопасности. Обновленная в 2006г. версия «Стратегии националь-

ной безопасности США» предусматривает возможность, как и в доктрине превентивного удара 2002 г., нанести первыми удары по террористическим группировкам, получившим доступ к ядерному оружию, или целым государствам. В этой ситуации военная составляющая внешнеполитического курса правительства Ахмадинежада стала активно использоваться в качестве одного из главных инструментов усиления безопасности страны и режима. Достигнутый Ираном рост экономического и военного потенциала, активное участие в работе международных и региональных организациях, относительная стабильность внутри страны, несомненно, усилили его потенциал как региональной державы. Это касается и так беспокоящее США влияние Ирана в Ираке. Конечно, это влияние нельзя отрицать. Высший Совет исламской революции в Ираке до падения С. Хусейна и его военные силы базировались в Иране. Иран официально поддерживал наиболее умеренные шиитские группировки (к которым относится ВСИР в Ираке, «Даава»), при Хатами осуждал экстремистские действия «армии Махди». Прагматические силы в Иране отдают себе отчет в том, что возможность возникновения шиитского государства, даже если оно окажется лояльным Ирану, для Ирана будет иметь меньшее значение, чем наиболее вероятное развитие сепаратистского движения в Иранском Курдистане. В этом случае, вероятность смены режима наряду с нарастающей напряженностью в иранских азербайджанских провинциях, делается чрезвычайно высокой. За последние три года произошло заметное обострение ситуации в сопредельных курдских районах Ирана, активизировалась деятельность курдских политических партий и общественных организаций. ИРИ — за сохранение Ирака в его политических и географических границах, против федеративного устройства страны по этно-конфессиональному принципу. Руководство ИРИ требует скорейшего вывода всех иностранных воинских контингентов с территории Ирака, так как в иностранном военном присутствии видит причину дестабилизации обстановки как внутри Ирака, так и на своих приграничных территориях. Так как высшее иранское духовенство традиционно имеет религиозные и семейные связи с Ираком, сам факт участия Ирана в работе международной конференции, посвященной урегулированию ситуации в Ираке, состоявшейся 2–4 мая 2007 г. в Шарм-эль-Шейхе, безусловно, может рассматриваться как положительный, особенно с точки зрения нормализации отношений с США. Хотя переговоры К. Райс и М. Моттаки не состоялись, тем не менее, обмен мнениями экспертов двух стран, по сообщению иранской прессы, был проведен. А в дальнейшем в течение 2007 г. состоялось несколько раундов переговоров между представителями Ирана и США по иракской проблеме.

Фактором внешней политики стала ядерная программа Ирана. Несмотря на все заявления Ирана о том, что его программа носит мирный характер, объективно Иран может рассматривать возможность создания ядерного оружия как средства обеспечения национальной безопасности. Практически все политические и клерикальные группировки внутри

страны поддерживают идею развития ядерной программы. Тем не менее, часть элиты готова «пожертвовать» ядерными амбициями, считая, что наиболее «выгодным» для сохранения исламского режима является не развитие ядерной составляющей военного потенциала, а укрепление экономического потенциала за счет нормализации отношений с Европой и США. Осознается и опасность переступить ядерный порог. И эта опасность связывается не только с возможностью санкций или даже военного вмешательства. Часть политической элиты отдает себе отчет, что обладание ядерным потенциалом, с одной стороны, повышает вес Ирана как региональной державы, но, с другой стороны, может заставить соседей по региону, особенно страны Персидского залива и Ирак, еще более тесно сотрудничать с США в целях собственной безопасности, что грозит изоляцией Ирана.

Ирану пока удастся проявлять в отношении признания его права на создание собственной ядерной энергетики дипломатическую гибкость. Иран официально постоянно и на всех уровнях заявляет о стремлении к созданию режима ядерного нераспространения. Иран является участником основных международных соглашений в области нераспространения. По мере обострения ситуации вокруг иранской ядерной программы, когда вопрос о санкциях встает вполне реально, Иран пытается не допустить их ужесточения. При этом руководство пытается использовать эту проблему и для укрепления общенационального единства. Идея создания полного топливного цикла, вызвавшая столь резкое неприятие Запада, внедрялась в общественное сознание иранцев не столько как экономическая потребность в достижение независимой сырьевой базы для АЭС, сколько как право суверенной страны, являющейся членом ДНЯО. Четко уловив изменение общества, недовольного ухудшением положения из-за бескомпромиссной позиции, приведшей к ужесточению санкций против Ирана, руководство страны согласилось максимально расширить сотрудничество с МАГАТЭ, не поступаясь своим правом на создание атомной энергетики в полном объеме.

В своей внутренней политике правительство продолжает проводить курс на поддержание социально ориентированной рыночной экономики, прибегнув в конце 2006 г. к выпуску «акций справедливости» для малообеспеченных слоев населения, доходы на которые будут обеспечиваться за счет нефтяных поступлений, а также за счет приватизации государственных компаний.

Одним из факторов, который может быть использован извне как средство изменить существующий режим, является многонациональный состав Ирана и возможность развития сепаратистских движений. Представляется, что наиболее актуальным становится азербайджанский фактор, значительно уступая курдскому. Из-за совпадений по курдскому вопросу интересов Ирана и Турции (являющейся членом НАТО и союзником США), стремящихся не допустить расчленения Ирака и создания самостоятельного курдского государства, наиболее вероятна попытка противников режима инициировать движение, которое ставит своей целью создание единого Азербайджана.

Аналогичные попытки с достаточно большой долей вероятности предпринимаются и в других этнических анклавах. Возможно, именно это стало причиной нового направления внутренней политики Ирана. Главное содержание этого направления сводится к децентрализации управления и к усилению института губернаторов провинций (*останов*). Впервые за весь опыт административного руководства М. Ахмадинежад ввел практику выездных заседаний правительства в столицах останов. В настоящее время им выдвигается программа укрепления финансовой самостоятельности останов, придания больших полномочий руководству на местах, что поможет уменьшить разницу в доходах жителей разных регионов страны, придаст импульс развитию предпринимательства на местах. Дальнейшее развитие продолжает тенденция административного дробления, увеличения числа останов, границы которых не привязаны к границам проживания этносов.

В целом внутренняя ситуация в стране продолжает оставаться стабильной. Высокие цены на нефть (Иран обладает 8–9% мировых запасов нефти и 15% природного газа), экспорт которой является основным источником получения валютных средств, во многом обеспечили относительно высокие темпы экономического роста. По данным Всемирного банка ВНД на душу населения в 2005 г. составил 2770 долл. (по обменному курсу), по ППС — 8050 долл. По данным «СИА 2007» ВВП в 2006 г. на душу населения составил 2835 долл. или по ППС — 8900 долл. В то же время доля населения ниже черты бедности достаточно велика — 40%. Поддержка через социальные программы помощи, через исламские фонды, через поддержание цен на важнейшие товары (по отчету ЦБ за 2004/5 г. — 17,4% всех бюджетных расходов), не прервали тенденцию расслоения общества.

Напряженность в отношениях с мировым сообществом привела к снижению темпов роста ВВП — до 5% в 2006 г. Начала снижаться норма накоплений — в 2005 г. — 32%, в 2006 г. — 30%. Рост инвестиционного коэффициента в последние два года обеспечивался за счет роста вложений в оборудование, следовательно, ускорился процесс модернизации и ввода в строй готовых предприятий. 85% вложений в оборудование обеспечивал частный сектор. Чрезвычайно в высокий прирост валовых капвложений в 2000–2005 гг. — 9,5%, почти вдвое опережавший темпы прироста ВВП начал снижаться при правительстве Ахмадинежада (в 2006 г. до 5,8%), что объясняется напряженной обстановкой вокруг ядерной программы. Особенно настораживают данные движения капитала платежного баланса. Если при правительстве Хатами приток иностранного капитала повышался (2002/3 г. — +2533 млн. долл., 2003/4 г. — +4476 млн. долл., 2004/5 г. — +7388 млн. долл., то уже в 2005/6г. уменьшался на 411 млн. долл., а за 1 полугодие 2006/7г. на 3 млрд. долл.

Общий уровень инфляции в 2006 г. — 15,8%. Пока с инфляцией удастся «справляться», отчасти увеличивая импорт (из-за высоких цен на нефть), но при этом оказывается большое давление на отечественную промышленность. Одновременно это усиливает импортную зависимость Ирана от стран

ЕС, хотя экспортные потоки нефти Иран постепенно переориентирует на Китай, Индию, Южную Корею.

Безработица сохраняется на уровне 11–12%, несмотря на снижение темпов прироста населения (правда, оценочных) до 1,1%, давление новых «рабочих возрастов» остается огромным. Минимум 500 тысяч будут выходить в ближайшие годы на рынок рабочей силы. В связи с этим в 2006–2007 гг. были разработаны проекты развития малого бизнеса. Для организации новых предприятий обрабатывающей и добывающей отраслей с целью обеспечения новых рабочих мест разработаны специальные программы за счет Нефтяного стабилизационного фонда. Для того чтобы обеспечивать благополучие «обездоленных» (для чего и делалась революция) в Иране продолжает поддерживаться довольно эффективная система социальной защиты. Большую помощь получают беднейшие слои населения, а также семьи погибших в революции и войне с Ираком, семьи военнопленных от исламских фондов и мечетей. Такая социальная политика ассоциируется у населения с исламскими принципами, с традиционными для иранского общества способами поддержки населения, способствует поддержанию равновесия в обществе.

Таким образом, созданная система правления, не претерпевая заметных структурных изменений, дает возможность различным центрам выработки и проведения политики пробовать различные ее варианты, а также проводить ротацию правящей элиты. Однако среди существующих в стране центров, оказывающих реальное влияние на формирование политики, пока нет партий в их подлинном значении, также как и общественных организаций. Возможно поэтому, наиболее радикальные изменения претерпела экономическая политика режима, который при реформистах ставил своей целью развитие по образцу японской модели, а в настоящее время, при консерваторах — по образцу китайской модели, позволяющей сохранить политические и идеологические устои режима.

Н. М. МАМЕДОВА

ИСТОРИЯ СОВЕТСКО-ИРАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ (1917–1991)

Уже первые международные акты молодого советского государства имели самое непосредственное отношение к Ирану. 26 октября 1917 г. Второй Всероссийский съезд Советов принял декрет о мире, в котором объявлялось о расторжении всех неравноправных договоров. 3.2.1917 г. было опубликовано Обращение Советского правительства «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», в котором, в частности, говорилось, что «Договор о разделе Персии порван и уничтожен. Как только прекратятся военные действия, войска будут выведены из Персии и персам будет обеспечено право свободного определения своей судьбы»¹. В текст Брест-Литовского договора с Германией о перемирии по настоянию советской стороны были внесены пункты о выводе иностранных войск из Персии. В феврале 1918 г. поверенному в делах Персии в Петрограде 1.01.1918 г. Асад-хану была вручена официальная нота, в которой правительство РСФСР выражало согласие на начало переговоров о выводе российских войск. Одновременно был отдан приказ главному командованию Кавказского фронта эвакуировать русские войска из Ирана, и к концу марта 1918 г. эвакуация была завершена. Однако часть войск во главе с генералом Баратовым, а также офицеры Персидской казачьей бригады отказались подчиниться советскому командованию, оставшись на территории Ирана и перейдя на службу Англии.

В начале декабря 1917 г. были уволены с дипломатической службы Советской России все царские дипломаты, не согласные с провозглашенной новой властью политикой. Советское правительство упразднило все ранги дипломатов, а главы дипломатических представительств стали именоваться полномочными представителями РСФСР. Персия признала новое Советское правительство в декабре 1917 г., поэтому дипломатические отношения между Россией и Ираном фактически не прерывались. Иранская дипломатическая миссия и после Октябрьской революции продолжала работать в Петрограде, ей была оказана финансовая и иная помощь. 30 января 1918 г. иранское правительство в ноте правительству РСФСР выразило «полную готовность вступить в переговоры для заключения новых договоров, консульских конвенций и иных актов на принципах свободного соглашения и взаимного уважения народов»². Но установление дипломатических отношений зятя-

1 Документы внешней политики СССР, т. 1. М. 1957, с. 12.

2 Документы внешней политики СССР. М., 1957, с. 92.

нулось, в основном из-за мощного давления на Иран Англии, которая оккупировала в 1918–19 гг. часть Закавказья, Средней Азии и Персии, добилась заключения в 1919 г. важного для себя в стратегическом отношении договора с Персией. Дипломатическим представителем РСФСР в Персии был назначен Н. З. Бравин, который прибыл в Тегеран в январе 1918 г. Не отказываясь вести дела с представителем новой власти в России Тегеран при этом Тегеран продолжал признавать в качестве официального дипломатического представителя России царского посланника — фон Эттера, так как Россия находилась в состоянии гражданской войны, иностранной интервенции и положение советской власти казалось не очень прочным. Фактически над всем Ираном к середине 1918 г. был установлен контроль Англии, которая противилась замене царского посольства советскими представителями. Н. З. Бравин летом 1918 г. был назначен главой дипломатической миссии в Афганистане, а постоянным представителем РСФСР в Иране — И. О. Коломийцев. Однако миссия Коломийцева официально не была признана правительством Ирана, в ноябре в Тегеране она была разгромлена, члены миссии были под конвоем отправлены в Месопотамию. Бежать удалось только Коломийцеву, который в июле 1919 г. вновь направляется правительством РСФСР в Иран. По дороге в Иран он был схвачен по приказу англичан персидскими казаками и убит на острове Ашур-Аде. Несмотря на то, что образованные на территории бывшей российской империи советские республики³ делегировали РСФСР проведение внешней политики, они могли осуществлять и вполне самостоятельные внешнеполитические акты. Таким актом стало направление дипломатической миссии в Иран из Советского Туркестана, столицей которого был Ташкент. Целью миссии было установить регулярные торговые отношения с Северными провинциями Ирана, так как из-за гражданской войны и интервенции снабжение Средней Азии продовольствием из России было нарушено. Главой миссии был назначен председатель Совета депутатов Коканда Е. А. Бабушкин, который наделялся консульскими правами для организации представительства Туркестанской республики в Мешхеде. Однако и эта миссия была арестована английскими солдатами, в 1919 г. Бабушкин и ряд членов миссии переведены в Индию, затем в Европу, и освобождены только после долгих переговоров РСФСР с Англией.⁴

В ответ на подписанное в Тегеране в августе 1919 г. англо-иранское соглашение, фактически превращавшее Иран в английский протекторат, советское правительство в конце августа 1919 г. в своем обращении «К рабочим и крестьянам Персии» заявило, что оно не признает это соглашение. Стремясь ослабить позиции Англии в Иране, а также руководствуясь идеологическими соображениями, особенно идеей распространения пролетарской революции на Восток, руководство советскими республиками

3 Первое объединение в единое государство — в 1922 г.

4 *Попов М. В.* Миссия Е. А. Бабушкина в Иране. М., 1974.

в России, Закавказье и Туркестане, стало оказывать значительную помощь «дженгелийскому движению» Кучек-хана. В приказе Политуправления реввоенсовета РСФСР № 107 от 8.10.1920 г. говорилось, что «политработа на Востоке для РСФСР насущнейшая задача... За эту работу необходимо взяться также решительно, как взялись за подготовку Октября»⁵. Поводом для военной помощи Кучек-хану стало возвращение кораблей, угнанных войсками А. Деникина и англичанами в Энзели. В мае 1920 г. корабли Волжско-Каспийской флотилии под командованием Ф. Раскольниково подошли к Энзели, были высажены десантные отряды. Со стороны недавно образованного Советского Азербайджана в Иран вступил пехотный полк. Так как иранская сторона предложила установить дипломатические отношения, как с РСФСР, так и с Советским Азербайджаном, для Москвы, для которой реальной опасностью было усиление английской интервенции с юга, и главным образом, с территории Ирана, налаживание отношений с Ираном давало очевидный шанс предотвратить возможность интервенции. Москва в своей ноте от 23 мая объяснила проведение Энзелийской операции инициативой военного командования, не согласованной с центральной властью. Безусловно, это было дипломатическим ходом, правительство знало о ее проведении, однако нужно также отметить, что единого мнения о том, следует ли поддерживать движение Кучек-хана в ущерб отношениям с центральной властью в руководстве России и других советских республик не было. Так, в направленном по радио ультиматуме англичанам с требованием сдать Энзели Раскольников заявлял, что он «действует по собственной инициативе, без приказаний из Москвы, считая этот шаг необходимым для безопасности Каспийского флота»⁶. 25 мая вопрос о Персии обсуждался на заседании Политбюро Центрального Комитета РКП(б), который принял постановление об оказании Раскольниковым «необходимой помощи Кучек-хану имуществом, инструкторами и прочим, передать под власть последнего Энзели и другие пункты Персии, находящиеся в наших руках, и убрать из этих пунктов флот, заявив, что это делается по распоряжению советского правительства ввиду полного нежелания последнего вмешиваться во внутренние дела Персии. Оставить в Энзели некоторую часть судов под видом полицейской службы, но под Азербайджанским флагом в количестве, необходимом для постоянного содействия Кучек-хану»⁷. Не без влияния российских большевиков в мае 1920 г. в Реште (центре провинции Гилян) была провозглашена Персидская Советская Республика, или Гилянская Советская Республика.

Так как государственные интересы России делали более важным нормализацию отношений с Ираном, московское правительство стало настаивать на эвакуации войск из Ирана. Назначенный в ноябре 1920 г. полно-

5 РЦХИДНИ, ф. 122, оп. 1, д. 261, лист без номера.

6 Генис В. Красная Персия. М., 2000, с. 68.

7 Там же, с. 21.

мочным представителем РСФСР в Тегеране Ф. Ротштейн обращался лично с письмом к Ленину, в котором просил оказать влияние на бакинских деятелей, инициировавших военные вылазки в Иранский Азербайджан и Гилян. 26 февраля 1921 г. в Москве состоялось официальное подписание советско-иранского договора, подготовленного и согласованного до военного переворота 21 февраля 1921 г., совершенного Реза-ханом. По этому договору советское правительство аннулировало все русско-иранские договоры, а также договоры царского правительства с другими странами, заключенными в ущерб интересам Ирана, отказалось от прав на займы царского правительства, от концессий. Оно передавало в собственность Ирана все сооружения, принадлежавшие России: железные дороги, шоссейные дороги, телеграфные линии, портовые сооружения в Энзели, на оз. Урмийе, Русский учетно-судный банк и другое имущество, но с условием не передавать его другим странам. Ирану были переданы остров Ашур-Аде и другие на Каспийском море. Ст. 11 подтверждала право Ирана держать под своим флагом флот на Каспийском море. В договоре оговаривались права транзитной торговли для обеих стран. По существу, это был первый для Ирана равноправный договор, причем экономически более выгодный ему, нежели Москве. Для советского государства важнее в этот период была безопасность границ, поэтому обмен за отказ от всех претензий на собственность царской России в договор были внесены ст. 5 и 6. Эти статьи исключали возможность действия и пребывания в обеих странах организаций или отдельных лиц, ведущих вооруженную борьбу против правительства другой страны (ст. 5), предусматривали возможность ввода советских войск на территорию Ирана, если иранское правительство окажется не в состоянии отгнать эту опасность (ст. 6). Эти статьи, несомненно нарушающие суверенные права Ирана, были использованы в период Второй мировой войны, Договор 1921 г. является основополагающим в отношениях между двумя странами. Он сохраняет свою силу до сих пор, за исключением статей 5 и 6, которые в одностороннем порядке аннулированы иранской стороной после исламской революции в 1979 г.

В ходе московских переговоров советская сторона (Г. Чичерин и Л. Карахан) добивались сохранения за Россией двух концессий — нефтяной и рыбной. Вопрос о нефтяной концессии не был решен юридически определенно, рыбную концессию (бывшая концессия Лианозова) удалось сохранить.⁸

Вопрос о том, как строить отношения с Персией даже после заключения договора, по-разному рассматривался советским правительством. Одним из вариантов, который предлагал Карахан, заключался в советизации Персии путем интервенции и свержения шаха. Для этого Карахан предлагал, чтобы находившиеся в Энзели советские силы были подкреплены экспедиционным корпусом, что могло бы обеспечить изгнание англичан из Персии

8 Алиев С. М. История Ирана. XX век. М., 2004, с. 131.

и образование правительства социал-националистов.⁹ Однако победила другая концепция развития отношений с Персией — мирного и экономического воздействия. Начало ее осуществления пришлось на период становления власти Реза-шаха. При этом Реза-шах всегда лично опасался политических происков Москвы, и не только распространения коммунистического влияния, но и возможности его убийства агентами НКВД.¹⁰ Однако интересы страны, прежде всего экономического развития северных провинций, требовали налаживания отношений.

К 1923–25 гг. в обеих странах были решены проблемы с выбором формы государственности, в основном покончено с национально-сепаратистскими движениями. Главные проблемы переместились в область экономики, как условия полной политической независимости. При этом как в Иране, так и СССР, созданным в конце 1922 г., предпринимались попытки развязать частную инициативу. В СССР — через политику нэпа, в Иране — политику шеркетизации. Это нашло свое отражение и в организации внешней торговли через созданные совместные компании. Уже в 1923 г. в Тегеране было открыто Торговое представительство СССР, затем его отделения были созданы в Тебризе, Энзели, Мешхеде, Баболе, которые курировали деятельность создаваемых советско-иранских обществ. Некоторые из них были специализированными коммерческими компаниями, другие занимались экспортно-импортными операциями. В 1923 г. было организовано советско-иранская компания «Персхлопоу» с основным капиталом в 1 млн. риалов, который к 1930 г. был увеличен в 10 раз. Компания не только занималась экспортом иранского хлопка в СССР, который благодаря деятельности этой компании составил в конце 20-х годов 99% всего иранского экспорта хлопка, но и оказывала агротехническую помощь, участвовала в создании предприятий по первичной обработке хлопка-сырца. Были внедрены американские сорта хлопка, открыты селекционные станции, построено несколько десятков хлопкоочистительных фабрик. Только в Исфагане и Сабзеваре «Персхлопом» было построено 8 хлопкоочистительных фабрик. На построенной «Персхлопом» в 1927 г. в Хоросане (г. Терек) фабрике были открыты маслобойный и мыловаренный цеха. «Персхлопоу» восстановил и пустил в эксплуатацию закрытые в 1915–1923 гг. фабрики в Бендергязе, Ашрафе, Барфоруше, Куме, Торбете и других городах.¹¹

Аналогичную работу проводила компания «Персшелу», также созданная Торгпредством СССР в 1923 г. Фактически с ее помощью было восстановлено шелководство в северном Иране. Экспортно-импортными операциями занимались советско-иранские компании «Шарк», «Русперссахар»,

9 Персиц М. А. Застенчивая интервенция. М., 1996, с. 36.

10 Мохтари М. Т. К вопросу об отношениях Ирана и России // Исламская Республика Иран в 90-е годы. М., 1998, с. 53.

11 Рабизаде М. М. Развитие капиталистического предпринимательства в промышленности Ирана в 30-х годах XX века. Баку, 1970, с. 27.

«Перссовнефть», «Мансуджате Персорус». Компании «Автоиран» и «Бюроперс» занимались транспортным обслуживанием советско-иранской торговли, «Русперсбанку» — расчетными операциями. Действовал ряд представительств советских организаций, таких как Главхлопок, Закгосторг.¹²

Для кредитования деятельности совместных обществ в 1923 г. стал действовать советско-иранский банк Русперс.

Пытаясь сохранить за собой право на концессию, которую получил в 1916 г. российский промышленник А. М. Хоштария на добычу нефти в северных районах Ирана, советское правительство в 1925 г. выкупило его долю акций (65%) в компании «Кевир Хуриан», которой принадлежало несколько маломощных скважин в Семнани. Однако иранское правительство не признало законность этой сделки. Именно претензии на бывшую концессию Хоштария станут одним из условий вывода советских войск в годы второй мировой войны.

На базе сохраненной по договору 1921 г. за советской стороной рыбной концессии сроком на 5 лет, по истечении ее срока в 1927 г. была создана совместная компания «Персрыба (впоследствии Иранрыба)». Юридической основой стало соглашение 1927 г. о совместной эксплуатации (в течение 25 лет) рыбных промыслов южного побережья Каспийского моря, устьев рек Сефид-руда, Бабуль, Горган, подписанное одновременно с Договором о гарантии и нейтралитете. Договор 1927 г. был подписан в Москве сроком на три года с автоматическим продлением его на годовые периоды по согласованию сторон. Кроме этого, было подписано соглашение, которое законодательно оформило фактически сложившиеся к этому времени организационные формы внешней торговли и экономических связей. Была установлена контингентная система и принцип нетто-баланса, согласно которому каждая импортная сделка должна была сопровождаться экспортной сделкой на приблизительно равную сумму. СССР в этот период ужесточил валютный контроль в СССР после введения монополии внешней торговли и начавшейся индустриализацией. Переговоры были долгими и трудными, чтобы добиться уступок от советской стороны, в Иране даже прибегли в начале 1927 г. к бойкоту советских товаров. В апреле 1927 г. на предложение делегации купцов закрыть иранскую границу для ввоза советских товаров, Реза-шах предложил подождать результатов переговоров.¹³ Так как советское правительство пошло на установление в торговле с Ираном безлицензионного режима, с правом для иранских купцов проведения коммерческих операций непосредственно на советской территории, вопрос о бойкоте больше не поднимался.

Дополнительные льготы предоставлялись участникам ежегодных торговых ярмарок в Нижнем Новгороде и Баку, проводившимся вплоть до

12 Пальокайтис И. И. Экономическое развитие Ирана. М., 1965, с. 200–201.

13 Агаев С. А. Иран: внешняя политика и проблемы независимости. 1925–1941 гг. М., 1971, с. 63.

1928 г., в которых Иран активно участвовал. Торговля с Ираном была важна и для СССР и для самого Ирана. Недаром в книге «30-летие истории национального банка» признается, что «в момент создания национального банка в 1928 г. экономическое положение Ирана было очень тяжелым. Однако после заключения торговых отношений с Россией положение изменилось в сторону оживления экономики, что позволило иранскому правительству провести ряд экономических мероприятий».¹⁴

На дальнейшее развитие советско-иранских отношений оказали как изменения в характере власти обоих государств, все более и более тяготевших к диктатуре, так и мировой экономической кризис. За 1929–33 гг. внешнеторговый оборот Ирана сократился в 3,3 раза. В этот период уд. вес СССР во внешней торговле Ирана сохранился на уровне 35%. Но чрезвычайно важным для Ирана было сохранение советского рынка. В эти годы СССР закупал 100% всего иранского экспорта рыбы и кенафа, 97,5% — риса и скота, 90% — хлопка, 86% — шерсти, 68% — коконам шелкопряда, 47% — кожи и шкур.¹⁵ Уже в 1931 г. в Иране принимается закон о монополии внешней торговли, перед этим — о валютной монополии, и государство начинает активно вмешиваться в экономику страны, в том числе и во внешнюю торговлю. СССР стал первой страной, признавшей монополию внешней торговли Ирана, о чем было заявлено в договоре 1931 г. о поселении, торговле и мореплавании. В этом договоре подтверждался принцип нетто-баланса, но уже не по каждой сделке, а по результатам года. Договор 1931 г. касался правил торговли на 3-летний срок.

В СССР в эти годы происходит свертывание НЭПа, частный капитал полностью вытесняется не только из промышленности, но и из торговли. Прекращают свою деятельность все совместные советско-иранские компании, кроме «Совиранрыба», прекратившей свои операции после истечения 25-летнего срока соглашения, т. е. в 1952 г.

В реализации нового договора 1935 г. (также сроком на три года) участвовали уже только государственные организации, которые не только осуществляли торговлю, но и участвовали в строительстве и оборудовании различных государственных заводов, в поставках средств транспорта для северного участка строящейся Трансиранской железной дороги. В этот период между Ираном и СССР подписаны конвенция о борьбе с вредителями и болезнями растений, санитарно-ветеринарная конвенция, конвенция о борьбе с саранчой в пограничных районах. Довольно активными были связи на государственном уровне. В 1935 г. в Москве была иранская торгово-промышленная делегация во главе с министром торговли и министром сельского хозяйства, состоялся визит министра иностранных дел Ирана Каземи. В 1935 г. СССР согласился передать Ирану маяки на иранском побережье

14 30-летие истории национального банка. Т. 1959, с. 155.

15 Внешняя торговля к VII Съезду Советов СССР. Отчет Народного комиссариата внешней торговли. М., 1935, с. 52.

Каспийского моря. После вступления СССР в Лигу наций, Иран, ссылаясь на то, что по уставу эта организация гарантирует безопасность, стал поднимать вопрос об отмене ст. 6 Договора 1921 г., однако СССР отказался это сделать, что не могло не повлиять на развитие советско-иранских отношений.

После окончания срока действия договора 1935 г. внешнеэкономические связи между СССР и Ираном практически прекращаются, т. к. иранская сторона отказалась продлить договор. Доля СССР во внешнеторговом обороте Ирана упала в 1939/40 г. до 0,5%. Внешнеполитические отношения с Ираном также отстают от уровня отношений СССР с Турцией и Афганистаном. Все большее место во внешней политике Ирана начинает занимать концепция «третьей силы», место которой занимает Германия.

Ухудшение отношений в этот период в определенный период связано с ужесточением репрессивных мер против иранских коммунистов и профсоюзов. К этому же времени относится высылка в Иран из Советского Союза иранских мигрантов, многие из которых стали «отходниками» еще в период царской России. Главным образом, они жили в Закавказье, в Азербайджане, число высланных только с Кавказа превысило 3 тысячи человек.

Правительство СССР сократило сеть своих консульств, число консульских и дипломатических представителей. К 1938 г. работало только консульство в порту Пехлеви (Энзели). Одновременно советское руководство потребовало сократить число иранских консульств на территории СССР.

Не до конца была решена проблема границ (в районе Мугани, Атрека), лишь подписание договора 1957 г. о режиме советско-иранской границы и порядке урегулирования пограничных конфликтов окончательно разрешило пограничные споры. В 30-е годы был впервые закреплен юридически правовой режим Каспийского моря. В 1931 г. была принята Конвенция о поселении, о торговле и мореплавании, в котором был зафиксирован правовой режим Каспия как общего моря. Но вопрос о разграничении вод не поднимался. Однако в последующие годы СССР фактически в одностороннем порядке установил пограничную морскую линию как условную линию, соединяющую противоположные точки сухопутной границы — от Астары до Гасан-кули. За пределы этой линии (423 км) иранские суда практически не допускались. Конечно, это было вполне логично, но такое положение не получило юридического отражения ни в подписанном в 1935 г. Договоре о мореплавании, ни в Договоре 1940 г. о торговле и мореплавании. Договор 1940 г. стал последним и основополагающим в отношении статуса Каспийского моря. Каспий рассматривался как море советское и иранское, предусматривались равные права на плавание судов под национальным флагом, порядок пользования портами, провоза грузов, ловли рыбы. По ст. 13 на Каспийском море могли находиться суда только СССР и Ирана. Впервые в этом Договоре был поставлен вопрос о прибрежной зоне, которая была определена в 10 морских миль.

Явная ориентация иранского правительства в конце 30-х годов на расширение германского присутствия (экономического и военного) еще более

осложнила отношения между СССР и Ираном. И хотя Иран после начала II мировой войны заявил о своем нейтралитете, опасность использования его территории германскими войсками оставалась весьма высокой. Иран представлял стратегический интерес для Германии и как плацдарм для продвижения в СССР и к Британской Индии, и как источник нефти. После вторжения немецких войск в СССР советское правительство 26 июня, 19 июля и 16 августа 1941 г. направляло ноты иранскому правительству с требованием выслать из страны германских агентов. С аналогичными нотами обращалось и правительство Великобритании. Нараставшее советско-английское дипломатическое давление на Иран сопровождалось концентрацией войск на границах. Юридической основой для их введения стала ст. 6 Договора 1921 г. 25 августа 1941 г. советские войска вошли на территорию Северного Ирана со стороны Кавказа и Средней Азии, английские — в Южный Иран. Подписанное 8 сентября 1941 г. Соглашение между Ираном, СССР и Великобританией, которое определяло дислокацию войск, по которому в центральной части Ирана оставались иранские войска. Но так как одно из главных условий Соглашения, а именно высылка представителей Германии не была проведена, войска союзников 15 сентября заняли Тегеран. Уже на следующий день Реза-шах отрелся от престола в пользу своего сына — Мохаммада Реза Пехлеви. Официальными мотивами ввода войск были и угроза наступления на СССР со стороны Ирана, предотвращение возможного использования иранских войск против СССР, необходимость транспортировки в СССР военной техники и продовольствия через иранскую территорию. Иранская операция оказалась практически единственно успешной военной акцией в начальный период войны, так как к сентябрю 1941 г. немцами были захвачены Прибалтика, Белоруссия, значительная часть Украины, и Красная армия несла большие потери. В январе 1942 г. СССР, Великобритания и Иран заключили Договор о союзе, согласно которому Иран предоставлял свою территорию для транзитных поставок в СССР. Англия и СССР заявляли об уважении суверенитета, независимости и территориальной целостности Ирана, обязывались защищать его от агрессии со стороны Германии и других стран, вывести свои войска не позднее шести месяцев после победы над Германией. В ноябре 1943 г. в Тегеране состоялась Конференция стран-союзников, определившая дальнейший ход войны и послевоенного мира, и это была единственная поездка И. Сталина за пределы СССР.

Осенью 1945 г. вывод войск начали Англия и США, так срок пребывания истекал в декабре 1945 г. Так как 12 ноября в Тебризе была провозглашена Демократическая республика Азербайджан, ставившая своей целью широкую автономию в рамках Ирана, а в январе 1946 г. — Курдская автономная республика, советские войска затягивали эвакуацию. Иранская сторона в лице премьер-министра Ахмеда Кавама, прибывшим в Москву в феврале 1946 г. во главе иранской делегации, пытаясь ускорить вывод войск, согласилась на предложение советской стороны дать СССР концессию на разработку нефти в северных районах Ирана. Сразу же после ввода войск в Иран

в провинции северного Ирана была направлена геологоразведочная группа из Баку, которая заявила о наличии в Иранском Азербайджане, Гиляне и других северных провинциях богатых месторождениях нефти. До сих пор нет данных, подтверждающих это заключение. Проведение в 90-х годах широко-масштабных геологических изысканий также не подтвердило данных о промышленно значимых запасах нефти в этом районе. Представляется, что оно было сделано под давлением Багирова, находившегося во главе Советского Азербайджана, заинтересованного в оккупации азербайджанских территорий Ирана с перспективой их объединения с советским Азербайджаном. Но советская сторона, располагавшая нефтяными месторождениями в советском Азербайджане, было склонно верить в наличие аналогичных месторождений в иранском Азербайджане. 4 апреля 1946 г. в Тегеране было подписано Соглашения о нефти. После подписания коммюнике СССР заявил о выводе своих войск. В письме Кавама И. Сталину, которое было им отправлено перед отъездом из Москвы, он заверял, что его целью является «упрочение политических, экономических и культурных отношений между двумя нашими странами»¹⁶, что для советской стороны подразумевало сохранение демократических автономных правительств в Азербайджане и Курдистане. Однако после вывода советских войск (в мае 1946 г.) уже в декабре 1946 г. в Азербайджан и Курдистан были введены правительственные войска, демократическое движение было подавлено, активисты движения были арестованы, тысячи убиты, в СССР эмигрировали тысячи иранских семей, главным образом, из Азербайджана и Курдистана. Соглашение же 1946 г. о северной нефти было отвергнуто меджлисом, который объявил его не имеющим законной силы и аннулированным.

После этого связи между СССР и Ираном ограничены поддержанием дипломатических отношений. Негативное влияние на развитие двухсторонних отношений оказывало усиление влияния США в Иране, особенно после инициированными ими переворота 1953 г., сместившего правительство Мосаддека, вступление Ирана в Багдадский пакт (1955). Тем не менее, обе стороны начинают предпринимать шаги к налаживанию отношений. В 1954 г. было подписано соглашение об урегулировании спорных пограничных и финансовых вопросов (возврате иранского золота), в 1956 г. советская сторона отказалась официально от претензий на «Кавир Хуриан». В июне-июле 1956 г. СССР посетили шах Ирана и шахиня Сорейя. Однако после падения монархии в Ираке было подписано военное соглашение с США, которое не могло не вызвать негативной реакции СССР, с которым Иран в 1959 г. вел переговоры о подписании договора о ненападении, но затягивал эти переговоры, выдвигая каждый раз новые условия. В результате советская делегация покинула Тегеран, и ирано-советские отношения вступили в полосу нового кризиса.

---

16 Алиев С. М. История Ирана. XX век. М., 2004, с. 222.

Новый этап нормализации и расширения отношений приходится на период проведения в Иране реформ сверху, или «Белой революции». Во внешней политике Иран отказался от односторонней ориентации на США, перешел к тактике гибкого маневрирования между Западом и Востоком. 15 сентября 1962 г. иранское правительство в своей ноте правительству СССР заявило, что Иран «не предоставит никакому иностранному государству права иметь ракетные базы каких бы то ни было видов на территории Ирана» и «никогда не разрешит, чтобы Иран был средством агрессии против территории Советского Союза»¹⁷. Осенью 1963 г. Иран посетил Л. И. Брежнев, в 1965 г. — Советский Союз — Мохаммед Реза Пехлеви. В 1963 г. в Тегеране было подписано первое значительное после войны соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве. Оно предусматривало сотрудничество в строительстве объектов, имевших значение для развития экономики обеих стран. Это — гидротехнические сооружения на пограничной р. Аракс (плотина, водохранилище, две электростанции), строительство осетрового рыбоперерабатывающего завода, элеватора, мелиоративные работы в районе Мурдабского залива Каспийского моря и др. Финансирование работ было осуществлено на паритетных началах. Для оплаты поставок из СССР оборудования и технических услуг Ирану был предоставлен кредит на 12 лет на 35 млн. руб. из расчета 3,6% годовых. Его погашение осуществлялось поставками в СССР товаров иранского экспорта, что, безусловно, отвечало задачам начавшегося в это время в Иране бурного этапа индустриализации.

В августе 1964 г. было подписано Соглашение о воздушном сообщении между Москвой и Тегераном, которое предусматривало полеты советских самолетов через Тегеран в страны Азии и иранских самолетов через Москву в европейские страны.

В январе 1966 г. было подписано советско-иранское Соглашение о сотрудничестве в строительстве промышленных и других предприятий. Соглашение предусматривало участие Советского Союза в строительстве Исфahanского металлургического комбината мощностью 500–600 тыс. тонн стали в год. Кроме того, было предусмотрено сотрудничество СССР в строительстве машиностроительного завода, а также трансиранского магистрального газопровода для экспорта в СССР. По этому соглашению советские организации выполняли проектно-изыскательские работы, поставляли оборудование, посылали специалистов для оказания технической помощи. Соглашение предусматривало поставки природного газа в Советский Союз, машин и оборудования из СССР в Иран на 1970–1985 гг. СССР предоставляла на эти цели кредит в размере 200 млн. руб. из расчета 2,5% годовых сроком на 12 лет.

Построенный в Исфahanе металлургический комбинат был открыт в марте 1973 г. Для обеспечения его сырьем с помощью СССР были пущены в эксплуатацию шахты по добыче угля и железной руды. Для работников

17 Правда. 16.09.1962.

комбинаты СССР построил город Арьяшехр, в котором предусмотрена вся необходимая экономическая и социальная инфраструктура.

Построенный с помощью СССР машиностроительный завод в Араке (1969–1972) мощностью 30 тыс. тонн изделий в год явился первым универсальным предприятием, который выпускает подъемные краны, паровые котлы, оборудование для сахарных и цементных заводов, сельскохозяйственную технику.

Трансиранский газопровод длиной 1106 км, северный участок которого (500 км) построен советской стороной, вступил в строй в 1970 г. От Бид-Боланда, где находятся головные сооружения, газопровод проходил по трассе Исфаган-Кашан-Кум-Тегеран-Казвин-Решт-Энзели-Астара. Через Астару газ поступал в СССР, с конца 1970 г. газ стал поступать в Закавказье. Для Ирана это был первый экспортный газопровод, до его пуска газ сжигался в факелах. Уже в 1972 г. экспорт газа составил более 8 млрд. куб. м, возрастающая в последующие годы.

Еще в 1968 г. для укрепления советско-иранского экономического сотрудничества была создана Постоянная советско-иранская Комиссия по экономическому сотрудничеству, которая работала регулярно вплоть до исламской революции 1979 г.

В связи со строительством гидротехнических сооружений на Араксе в мае 1970 г. был подписан Дополнительный протокол к Соглашению 1954 г., определивший новое прохождение границы по водохранилищам гидроузла «аракс» и Мильско-Мутанской водозаборной плотины на Араксе. После проведения демаркационных работ в августе 1973 г. Иран и СССР подписали Дополнительный протокол к Договору о режиме границ 1957 г., связанный с изменениями линии прохождения границы.¹⁸

В 1972 г. был подписан новый договор о развитии экономического и технического сотрудничества, в котором предусматривалось участие СССР в развитии иранской черной и цветной металлургии, нефтегазовой, нефтехимической промышленности, ирригации, сельского хозяйства, энергетических сооружений, элеваторов. Большое место уделялось сотрудничеству в области подготовки кадров. Договор был заключен на 15 лет с правом автоматического продления на каждые следующие 5 лет, если ни одна из сторон не заявит о желании приостановить его действие.

Дальнейшее расширение экономических и упрочение политических отношений были прерваны революцией 1979 г. в Иране. Руководство СССР после свержения шахского режима заявило о намерении развивать и в дальнейшем добрососедские отношения. Кроме того, оно рассчитывало на укрепление позиций прокоммунистических партий в новой власти, квалифицируя революцию как демократическую и мелкобуржуазную. В Иран вернулись многие активисты Народной партии Ирана, бывшие в эмиграции в СССР.

18 Кулагина А. М., Дунаева Е. В. Граница России с Ираном (история формирования). М. 1998, с. 75.

На Пленуме Центрального Комитета НПИ, который состоялся в конце февраля 1979 г. в Восточном Берлине, было заявлено о полной поддержке идеи образования в Иране исламской республики. Советскому руководству импонировал и антиамериканский настрой новой власти. Хотя исламское руководство провозгласило главным направлением своей внешней политики «ни Запад, ни Восток, а ислам», первым иностранным послом, который был после исламской революции принят Хомейни, был посол СССР.

Однако отношение новых иранских властей свидетельствовало о тенденциях свертывания связей с СССР. Сразу же после революции Иран обратился в ООН с заявлением о денонсации 5 и 6 статей Договора 1921 г., затем заявило о повышении цен на поставляемый в СССР газ. Особенно негативно повлияло на состояние ирано-советских отношений введение советских войск в Афганистан в декабре 1979 г. Советский Союз, как и США, были объявлены «сатаной». Последовали нападения на посольство в Тегеране и консульство в Исфгане. Затруднили налаживание отношений поставки советского вооружения Ираку в 1982 г., в разгар ирано-иракской войны, разгром партии НПИ и проведение показательных «покаянных процессов» по телевидению. Из-за разногласий в цене на газ Иран в феврале 1980 г. перекрыл газопровод, хотя кроме СССР другого рынка для иранского газа не было. В 1983 г. из Ирана была выслана группа сотрудников посольства СССР, в течение 1984–1985 гг. была сокращена численность дипломатического состава советского посольства, закрыт советско-иранский культурный центр, крайне затруднена выдача въездных виз для советских граждан. Однако позиция СССР, не поддержавшего экономическое эмбарго против Ирана, объективная потребность Ирана в поставках необходимых потребительских товаров и замены оборудования, особенно после окончания войны с Ираком, привела к постепенному налаживанию отношений. Еще в период ирано-иракской войны зам. Министра иностранных дел Ирана Мохаммад Джавад Лариджани во время визита в Москву передал послание президента ИРИ Али Хаменеи о желании руководства Ирана развивать добрососедские отношения с СССР. В феврале 1988 г. в празднованиях девятой годовщины исламской революции участие принял заместитель министра иностранных дел СССР В. Ф. Петровский. Вместе с премьер-министром Ирана Мир Хоссейном Мусави им были обсуждены вопросы возобновления широкомасштабного сотрудничества. Был заключен Договор о транзите, СССР принимал постоянное участие в международных торговых ярмарках в Тегеране. В 1988 г. страны подписали Соглашение о сотрудничестве, строительстве и эксплуатации гидроузлов в Ходааферин и Гыз-Галасы на р. Аракс.

Новый этап в улучшении отношений связан с началом осуществления в СССР политики «перестройки» и выводом советских войск из Афганистана. 1 января 1989 г. имам Хомейни обратился с Посланием М. Горбачеву. В феврале 1989 г. состоялся первый визит в ИРИ министра иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе, который был принят Хомейни. Сразу же после смерти Хомейни спикер меджлиса Али Акбар Хашеми Рафсанджани, который

вскоре станет президентом страны, прибыл в СССР. 22 июня 1989 г. в Москве была подписана долгосрочная Программа торгово-экономического, научно-технического и культурного до 2000 г. Одновременно были подписаны договоры о товарообороте, поставках иранского природного газа, которые были возобновлены в апреле 1990 г. (с распадом СССР перестал быть собственно-Россией), строительстве железной дороги Теджен—Серахс—Мешхед, участии СССР в модернизации иранской энергетической базы, в том числе за счет развития атомной энергетики. Программа предусматривала и военнотехническое сотрудничество, включавшее, главным образом поставки военной техники. После распада СССР, Россия как правопреемник его международных обязательств, продолжило сотрудничество с Ираном именно на основе этой Программы, за исключением тех объектов, которые непосредственно касались интересов новых постсоветских государств. Новый этап сотрудничества с Ираном связан со становлением РСФСР как независимого государства.

А. Б. ОРИШЕВ

ГЕРМАНИЯ И ИРАН: ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Как известно, с приходом к власти Гитлера Германия стала планомерно готовиться к войне за мировое господство. В связи с этим, в Берлине стали уделять первостепенное внимание Ирану. Стремясь получить доступ к его стратегическому сырью и полуфабрикатам, нацистская Германия стала применять все доступные методы и средства для завоевания прочных позиций в иранской экономике. Начиная с 1934 г. она начала вывозить такие продукты сельского хозяйства Ирана, как семена клещевины, из которых вырабатывалось смазочное масло для самолетных моторов, особый вид горошка, употребляемый при изготовлении маргарина и другую продукцию.

Основным методом германского проникновения на иранский рынок стало заключение клиринговых соглашений. 30 октября 1935 г. в Берлине гитлеровским чиновником для особо важных поручений Г. Вольтатом и заместителем министра финансов М. Бадером было подписано первое клиринговое соглашение между Германией и Ираном, а 6 сентября 1936 г. оно было ратифицировано меджлисом.

Подписание соглашения дало мощный толчок для развития германо-иранской торговли. Отныне ввозные лицензии стали выдаваться иранцам без предъявления сертификата о вывозе, что помимо формального облегчения ввоза, снимало с импортеров немецких товаров 15% расходов на лицензию и удешевляло тем самым себестоимость немецких товаров.¹ Неподверженность ввоза из Германии валютному ограничению, высокая конкурентоспособность германских товаров и отмена платных лицензий, которые сохранялись относительно других стран (кроме СССР), содействовали переключению иранского купечества на торговлю с Третьим рейхом.

Для поощрения германо-иранской торговли в 1936 г. в Берлине была основана германо-иранская торговая палата, а в Гамбурге германо-иранское торговое общество с уставным капиталом в 300 тыс. марок,² которые должны были открыть частным немецким импортерам и экспортерам иранский рынок. С августа 1936 г. в Берлине стал издаваться журнал на персидском и немецком языках, учредителем которого выступила германо-иранская тор-

1 РГАЭ (Российский государственный архив экономики). Ф. 413, оп. 13, д. 1394, л. 6.

2 Там же. Ф. 413. 1937, оп. 13, д. 1372, л. 25; Ф. 413. 1937, оп. 13, д. 1394, л. 6.

говая палата. В это же самое время в Тегеране при министерстве торговли была основана клиринговая контора.

Значительный интерес для Германии представлял иранский хлопок, который немцы использовали в военной промышленности при производстве взрывчатых веществ. Однако из-за того, что основные стратегические товары были забронированы монопольными договорами с Советским Союзом, расширение экспорта Ирана в Германию шло, главным образом, за счет вывоза ковров, шерсти, кишок и опиума. Ранее эти товары почти не импортировались из Ирана. Так, удельный вес Германии в торговле коврами с 1933 г. по 1937 г. увеличился в десять раз³. Впоследствии она частично экспортировала ковры в страны с конвертируемой валютой. Кроме ковров, Германия перепродавала и другие товары, но только те, которые нельзя было использовать в военном производстве.

Неуклонно повышался удельный вес Германии в иранском импорте. Этот рост шел в основном за счет ввоза промышленного оборудования. Первой германской фирмой, проявившей интерес к Ирану, была «Брансбург Ахткулаг», руководство которой направило официальное письмо в адрес иранского главного управления торговли с предложением поставок оборудования и машин.⁴ Поставками промышленного оборудования в Иран также занимались фирмы «АЭГ», «Бош», «Дейцмоторен», «Крупп», «Ленц», «Макс Генест», «Макс Гутенберг», «Менус», «Отто Вольф», «Сименс», «Шарк», «Юнкерс», имевшие свои отдельные конторы, склады и магазины. Все прочие фирмы, действовавшие в Иране, были объединены в «Союз германских машинотехнических заводов». Это было немецкое торговое представительство, осуществлявшее поставки от имени правительства Германии.⁵

Благодаря деятельности германских фирм в ряде городов Ирана промышленные предприятия легкой промышленности были оснащены оборудованием из Третьего рейха (данные по городам): Ашреф — текстильный комбинат, Исфahan — четыре текстильные фабрики, одна бумажная фабрика, Йезд — текстильная фабрика, Керман — текстильная фабрика, Решт — джутовая фабрика, Семнан — текстильная фабрика, Тебриз — текстильная фабрика и кожевенный завод, Шахи — текстильная фабрика, Шуштер — текстильная фабрика.⁶

Оценивая развитие германо-иранских экономических связей, С. Л. Агаев писал, что «германские монополии делали все возможное, чтобы

3 РГАЭ. Ф. 413. 1939, оп. 13, д. 2554, л. 50.

4 АВП РФ (Архив внешней политики Российской Федерации). Ф. 94. 1935, оп. 19. П. 48, д. 26, л. 39.

5 РГАЭ. Ф. 413. 1936, оп. 13, д. 1390, л. 25; ЦХИДК (Центр хранения историко-документальных коллекций). Ф. 1458, оп. 30, д. 4, л. 16, 32.

6 РГАЭ. Ф. 413. 1937, оп. 13, д. 1394, л. 29-30; АВП РФ. Ф. 94. 1936, оп. 20а. П. 122, д. 4, л. 10.

сорвать строительство предприятий тяжелой индустрии»⁷. Однако документы из российских архивов позволяют сделать другие выводы. «Особое внимание фашистская Германия уделяет военной и *металлургической промышленности Ирана* (выделено мной. — А. О.), сооружению доков, портов, авиационных мастерских, постройке аэродромов и т. п., для чего Ирану предоставляются долгосрочные кредиты на льготных условиях», — отмечалось в справке «СССР и Иран», составленной одним из сотрудников советского МИД.⁸

В 1930-е гг. Германия стабильно занимала первое место по поставкам Ирану металлических изделий. Большинство этих изделий использовалось при создании предприятий тяжелой индустрии. Ведущую роль в этих поставках играло объединение германских металлургических заводов «Удема», по количеству работников занимавшее после советского торгового представительства второе место.⁹

При содействии немецких фирм был построен медеплавильный комбинат в Ганиабаде, началось строительство Кереджского железодобывающего завода и Анарекского комбината цветной металлургии.¹⁰

Проводя подобную политику, Германия пыталась прибрать к рукам природные запасы Ирана. Немецкий концерн «Ферроштал» заключил с иранцами договор о строительстве Аминабадского комбината черной металлургии. Подобный договор концерн «Ферроштал» заключил и при строительстве Анарекского комбината. Предполагалось, что длительный кредит будет погашаться поставками никеля, свинца и меди.¹¹

Помимо того, что Третий рейх выступал основным экспортером продуктов химической промышленности в Иран, германские фирмы приняли участие в строительстве Парчинского химического комбината, расположенного около Тегерана. В 1937 г. при активном участии немецких фирм была построена табачная фабрика в самом Тегеране. С 1934 г. по 1938 г. Германия выполнила заказ на поставки в Иран оборудования для цементных заводов в Тегеране, Мешхеде, Ширазе и Тебризе.¹² При содействии немцев шло строительство Хамаданского спичечного завода. «[...] оборудование для промышленных предприятий и железнодорожного транспорта в основном закупается в Германии. В различных торгах немцы получают преимущества, о чем совершенно открыто публикуется при объявлении о торгах строительства Кереджского металлургического завода. [...] И если учесть еще и то, что

7 Агаев С. А. Германский империализм в Иране. М.: Наука, 1969, с. 60.

8 АВП РФ. Ф. 94. 1941, оп. 26. П. 69а, д. 35, л. 42.

9 РГАЭ. Ф. 413. 1937, оп. 13, д. 1394, л. 16.

10 АВП РФ. Ф. 94. 1938, оп. 22. П. 60, д. 25, л. 235; Генин И. Экспансия германского фашизма на Ближнем Востоке // Мировое хозяйство и мировая политика. 1939. № 2, с. 143.

11 ЦХИДК. Ф. 1458, оп. 30, д. 25, л. 104; Там же, д. 25, л. 1–92; Там же, д. 41, л. 32.

12 ЦАМО (Центральный архив Министерства обороны). Ф. 389, оп. 4690, д. 508, л. 13.

фирма „Шкода“, которая занимает значительный удельный вес по линии строительства различных предприятий, в связи с последними событиями стала немецкой фирмой, то станет совершенно ясно насколько усилились экономические, отсюда и политические позиции немцев в Иране», — отмечалось в одном из отчетов советской разведки из Ирана.¹³ «Германия поставляла в Иран главным образом промышленное оборудование и материалы для железнодорожного строительства, скупала шерсть и хлопок. Немецкие инженеры и техники помогали обслуживать наши порты и железные дороги, управляли фабриками, оснащенными немецкими станками...», — подчеркивал важность для Ирана сотрудничества с Германией наследник иранского престола Мухаммед Реза.¹⁴

Таким образом, германский капитал объективно содействовал развитию в Иране различных отраслей промышленности. Но, оказывая помощь иранскому правительству в индустриализации страны, Германия преследовала, прежде всего, собственные цели — снабдить себя стратегическим сырьем и превратить Иран в своего надежного союзника на Среднем Востоке. В результате к 1937 г. Германия заняла второе место после СССР в иранской внешней торговле. Это было несомненным успехом, так как в течение двух десятилетий после окончания Первой мировой войны Германия занимала только четвертое место.

Надо сказать, что, анализируя причины успешного развития германской экспансии, отечественные историки не обратили внимания на ряд факторов, объясняющих эти достижения.

Во-первых, клиринговая форма торговли в условиях валютного голода Ирана значительно облегчала импорт германских товаров в эту страну. За счет кредитования по клирингу Иран, не тратя собственные запасы валюты, без ограничений ввозил оборудование из Третьего рейха.

Во-вторых, высокое качество германских товаров и оборудования. Немецкая газетная бумага по своему качеству не уступала советской писчей, а техническая бумага была вообще вне конкуренции. Выше качеством были и германские станки, чем аналогичные образцы из Англии и СССР.¹⁵ К тому же, Германия предлагала Ирану разнообразную номенклатуру товаров, удовлетворяя практически всем его потребностям в импортной продукции. Одновременно немцы скупали иранские товары, перечень которых был необычайно широк. Согласно данным иранского таможенного отчета, по количеству наименований экспортных и импортных товаров Ирана Германия занимала первое место. Так, в 1937 г. ее показатели по количеству наиме-

13 РГВА (Российский государственный военный архив). Ф. 25895. 1939, оп. 1, д. 945, л. 58.

14 *Pahlavi M. Reza Shab. Mission for my Country.* London: Hutchinson, 1961, с. 66.

15 РГАЭ. Ф. 413. 1939, оп. 13, д. 2554, л. 47.

нований в иранском импорте превышали показатели СССР на 50%, в экспорте — на 100%.¹⁶

В-третьих, умелая организация торговли. Немцы не только поставляли оборудование, но и монтировали его на месте. Любой немецкий товар сопровождала краткая инструкция, написанная на бумаге высшего сорта. Советская же документация, прилагавшаяся к товарам, как правило, была небрежно оформлена, в ней часто встречались опечатки, подчистки и другие дефекты. Более того, техника из СССР иногда привозилась в разбитом виде, чего нельзя было сказать о технике, поступавшей из Германии.

В-четвертых, поставленная на высокий уровень реклама. В больших количествах немцы распространяли каталоги, специализированные технические и коммерческие журналы, пропагандировавшие достижения германской техники. На авторучках, зажигалках, расческах и других мелких предметах, которые немцы вручали иранским чиновникам и купцам в качестве сувенира, обязательно присутствовала реклама какой-нибудь немецкой фирмы. Одновременно немцы занимались компрометацией своих конкурентов. Они распространяли слухи, что Советский Союз не имеет собственной промышленности и, кроме железных балок и гвоздей, русские больше ничего делать не умеют, а поставляемое ими оборудование является устаревшим немецким, которое перекрасили в СССР и под советской маркой отправили в Иран¹⁷.

В-пятых, Германия не только снабжала Иран современным оборудованием, но и посылала для его монтажа высококвалифицированных специалистов. Берлин использовал любой повод для того, чтобы направить на Средний Восток своих вояжеров, техников, инженеров и просто рабочих. Только в 1936 г. в Иран было направлено 800 подданных Германии.¹⁸ Они работали на строительстве промышленных объектов, при прокладке новых дорог, занимали ответственные должности в иранских учреждениях. Даже директором типографии меджлиса был назначен немец Вильгельм Вебер.¹⁹ Много германских специалистов трудилось и в сельском хозяйстве Ирана. Агрономы, ветеринары, животноводы, зоотехники десятками прибывали в Иран.

В-шестых, в отличие от специалистов из Советского Союза, на все запросы иранской стороны немцы реагировали оперативно. «... Мы всегда проявляли недопустимую неповоротливость, товаров при повышенном спросе и при высоких ценах на рынке быстро не даем, а немцы всегда с большой оперативностью используют моменты хорошей конъюнктуры

16 РГВА. Ф. 25895. 1938, оп. 1, д. 934, л. 37.

17 Там же, л. 80.

18 РГАЭ. Ф. 413. 1936, оп. 13, д. 1390, л. 26.

19 АВП РФ. Ф. 94. 1938, оп. 22. П. 60, д. 25, л. 85.

рынка», — констатировалось в одном из отчетов советского торгпредства в Иране.²⁰

В-седьмых, секрет усиленного проникновения Германии на иранский рынок и ослабления на нем советских и английских позиций состоял в том, что немецкие фирмы платили иранцам по ценам, превышавшим мировые на 15–20%. Правда, иранские купцы получали не валюту, а риалы, но и это было им выгодно. Умело используя условия клирингового соглашения, Германия расширила таким образом свой импорт из Ирана и форсировала экспорт. С другой стороны, Третий рейх поставлял Ирану товары по ценам, также превышавшим мировые. Поэтому по клиринговым расчетам за 1936–1938 гг. образовалась задолженность Ирана Германии в 170–180 млн. риалов.²¹

Безусловно, в лице Германии Иран получил устойчивый рынок сбыта сельскохозяйственного сырья. Но одновременно такая политика вела к прямой зависимости иранского производства от германского рынка и ряду других неблагоприятных последствий. Используя неустойчивое положение на мировом рынке, выразившееся в падении цен на сырьевые товары, Третий рейх с начала 1938 г. стал сбивать цены на иранскую экспортную продукцию. С целью избежать дальнейшего роста государственного долга Ирану ничего не оставалось, как резко усилить экспорт и одновременно снизить закупки в Третьем рейхе. Так, иранское правительство освободило иранских купцов, вывозящих товары в Германию, от обязательной сдачи Национальному банку части суммы, вырученной от реализации экспортных товаров.²²

4 января 1939 г. было заключено второе германо-иранское клиринговое соглашение.²³ Отныне платежи между обеими странами осуществлялись следующим образом: германские торговцы — должники вносили свой долг в марках в клиринговую кассу в Берлине на счета Национального иранского банка, а последний выплачивал эту сумму кредитору в риалах. В свою очередь иранский купец — должник должен был вносить в Национальный иранский банк риалы независимо от того, в чем выражался долг — в марках или риалах.

С мая 1939 г. были введены упрощенные правила вывоза иранского сырья в Германию. Ранее иранские купцы сами везли свои товары в Гамбург и пять-шесть месяцев ждали их оплаты. Теперь же в Национальном банке был открыт аккредитив и купец сразу после предъявления документов, подтверждающих факт отправки товаров, получал 70% стоимости отпра-

20 РГВА. Ф. 25895. 1939, оп. 1, д. 940, л. 19.

21 РГАЭ. Ф. 413. 1939, оп. 13, д. 2554, л. 47, 48.

22 *Палюкайтис И. И.* Экономическое развитие Ирана. М.: Международные отношения, 1965, с. 216.

23 *Фрей А. И.* Валютные ограничения и клиринги. М.: Международная книга, 1940, с. 217; *Kochwasser F.* Iran und wir. Geschichte der deutsch-iranischen Handels. Stuttgart: Kohlhammer, 1961, с. 146–151.

ленного товара, а когда товар погружался на пароходы — остальную его стоимость.²⁴

Вследствие этих мероприятий произошли изменения в структуре торгового баланса. В результате к началу Второй мировой войны Берлин задолжал Тегерану около 120–150 млн. риалов. Фактически Иран превратился в одного из кредиторов Германии — государства, готовившегося вступить в схватку за мировое господство.

---

24 РГВА. Ф. 25895. 1939, оп. 1, л. 940, л. 64.

В. Ю. ПЕРЕПЁЛКИН

К ВОПРОСУ О ТРАДИЦИОННЫХ ФОРМАХ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ В ЭВОЛЮЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ АГРАРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ИРАНЕ

Для того чтобы правильно понять суть трансформации системы землевладения и землепользования в Иране, необходимо рассматривать всю сложную систему взаимоотношений, складывающихся в процессе сельскохозяйственного производства, которая описывается термином «насаг». Слово это имеет широкое поле семантических значений, но в рассматриваемом контексте оно лучше всего переводится как «порядок, система, распорядок» [5, 640].

Большинство исследователей сходится во мнении, что «насаг» есть не что иное, как традиционное право крестьян на обработку земли: «...Все обработчики разделяли в целом право возделывать землю и получать часть ее урожая. Это право обработки было известно как «насаг» [10, 22]. Али Фаразманд уточняет, что «хаг-э насаг» представляет собой право обрабатывать землю в качестве издольщика» [9, 80].

Во внешнем проявлении — разделении земель на определенные участки и владении ими крестьянами — не всегда заметна скрытая сущность этого феномена. Результаты изучения проблем аграрной реформы наводят известную английскую исследовательницу Анну К.С. Ламбтон на вывод: «Насаг — модель использования и обработки земель в иранской деревне, основанная на совокупности земельных участков, которые могут быть обработаны парой быков [«джофт-э гав»]. Издольщики имеют определенное число участков, расположенных в обрабатываемой части, на постоянной или годовой основе. Издольщики утверждают во владении этими участками в рамках насага, который они возделывают в настоящий момент» [15, 695].

На наш взгляд, правильнее всего рассматривать «насаг» в качестве производственного отношения, общественного договора, нашедшего юридическое выражение в местном обычном земельном праве. Исследователь общинного землепользования и традиционной иранской организации земледелия Джавад Сафинежад после многочисленных полевых наблюдений пришел к заключению, что «насаг» представляет собой законы, господствующие над организацией отношений факторов производства» [8, 42].

Система «насаг» предполагает взаимодействие всех пяти факторов производства: земля, вода, посевной материал, тяговая и рабочая сила. До того,

как начались преобразования, все сельское население Ирана можно было подразделить, во-первых, на имеющих землю в собственности и не имеющих ее, во-вторых же, можно выделить из последней категории две другие группы: обладающих правом на аренду («хаг-э насаг») и не обладающих им — категория «кошнэшин» [11, 3].

Абстрагируясь от множества разнообразных структур и форм взаимоотношений, правомерно сделать вывод, что ключевым отношением в дореформенном Иране было отношение «райата» [3, 88], возникавшее между собственником земли, который сдавал ее в аренду крестьянам, обладающим «хаг-э насаг», и этими крестьянами, которые отдавали в уплату за использование земли фиксированную часть полученного с нее урожая в соответствии с пятичленным его делением.

В практической жизни «насаг» выполнял роль местного сельскохозяйственного права, нормы которого видоизменялись в зависимости от традиционных условий и которое определяло договор своеобразного характера, устанавливающего права и обязанности каждой из сторон.

Основным правом «райата» было предоставление ему возможности обрабатывать оговоренную часть земли и пользоваться для ее орошения водными ресурсами, обычно находящимися также во владении собственника земли. Последний был обязан в соответствии с правом «насаг» предоставить крестьянину эту возможность. Если собственник по каким-либо причинам хотел лишить земледельца подобного договорного права, не нарушая традиционных законов и обычаев, ему необходимо было выкупить «хаг-э насаг».

Право «насаг», игравшее роль своеобразного общественного контракта, вступало в свое действие приблизительно через два-три сельскохозяйственных сезона и имело силу до того момента, пока арендатор был в состоянии продолжать обработку земли.

Теоретически право на возделывание не передавалось по наследству, но по сложившейся традиции оно обычно переходило к наследнику или иному мужскому лицу в семье. В соответствии с традицией подразумевалось, что подобный договор возобновляется ежегодно на очередной сезон полевых работ. «Насаг» не ассоциировался обычно с каким-либо конкретным участком или участками земли, а варьировался в зависимости от вида выращиваемых культур, наличия и доступности в тот или иной год необходимого количества воды для полива, орудий труда и т. д. Анна К.С. Ламбтон признает, что «в пределах деревни распределение участков земли в насаге редко осуществлялось на равной основе; оно варьировалось от обработчика к обработчику и зависело от средств производства, находящихся в его распоряжении, сельскохозяйственного опыта и часто — от его отношений с землевладельцем или управляющим именем» [15, 708].

Определенное право владения установленным и локализованным участком земли на некоторый период времени давало то обстоятельство, что, согласно экономической и юридической теории ислама, стоимость, созданная трудом человека, принадлежит ему, поэтому посаженные многолет-

ние культуры или деревья порождали так называемое «право корней» («хаг-э ришэ»). В соответствии с «хаг-э ришэ» земледелец имел право вести сельскохозяйственную деятельность на локализованном наделе земли, пока там произрастали созданные им многолетние насаждения. Иногда «хаг-э ришэ» отождествляли с «насаг», но точнее определять «хаг-э ришэ» как составную часть теории и практики «насаг».

Одной из специфических особенностей ведения сельскохозяйственного производства в Иране является необходимость постоянного поиска рациональных путей использования водных ресурсов. За исключением северных районов страны, прилегающих к Каспийскому морю, практически для всех остальных территорий нехватка воды представляет серьезную проблему. Необходимость искусственного орошения вызвала к жизни появление особых групп людей, занимающихся сельскохозяйственной деятельностью и называющихся «бонэ» или «сахра». В дореволюционном Иране подобные производственные бригады были распространены в центральных и восточных районах страны, но в хорошо снабжаемых водой северных, западных регионах в них не было необходимости, равно как и в очень засушливых, населенных кочевыми племенами юго-восточных районах.

В «бонэ» объединялись жители одной деревни, имевшие право «насаг». Возникновение и развитие формы коллективной обработки земли в виде «бонэ» связано как с необходимостью строительства и обслуживания подземных оросительных каналов («канатов»), где требовались объединенные усилия людей, так и с тем, что в условиях дефицита водных ресурсов экономичнее было орошать не поочередно и выборочно мелкие парцеллы, а гораздо большие объединенные площади, кратные «джофт-э гав» (в среднем 4–6 гектаров орошаемой земли) [11, 3].

Заметим, что после проведения аграрной реформы и ухода в историю массового распространения «бонэ» стоимость ирригации с использованием «канатов» составляла от одной четверти до одной трети стоимости собранного урожая. [11, 6].

Организации деятельности «бонэ» предполагала пропорциональное распределение всей культивируемой земли той или иной деревни на основе учета плодородия и удаленности от источников воды (выходов на поверхность канатов) между рабочими группами, которые состояли обычно из людей, находящихся в родственной связи. Перед началом каждого сельскохозяйственного года прогнозировалось возможное количество получаемой воды, в соответствии с чем уменьшались или увеличивались площади, обрабатываемые «бонэ».

Обычный, наиболее распространенный состав «бонэ» — около шести (по данным Э. Хугланда, пяти) человек с тремя парами быков. Во главе «бонэ» стоял «сарбонэ» (иногда он назывался «абйар» — «отвечающий за орошение»), который отвечал за организацию всей сельскохозяйственной деятельности своей группы, начиная от заключения договора с собственником земли или его управляющим («мубашир») на коллективную обработку,

оценки потенциальных возможностей на текущий год и завершая распределением доли урожая.

Исходя из традиционно сложившейся практики полива, вода поступала на орошаемый участок один раз (в течение 24 часов) в 12 суток (применительно к посевам основных культур — пшеницы и ячменя), поэтому вся земля той или иной деревни, подлежащая в текущем сельскохозяйственном году обработке, разделялась на двенадцать частей, приблизительно равных по плодородию и возможностям орошения, каждая из которых возделывалась одним «бонэ», в силу чего количество рабочих групп в деревне не могло превышать дюжины. Иногда эти части именовались «сахра», и поэтому название «сахра» служило другим распространенным синонимом коллектива земледельцев.

В воспроизводстве деятельности системы «бонэ» отношения «насаг» имели определяющее значение: «Взаимоотношения «бонэ» возникают в начале каждого сельскохозяйственного года, тогда как право «насаг» имеют силу на протяжении любого периода в году и претворяют в действительность нормы местного обычного права» [8, 43]. «Насаг», в котором воплощался комплекс традиционных законов и обычаев, регламентировал деятельность «бонэ».

Аграрные реформы Реза-шаха и Исламской Республики коренным образом трансформировали систему землевладения и землепользования.

Радикальное влияние иранского государства на процессы, происходившие в сельском хозяйстве в сфере взаимоотношений «насаг», имело место на протяжении 60-х–70-х годов XX столетия. Закон от 9 января 1962 года устанавливал приоритетность получения земледельцами, имеющими право «насаг», участков земли, обрабатываемых ими до вступления закона в силу. Эффективность нового земельного законодательства была обусловлена его действием на основе реально существующих в жизни схем и систем. Опора на исторически сложившиеся взаимоотношения и нормы «насаг», материализованные в адекватном разделении сельскохозяйственных земель, давала возможность безболезненного перераспределения участков: «... Там, где земля была предназначена для «бонэ», а не для индивидуального владельца в соответствии с нормами «насаг», члены «бонэ» делили поля между собой» [10, 54]. Поскольку на большей территории страны вопрос орошения играл столь же значительную роль, как и распределение самих земель, закон предусматривал передачу наделов совместно с традиционными правами на распределение воды.

Достоинством системы распределения по принципу «насаг» было предоставление равных, по местным традиционным представлениям участков земли, но одновременно возникала фрагментация владений, поскольку для обработчиков «насаг» предполагал не только незначительность территории, оказывающейся в их распоряжении, но и удаленность обрабатываемых участков друг от друга.

Центральная государственная власть приступила к юридическому регулированию системы традиционно сложившихся социально-экономических отношений. В соответствии с законом отменялось традиционное право осуществлять ротацию земельных участков между отдельными или коллективными обработчиками, за которыми закреплялись участки, возделываемые ими до даты вступления закона в силу. Это означало ограничение действия отношений «насаг», которые в принципе не предусматривали закрепления наделов за арендаторами, обладающими правом «насаг», но регламентировали лишь неотъемлемую возможность аренды.

Принятые правительством 17 января 1963 года изменения к Закону о земельной реформе, известные под названием «Дополнительные статьи», имели явную направленность на ликвидацию традиционных способов производства и распределения, поскольку «перед совершением сделки [по купле-продаже надела] чиновникам, осуществляющим проведение аграрной реформы, было предписано удостовериться, что потенциальный покупатель действительно обладает правом «насага», так как продажа наделов иным категориям сельских жителей была запрещена» [10, 55].

Деление посевных площадей в пределах сельскохозяйственной деятельности одного селения осуществлялось в соответствии с «насагбанди», то каждый обработчик-издольщик имел обычно участок, состоявший из нескольких фрагментов, расположенных как на удобных для ведения хозяйства хорошо орошаемых землях с высоким плодородием, так и на невыгодных, с худшими возможностями орошения, или более удаленных, но приносящих в совокупности доход, определяемый его правом «насага». Аграрная реформа, основанная на традиционном территориальном делении, «не концентрировалась на вопросе консолидации, цели, обычно ассоциировавшейся с земельной реформой, т.е. на мерах, устраняющих крайний разброс наделов земли...» [14, 143].

Реализация мероприятий, предусмотренных законодательством земельной реформы привела к тому, что практически все крестьяне-издольщики, владевшие прежде правом обработки арендуемых участков земли получали земельные наделы в собственность. Наделение земельной собственностью 92 процентов земледельцев — издольных арендаторов — означало прекращение функционирования законов «насаг» в сфере сельскохозяйственного производства [10, 72]. З.А. Арабаджян указывает: «Прямым следствием реформ явилось и то, что были разрушены традиционные механизмы, позволяющие существовать значительному числу сельской бедноты и, прежде всего, безземельным крестьянам, не имевшим возможности даже арендовать землю...» [1, 71].

В результате традиционный коллективный способ земледелия групп «бонэ» пришел в упадок. Поскольку «членство с «бонэ» и обладание правом землепользования («хаг-э насаг») фактически было синонимично» [10, 101], то в результате трансформации собственности на земельные наделы и выкупа «хаг-э ришэ» на протяжении 60-х и 70-х годов произошло постепен-

ное отмирание традиционных методов земледелия, на которых прежде базировалось сельскохозяйственное производство Ирана.

Не дожидаясь урегулирования вопросов земельных отношений, иранские крестьяне начали самовольный захват земель в период революционных действий 1979 года, что наиболее ярко проявилось в местах расселения иноэтнических групп.

К февралю 1980 года на территории Торкамансахры было создано приблизительно 300 «партизанских советов» («шоура-йе чарики») [13, 25], охватывающих свыше 15000 крестьян [16, 1105]. Организация процесса сельскохозяйственного производства происходила на основе традиционного метода коллективной обработки земли группами земледельцев «бонэ» с учетом действия норм «насап». Район Торкамансахра, специализировавшийся на выращивании товарных культур, в первые годы революции был единственным регионом Ирана, увеличившим их производство [16, 1105].

Без опоры на традиционный метод организации сельскохозяйственного производства «бонэ», предполагавший совместные, коллективные формы хозяйствования, формирование «шоура-йе чарики» было невозможно. В то время как в районе Торкамансахра, зоне распространения «бонэ», наблюдалось успешное формирование «партизанских советов», в соседнем Гиляне, где благодаря благоприятным гидрографическим условиям не возникало необходимости в совместном использовании водных ресурсов и, следовательно, не было основы для деятельности групп «бонэ», попытки сформировать советы потерпели неудачу [16, 1106].

После победы революции неопределенность в вопросе о земельной собственности превратилась в серьезную проблему. Для выхода из создавшейся ситуации был принят ряд законодательных актов.

Закон о передаче и возрождении земель Исламской Республики Иран от 17 сентября 1979 года предусматривал сохранение прав собственности на земли, которые находились в сельскохозяйственном обороте («дайер») и возделывались на основе как личного труда собственника, так и посредством найма работников.

Прекращение сельскохозяйственного использования земли влекло за собой утрату прав собственности на угодья, их переход в категорию ранее обрабатывавшихся, но брошенных земель («байер») и последующее отчуждение и перераспределение в пользу государства, олицетворяющего в послереволюционном Иране всю мусульманскую общину, или иных землевладельцев и общественных формирований. В отличие от римского права, определявшего собственность как «право абсолютного, неограниченного, всеобъемлющего и постоянного господства субъекта над вещью» [4, 131] (в то время как постоянное и полное право распоряжения, правомерное владение не определялось как собственность), иранская юридическая и экономическая традиция «выделяла наличие у субъекта права на вещь, наличие у него титула вообще, а затем рассматривало конкретную разновидность этого

титула, устанавливающую границы его права на вещь; разновидность титула определялась в зависимости от его основания (происхождения)» [4, 128].

В ходе осуществления аграрного законодательства сохранение права собственности на земельные участки (а более точно — владения ими) обуславливалось осуществлением мероприятий по «возрождению» земель и сельскохозяйственному производству, причем эти мероприятия должны были начинаться не позднее двух лет с момента вступления закона в силу на залежных землях («моват») и не позднее пяти лет — на землях «байер». Если по истечении указанных сроков земли этих категорий так и не обрабатывались, то они отходили в собственность государства. Закон предусматривал приоритетную передачу земель для ведения сельскохозяйственной деятельности лицам «при условии объединения в виде группы или «бонэ» [7, 188–195].

В положении о стимулировании создания групп коллективной обработки («бонэ») сказалась теоретическая и практическая ошибочность подхода к этому традиционному иранскому методу ведения сельскохозяйственной деятельности. Эту ситуацию лучше других описал Дж. Сафинежад: «После аграрной реформы, когда группы «бонэ» прекратили свое существование, некоторые чиновники Министерства кооперации и по делам деревень, а также Министерства сельского хозяйства, знающие о коллективной организации [сельскохозяйственного производства], прикладывали усилия к возрождению «бонэ», но практически не преуспели в этом, поскольку основу «бонэ» составляет участие в группе совместного пользования водой, а они намеревались создать группы совместного использования земли» [8, 550].

В соответствии с Законом от 27.02.1980 г. получение земельных участков обуславливалось объединением в общества, кооперативы или особые производственные единицы «моша». Предоставление земель индивидуальным обработчикам допускалось только в порядке исключения. При этом наиболее перспективной формой считалось производственное объединение «моша», в котором, по мнению иранских экономистов, «крестьяне совместно работают на участке земли и коллективно убирают урожай» [6, 46].

Деятельность «моша», в которое обычно входило от пяти до пятнадцати человек, строилась на принципах коллективного труда и совместного пользования землей. Важной особенностью такой организации работ по сравнению с другими кооперативными формами было отсутствие уравнительности. Результаты труда распределялись между членами «моша» не столько в зависимости от коэффициента трудозатрат, хотя и это учитывалось, сколько на основе предоставленных в общее пользование традиционных факторов производства. Таким образом, собранный урожай или полученный доход распределялись на основе своеобразного «пая», в котором суммировался вклад каждого члена в виде земельного надела, предоставленных орудий труда и т.д.; от величины этого «пая» зависела получаемая доля. Каждое такое производственное объединение возглавлял «сарпараст» или «сармоша», который отвечал за организацию всей деятель-

ности «моша». В отличие от «бонэ», являвшейся структурой, не зависящей от государства, «моша» представляло собой объединение, существование которого без государственной помощи практически было невозможно.

Как показал дальнейший ход развития аграрной реформы, земельный фонд такой структуры составлял от 20 до 60 гектаров, со средним размером в 48 га, а на каждого участника «моша» приходилось около 7 га [12, 191]. Таким образом «моша» не решали проблему дефрагментации земельного фонда ИРИ. Примечателен тот факт, что на практике вместо совместной обработки земли происходил неформальный раздел земли между участниками «моша» для индивидуальной обработки (по некоторым данным до 80% земельного фонда «моша») [11, 8].

В отличие от прежнего законодательства об аграрной реформе, закон от 15 апреля 1980 года снимал ограничения, согласно которым земельные участки могли предоставляться только коллективным объединениям земледельцев (кооперативам, производственным объединениям «моша» и т. д.).

30 октября 1986 г. Собрание исламского совета утвердило двумя третями голосов проект Закона о передаче земель «байер» и «дайер», перешедших после революции в виде «кешт-э мовагат» во владение земледельцев, а двумя месяцами позже меджлис одобрил Инструкцию по его выполнению. По сути, речь шла о «землях «байер» и «дайер», перешедших тем или иным образом во владение несобственника после победы исламской революции до 20 марта 1981 года на всей территории страны и до 20 марта 1985 года — в районах расселения курдов» (ст. 1, параграф 4 Инструкции к Закону от 20 октября 1986 г.). Оговорка относительно районов расселения курдов была сделана в связи с нежеланием центральных властей обострять и без того напряженную обстановку в регионе, где захваты земель продолжались гораздо дольше.

Возвращаясь к проблемам права «насаг», можно отметить, что базисной, исходной основой предоставления земли был «орф-э махаль» («местное обычное земельное право»). Именно он определял размеры земельного участка, с которого получают доход, считающийся достаточным для обеспечения средств к существованию одной семьи (ст. 1, параграф 7 Инструкции к Закону от 20 октября 1986 г.). Но это как раз и совпадало с практической функцией системы взаимоотношений «насаг». С другой стороны, Инструкция определяла, что владелец права «насаг» — это лицо, получившее землю на основе дореволюционного аграрного законодательства (ст. 1 параграфа 12 Инструкции). Таким образом, как дореволюционная, так и послереволюционная реформа строилась на одной и той же основе: за меру территориальной нормы предоставляемой земли бралась площадь, определяемая в соответствии с традиционными взаимоотношениями системы «насаг».

В отличие от дореволюционной аграрной реформы, направленной на разрушение традиционных издольных отношений «насаг», законодатель-

ство ИРИ, закрепив существующий статус-кво, не выдвигало четкой концепции последующих действий.

Исследователи аграрного вопроса сходятся во мнении, что аграрная реформа в Иране не завершена по сей день [2, 46], а ее разработка и осуществление представляются возможными лишь при том условии, что иранское общество созреет для диалога об альтернативных стратегиях в сельском хозяйстве.

Примечания

1. Арабаджян З.А. Иран: Власть, реформы, революция (XIX–XX века), М., 1991.
2. Арабаджян А.З. Исламская Республика Иран: Экономический потенциал: первая половина 90-х годов. М., 2002.
3. Демин А.И. Современная иранская деревня. М., 1977.
4. Периханян А.Г. Общество и право Ирана в парфянский и сасанидский периоды. М., 1983.
5. Персидско-русский словарь. Под ред. Ю.А. Рубинчика. М., 1983, т.2.
6. Барраси-йе тахаволат-э эгтесади-йе кешвар бад аз энгэлаб. Центральный банк ИРИ. Тегеран, 1361.
7. Маджмуэ-йэ гаванин. Сал-э 1358. Тегеран, 1358.
8. Сафинежад Джавад. Бонэ (Нэзамха-ие зараатии-ие соннати дар Иран). Тегеран, 1368.
9. Farazmand A. The State bureaucracy and revolution in modern Iran: Agrarian reforms and regime politics. New-York, 1989.
10. Hooglund E.J. Land and Revolution in Iran, 1960–1980. Austin, 1982.
11. Islamic Republic of Iran. Services for Agriculture and Rural Development. New-York, June 20, 1994. Annex 22.
12. Moameni A. Impact of Land Utilization Systems on Agricultural Productivity. Tokyo, 2003.
13. Monthly review, v.32, oct.1980.
14. Royal central Asian journal, v. LYI past I., L., 1966.
15. The Cambridge History of Iran, vol. I: The land of Iran, l., Cambridge, 1968.
16. World development, v.9, № 11/12, Montreal, 1981.

Л. М. РАВАНДИ-ФАДАИ

ЕВРЕЙСКАЯ ОБЩИНА В ИРАНЕ

Современный Иран — страна фундаменталистского ислама. Во главе ее стоит духовенство, а исламские нормы проявляются в политике, экономике, в общественной жизни. Но на улицах, на базарах встречаются последователи другого древнего вероисповедования, которые по внешнему виду почти не отличаются от своих соотечественников — до того, как прозвучит призыв на молитву. Одни идут в мечети, а другие в синагоги. Это — евреи Ирана.

Персидский царь Курош (Кир) Великий, в 538 г. до н.э. завоевал Вавилонское царство и включил его в состав Персидской державы, освободив евреев от вавилонского плена. В Персии еврейское общество стало занимать видное положение, это были коммерсанты, финансисты и ремесленники, и такое положение сохранялось до 1979 г. После исламской революции многие евреи, боясь погромов, уехали из страны. Но резни не было и, несмотря на сложившуюся обстановку, Иран остается родным домом для самой большой еврейской общины на Ближнем Востоке (вне Израиля). Согласно переписи 2006 г. еврейское население не превышает 30 тысяч чел. (около половины живет в Тегеране), хотя до революции численность общины превышала 100 тысяч человек.

После революции приблизительно 75% евреев уехали из Ирана в США, Израиль, Западную Европу, опасаясь преследований. Но аятолла Рухолла Хомейни, первый постреволюционный верховный лидер страны, издал фетву, нацеленную на защиту евреев и религиозных меньшинств, что сократило их отток. Как и по первой иранской Конституции, так и по Конституции 1979 г., их права как религиозного меньшинства защищены, и им гарантировано место в парламенте.

Морис Мотамед, депутат в меджлисе от еврейской общины говорит, что «быть еврейским депутатом парламента страны, которая часто требует уничтожения Израиля, задача не из легких». Недавно весь мир стал свидетелем, того как президент ИРИ Махмуд Ахмадинежад назвал Холокост мифом. Сразу после этого бывший президент Мохаммад Хатами публично оспорил это заявление, назвав Холокост «исторической реальностью».

Он сказал: «мы должны высказаться ясно и громко, что одним из преступлений Гитлера, нацизма и немецкого национал-социализма была резня невинных людей, среди которых многие были евреями».

Известная центристская газета «Шарг» также выступила с критикой Ахмадинежада, заявив, что «еврейский вопрос никогда не был проблемой ни для Ирана и ни для ислама».

Эти дебаты заставили верховного лидера аятоллу Али Хаменеи высказаться по этому вопросу в поддержку президента, хотя в печати были широко распространены сообщения, что он недоволен высказыванием Ахмадинежада, призвавшим стереть Израиль с политической карты мира.

Как не парадоксально, жизнь еврейского населения в фундаменталистском Иране привела к усилению его религиозности. Это подтверждает упомянутый выше Морис Мотамед. Он заявил, что одно из последствий исламской революции — это то, что еврейское общество стало более верующим. Хотя только 10% говорят или пишут на иврите, это общество — ранее светское — теперь активно ходит в синагоги.

В Тегеране есть еврейский дом престарелых и еврейская библиотека с читальным залом, которым пользуются и мусульманские и еврейские студенты университета. В столице (на юге Тегерана) есть еврейская больница «Черти Хаб», которая работает на основе спонсорской поддержки от еврейских благотворителей. Эта больница обслуживает не только евреев, но и всех также всех жителей Тегерана.

В Тегеране действуют 22 синагоги. При синагогах работают религиозные курсы, где преподаются основы Торы и Талмуда. Только в Тегеране работают 5 спецшкол для еврейских детей, культурные центры, например центр для молодежи и студентов, центр для женщин, центр для престарелых, компьютерные классы, музыкальные школы, различные спортклубы, в частности «Гибор». Еврейские дети, которые посещают обычные государственные школы, освобождаются от занятий по изучению Корана и шариата. Эти уроки заменяются изучением основ иудаизма.

По свидетельству Мориса Мотамеда, меджлис принял несколько законодательных поправок в пользу еврейской общины. Одна из них положила конец практике, по которой еврейские семьи получали гораздо меньшую компенсацию, чем мусульманские семьи, если у них в результате несчастного случая погибал родственник. Согласно другой поправке отменено дискриминировавшее евреев положение о наследстве.

Иранское государственное радио начало вещание на иврите в формате ежедневных получасовых передач. Радио передачи будут называться «Голос Давида», их можно будет принимать в Израиле, для которого, очевидно, оно и предназначено, среди израильских евреев значительное число сегодня составляют выходцы из Ирана. Цель программ этой радиостанции — не допустить однобокого освещения событий.

Большая часть еврейского общества занимает центристскую позицию. Я прошла по тегеранской улице Манучехри, которая идет от Английского посольства и изобилует антикварными магазинами. Большинство из этих магазинов принадлежат евреям. На витринах вы часто можете увидеть звезду Давида. Зайдя в один из них и познакомившись с владельцем магазина, Мозесом Баба, я узнала, что он владеет им уже 55 лет. А 95 лет тому назад его отец и дед начали бизнес в Исфагане. Он мне поведал, что, не видя будущего своих детей здесь, убедил их уехать из Ирана. «Мои дети живут в Израиле

и в Америке. Они просят, чтобы я приехал к ним, но я говорю — нет, мне здесь нравится. Старика, как мы, не могут жить там», — говорит Мозес.

Зайдя в одну из синагог на молитву Шаббат, я удивилась тому, что она была переполнена людьми. Там я познакомилась с Робертом, агентом недвижимости, который после 20 лет в Лос-Анжелесе вернулся в Иран, чтобы найти себе жену еврейку, но с иранским менталитетом.

Другая еврейка Сорая, бывшая учительница по английскому языку, пригласила меня посмотреть, как они справляют очень важный праздник для евреев восьмой день после рождения ребенка. Там я узнала, что они соблюдают все церемонии, которые отмечаются в еврейских общинах во всем мире.

В Иране управление еврейскими религиозными делами подчинилось двум ведомствам: «Небра» (Собрание Элиты Общины) и «Бейт Дин» (Дом Религии) С 1938 г. «Небра» была формально зарегистрирована как Тегеранский Еврейский Комитет и сейчас действует под контролем МВД, и Министерства Культуры и исламской ориентации. Тегеранский Еврейский Комитет имеет подкомитеты Комитет Культуры, Комитет Регионов, Комитет Молодежи, Комитет Семейных Проблем и Благотворительный Комитет. В стране издаются еврейские газеты и журналы, например журнал «Таммуз», журнал «Афег Бина» (еврейского Комитета с 1999).

Таким образом в фундаментальном Иране еврейская община не только сохранилась как таковая, но усилила свой религиозный потенциал, а также продолжает составлять активную часть научной и экономической элиты страны.

Ю. А. РУБИНЧИК

ПЕРСИДСКИЙ ЯЗЫК И ЕГО РОЛЬ В ОСВЕЩЕНИИ РЕЛИГИОЗНО- ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ МУСУЛЬМАНСКОГО МИРА

Современный персидский язык — государственный и литературный язык Исламской республики Иран, население которой по приблизительным данным составляет около 70 млн. человек. На этом языке и его диалектах говорит больше половины населения страны. Кроме персов, для которых персидский язык является родным, на территории ИРИ проживает много других народов, говорящих на разных языках. Но они также вынуждены пользоваться этим языком, поскольку персидский язык является официальным языком делопроизводства и суда, на нем ведется преподавание в школах и высших учебных заведениях.

Основная религия, которая получила распространение в Иране — это ислам. Главные принципы ислама изложены в Коране, священной книге мусульман. Именно на основе ислама страны, признающие эту религию, называются исламскими, мусульманскими.

Персидский язык стал одним из первых иранских языков, подвергшихся воздействию арабского. Были заимствованы знаменательные и служебные слова, отдельные словосочетания и предложения. В настоящее время арабизмы составляют свыше 50% лексического состава этого языка, а в отдельных текстах — до 80% слов арабского происхождения.

Наличие огромного количества слов арабского происхождения в персидском языке делает необходимым проведение структурно-морфологического анализа с учетом этимологических различий, которые существуют между двумя языками. Наибольшее количество арабских заимствований составляют имена, построенные по определенным словообразовательным и словоизменительным моделям.

Персидский язык заимствовал арабскую графическую систему, добавив к ней четыре буквы для выражения звуков, отсутствующих в арабском языке. Арабская графика способствовала массовому проникновению в персидский язык арабских слов, причем морфологическая структура лексических заимствований сохранилась неизменной, как в арабском.

Вновь созданная Академия персидского языка и литературы (1990 г.) одобрительно относится к использованию арабизмов вместо западноевропейских синонимов.

Влияние арабского языка, первоначально охватившее только лексическую систему персидского языка, послужило импульсом для изменений на других языковых уровнях. Арабский язык оказал значительное влияние на фонологическую и грамматическую системы, на его словообразование. Появились новые фонемы, отсутствовавшие в среднеперсидском языке. Были заимствованы формы арабского ломаного множественного числа (ФЛМЧ), некоторые суффиксы правильного множественного числа, префиксальные и суффиксальные морфемы. Слова арабского происхождения в качестве лексических морфем активно участвуют в словообразовательных процессах — в словосложении, аффиксации и других видах словообразования. В персидский язык проникли некоторые словообразовательные и словоизменяемые модели, однако, моделирование по арабским формулам занимает небольшое место.

Всестороннее изучение арабских заимствований в персидском языке позволяет установить прочность вхождения различных арабских элементов в этот язык, их некоторые отличительные особенности в семантике и строении.

С точки зрения степени вхождения в словарный состав персидского языка и широты употребительности в нем, арабизмы можно разделить на три основные категории: а) слова, которые полностью вытеснили из языка персидские эквиваленты и стали единственными выразителями соответствующих понятий; б) слова, которые сосуществуют с персидскими эквивалентами, будучи более употребительными или менее употребительными, чем соответствующие персидские слова; в) слова архаичные и слова, почти полностью вышедшие из употребления¹. Некоторые арабизмы, относящиеся к последней категории, благодаря изменившейся языковой ситуации в Иране после революции 1979 года и возросшей роли арабского языка в стране стали возрождаться. Они снова получают распространение в современном языке, нередко приобретая новые значения, отсутствующие в арабском. Таким образом, в послереволюционный период количество арабизмов в словарном составе значительно возросло и продолжает увеличиваться. Особенно много появилось арабских заимствований из Корана.

Наличие огромного количества слов арабского происхождения в персидском языке делает не только возможным, но и необходимым провести их структурно-морфологический и семантический анализ с учетом типологических различий, которые существуют между двумя языками.

В работах по лексике персидского языка характеристика арабских заимствований, в основном, ограничивается описанием моделей, по которым построены эти слова, и перспективам их увеличения.

¹ Рубинчик Ю.А. Грамматический очерк персидского языка // Персидско-русский словарь. В двух томах. Под редакцией Ю.А. Рубинчика, т. 2., 2-е изд. М., 1980. С. 805.

Наибольшее количество заимствований составляют арабские имена, построенные по определенным словообразовательным и словоизменительным моделям, которые изучают с детства иранские дети. Они являются объектом постоянного наблюдения специалистов.

Каждый, желающий более-менее свободно владеть персидским языком, должен знать, что в основе образования арабских имен лежит трехсогласный (иногда четырехсогласный) корень. От одного и того же корня путем внутренней флексии, а также с помощью префиксов и суффиксов².

Среди арабских заимствованных имен выделяются своим количественным составом глагольные образования — масдары (elm 'наука' — масдар I породы, e'lam 'объявление' — масдар IV породы, taallol 'отговорка', 'увеливание' — масдар V породы и т. д.) и причастия: действительного залога (vaqe' 'расположенный' — причастие I породы, motašakker 'благодарный' — причастие V породы и т. д.), страдательного залога (mašqul 'занятый' — причастие I породы, mosta'mal 'употребительный' — причастие X породы и т. д.)³. В персидский язык также заимствованы имена прилагательные (azim 'великий', qalil 'малый', 'незначительный' и т. д.); существительные (arz 'земля', ommat 'народ', 'нация' и т. д.), имена места (maktab 'школа', mahkame 'суд' и т. д.), имена профессии (baqqāl 'бакалейщик', hammāl 'носильщик' и т. д.), имена орудия (meqrāz 'ножницы', mesvāk 'зубная щетка' и т. д.).

Если сравнить отдельные арабские слова с их заимствованиями в персидском, то можно встретить значительные различия. В персидском языке можно встретить слова, отсутствующие в литературном арабском языке и вполне возможно, что некоторые из них могли быть образованы на чисто персидской почве⁴ по арабским моделям. В персидских грамматиках их обычно называют искусственными, ложными арабскими словами (kalemāt-e majul). Они создаются как на базе арабских, так и на базе согласных звуков

2 В грамматиках арабского языка внутренняя флексия определяется как такой способ изменения фонетико-грамматической структуры, при котором происходит чередование гласных и согласных, добавление или уменьшение гласных звуков, изменение их качества, удвоение второй или третьей корневых согласных.

3 Арабским отглагольным образованиям, как и глаголам, свойственны породы — особые лексико-грамматические формы. В арабском языке существуют пятнадцать пород, из которых наиболее употребительны первые десять, кроме девятой. Каждая порода имеет определенные модели и характеризуется одним или несколькими общими значениями (например, усилительно-побудительным, направительным). В арабском языкознании образующиеся таким путем формы чаще всего квалифицируются как грамматические разновидности одного и того же слова. Вместе с тем, нельзя не учитывать, что «... некоторые его формы, образуемые перестройкой его структуры, могут выражать как грамматические, так и словообразовательные категории, границы между которыми намечаются противоречиво». См. Белкин В. М. Формирование словарного состава современного арабского литературного языка. Автореферат докторской диссертации. М., 1980. С. 1.

4 Отдельные слова арабского происхождения могут относиться к архаичной арабской лексике, заимствованной в персидский язык из классического арабского языка. Не исключена также возможность заимствования такого рода слов из местных арабских языков и диалектов.

неарабских слов и только внешне по своим лексико-грамматическим моделям совпадают с арабскими масдарами и причастиями, именами профессии, места, прилагательными: *falākat* ‘несчастье’, ‘бедствие’, ‘катастрофа’, *šerākat* ‘участие’, ‘компания’, ‘общество’, *qazāvat* ‘суждение’, ‘мнение’, *hejālat* ‘стыд’, ‘смущение’, *hārraf* ‘речистый’, ‘болтливый’, ‘говорливый’, *šarur* ‘злостный’, ‘упрямый’, *māqbur* ‘захороненный’, ‘похороненный’ и т. д. подобные слова образованы от трехсложных арабских корней по живым моделям. Они имеют значения, вытекающие из значений этих корней, и поэтому могут быть понятны носителям арабского языка, хотя в самом арабском языке они не употребляются.

К этой же группе лексических единиц следует отнести слова, которые образованы по арабским моделям на базе согласных, взятых из основ неарабского происхождения (чаще всего из персидских основ): *mozallaf* ‘кудрявый’, ‘курчавый’ (из *zolf* ‘локоны’, ‘кудри’), *mokallāh* ‘носящий шляпу’ (из *kolāh* ‘шляпа’ — по формуле причастия страдательного залога I породы, *mostafrang* ‘поклоняющийся всему европейскому’, ‘европофил’ (из *Farang* ‘Европа’, ‘Франция’) — по формуле причастия страдательного залога X породы, *kaffāš* ‘сапожник’ (*kafš* ‘обувь’, ‘ботинки’, ‘туфли’).

В персидском языке арабские масдары выступают только как отлагольные существительное, а причастия действительного и страдательного залогов используются главным образом как существительные и прилагательные. Глагольные свойства арабских причастий значительно ослаблены: почти полностью отсутствуют залоговые противопоставления, весьма редко проявляется способность к управлению последующими словами. Можно отметить лишь отдельные причастия, которые сохраняют способность к управлению последующими словами с помощью предлогов и изафета, например: *šahr-e kuček-e vāqe’ dar kenār-e daryā* ‘небольшой город, расположенный на берегу моря’, *soxanrāni-ye havi-ye haqāyeq-e jaleb* ‘доклад, содержащий интересные факты’.

Вместе с арабскими лексическими заимствованиями в персидский вошли многие ФЛМЧ, образовывавшиеся путем внутренней флексии. По существу они представляют собой самостоятельный способ образования множественного числа, появившийся в персидском языке под влиянием арабского. ФЛМЧ сохраняют грамматическую и семантическую связь со словами в единственном числе: *šaxs* ‘человек’, ‘лицо’ — *ašxās* ‘люди’, ‘лица’, *marhael* — *marāhel* ‘этапы’, *ketab* ‘книга’ — *kotob* ‘книги’.

Изучение лексико-грамматических свойств ФЛМЧ дает основание рассматривать эти формы соответствующих слов в единственном числе, но и как самостоятельные лексические единицы. Об этом свидетельствуют следующие факты:

1) ФЛМЧ могут получать дополнительные значения, не свойственные словам в единственном числе. Например, *daqāyeq* (мн. ч. от *daqīqe* ‘минута’) получает дополнительное значение ‘детали’, ‘подробности’, *oյqat* (мн. ч.

от vaqt 'время') — дополнительные значения 'обстоятельства', 'обстановка', 'настроение'.

2) Иногда ФЛМЧ сохраняют значение и единственного числа. Например, oylad (мн. ч. от valad 'дитя', 'ребенок') имеет одновременно значение и множественного и единственного числа — 'дети', 'ребенок'.

3) ФЛМЧ могут служить производящей основой при образовании относительных прилагательных, например, ašāyeri 'племенной' (от ФЛМЧ ašāyer 'племена').

4) ФЛМЧ участвуют в словообразовательных процессах персидского языка в качестве лексических основ, например: ФЛМЧ hoquqdan 'правовед', 'юрист' (hoquq 'права' + dan < ОНВ глагола danestan 'знать'), vaqa'ye'negār 'историограф' (vaqa'ye' < 'события' + negār < ОНВ гл. negāstan 'писать').

Анализ и описание ФЛМЧ в персидском языке представляет довольно полную картину функционирования лексико-грамматической единицы, заимствованной из языка, принадлежащего к другой семье.

Ряд заимствований из арабского языка следует рассматривать как слова производные и сложные, поскольку образующие их морфемы (знаменательные и служебные) могут быть выделены как значимые элементы слова: moštarakolmanāfe 'имеющий общие интересы' (moštarak 'общий', 'смешанный' и manāfe 'интересы'), sābetolazm 'стойкий', 'незыблемый' (sābet 'стойкий', 'твердый' и azm 'намерение', 'решение'). Приведенные примеры относятся к идафным словосочетаниям — определительным арабским словосочетаниям (в персидском языке всегда употребляются с определенным артиклем перед вторым компонентом). Количество таких лексических единиц в современном языке довольно велико.

Каждое существительное или прилагательное, входящее в такого рода образования может употребляться самостоятельно, и поэтому эти образования следует рассматривать как сложные слова. Составные компоненты этих слов выступают как лексические основы, а арабский определенный артикль как интерфикс.

К числу производных слов относятся арабизмы, которые образованы с помощью суффиксов — an (окончание винительного падежа в арабском языке), — iуuat, — iуue (суффиксы арабских отвлеченных существительных), частицы la-, bela — (сочетание арабского предлога bi с частицей отрицания la-). Количество морфем арабского происхождения невелико, они вошли в персидский язык в период наибольшего проникновения арабизмов, их число в современном языке остается неизменным.

Собранный нами материал по использованию морфем арабского происхождения свидетельствует, что наиболее продуктивными из них являются суффиксы — an и — iуuat.

В персидском языке в речи и текстах нередко употребляются арабские предложения (после революции 1979 г. число их заметно увеличилось), которые представляют собой типичные иноязычные вкрапления, — это,

в основном, цитаты из Корана. Если не считать некоторых фонетических изменений, они почти не подверглись адаптации и сохраняют грамматические формы и значения, свойственные им в арабском языке: *be-sme-lláhe-rrahmáne-rrahím* 'именем Аллаха милостивого, милосердного', *lā-eláh(a)-éllā-lláh* 'нет Бога, кроме Аллаха' (слова, произносимые во время призыва к молитве), *sallā-lláho-aley-h(e)* 'да благословит его Аллах' (после упоминания имени пророка).

Для большинства носителей персидского языка грамматическое строение этих предложений, также как и значение их составных частей, остается непонятным.

Таковы главные структурные типы арабских заимствований, знание которых важно не только для установления границ и определения структуры персидского слова, но и для правильного и единообразного отражения их в толковых и переводных словарях персидского языка.

Арабские заимствования широко используются при образовании персидской терминологии. Как показывают общие наблюдения, слова или словосочетания, обозначающие понятия или предметы специальной области знаний или деятельности и называемые обычно персидскими терминами, как и обычные лексические единицы, предположительно, составляют не менее 50 процентов терминологического состава персидского языка

Функционирование арабизмов в качестве однословных терминов и в составе терминов-словосочетаний облегчает выражение понятий, относящихся к мусульманскому миру. Это касается не только терминов вообще, но и терминов, выражающих исламские религиозные и политические понятия, о которых говорится в заглавии данной статьи. Вполне очевидно, что этому очень способствует наличие арабских слов в составе персидской терминологии.

Г. Н. СЕИДОВА

КУЛЬТУРНЫЕ И НАУЧНЫЕ СВЯЗИ ИРАНА И ДАГЕСТАНА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Иран — одна из крупнейших и динамично развивающихся стран Ближнего Востока. С образованием независимых государств Закавказья и Средней Азии его роль в регионе значительно возросла. Дагестан является уникальным полиэтническим регионом, отличающимся интенсивностью межнациональных отношений. На материальную и духовную культуру нашего региона решающее влияние оказал тот фактор, что в ходе своего исторического развития он оказался в тесной связи с Ближним Востоком, мусульманским миром. Для Дагестана ислам — часть истории, через который он приобрелся к мусульманской культуре.

Особая роль в этих контактах принадлежит древнему городу Дербенту, который благодаря комплексу монументальных фортификационных сооружений, возведённых в эпоху правления иранской династии Сасанидов, включён ЮНЕСКО в список объектов мирового культурного наследия. Само название города персидского происхождения. Взаимовлияние между Ираном и Дербентом осуществлялось на протяжении очень длительного периода. На особую роль этого города в истории ирано-дагестанских взаимоотношений указывает иранский учёный Мохаммад Багир Восог: «... Дербент можно считать местом встречи разных культур, главными вратами между ними, ключом к диалогу цивилизаций в регионе»¹.

Штрихом, характеризующим общность культур двух регионов, является праздник Новруз. Народы, входившие в ареал персидской культуры, отмечали его ещё в доисламскую эпоху, но позднее он приобрёл исламскую окраску. Таким образом, культурное взаимодействие приводит к обогащению национальных культур, сохраняя при этом традиции и национальную самобытность.

Внимание к вопросу о взаимоотношениях Ирана с Дагестаном обусловлено принадлежностью республики к району Каспия, который представляет собой северную границу Ирана, из-за чего, по мнению Е. В. Дунаевой, Тегеран всегда уделял должное внимание этому направлению. Исследователь отмечает: «...иранское руководство в своей деятельности уделяет постоянное внимание проведению активной политики в каспийском регионе с тем,

¹ *Восог Мохаммад Багир*. Дербент — город 72 народов. Экскурс в историческую географию Дербента в первые века ислама. // Ирано-дагестанские культурно-исторические связи. — Махачкала: Центр иранистики факультета востоковедения ДГУ, 2006. С. 40.

чтобы обеспечить безопасность своих северных границ и укрепить своё политическое и экономическое присутствие в этом районе»².

Иран постоянно налаживает культурные и духовные связи с нашим регионом. Иранской стороной еще в 2005 г. было высоко оценено состояние культурных взаимосвязей между Дагестаном и Ираном и высказано пожелание углубления всестороннего сотрудничества, основанного на давних исторических связях и общем культурном наследии наших республик.³ Действенным подтверждением этому служит заключение договора о сотрудничестве между Дагестанским государственным университетом и культурным представительством при Посольстве ИРИ в России. Результатом стало создание центра иранистики на факультете востоковедения, активное участие дагестанских студентов на всероссийских олимпиадах по персидскому языку и литературе, выставок иранской миниатюры и каллиграфии в Махачкале и Дербенте и диалог научной общественности двух республик в рамках целого ряда международных научных конференций: «Ирано-дагестанские культурно-исторические связи: история и перспективы развития» (2005 г.), «Современная иранистика на Северном Кавказе», посвященная 75-летию ДГУ в ноябре 2006 года, «Суфизм на Кавказе: история, традиция и изучение» в ноябре 2007 г. в рамках Года великого суфийского поэта Джелаладдина Руми, объявленного ЮНЕСКО, прошедших в Махачкале на факультете востоковедения ДГУ.

При Центре иранистики ДГУ создан лингафонный кабинет для обучения персидскому языку с богатой библиотекой, содержащей литературу на русском, персидском, арабском и английском языке по иранистике. Результатом деятельности Центра стало проведение выставки каллиграфии и современной иранской миниатюры. В рамках международной научной конференции «Ирано-дагестанские культурно-исторические связи» в ноябре 2006 года все её участники посетили могилу выдающегося религиозного поэта XIX в. Мохаммада Таги Дербенди, долгие годы жившего и творившего в Иране. Купол над его могилой был возведен при содействии культурного представительства при Посольстве ИРИ в Москве. Традиционными стали вечера персидской поэзии и проведение иранских национальных праздников. Лучшие студенты-иранисты имеют возможность совершенствовать свои познания по персидскому языку на курсах в Москве и Тегеране. Центр иранистики ДГУ при поддержке культурного представительства организовал курсы по изучению персидского языка и литературы на базе филиала ДГУ в г. Дербент. Курсы вызвали большой интерес не только у преподавателей и студентов, но и городской общественности.

2 Дунаева Е. В. Каспийский регион и Иран. // Исламская революция в Иране: прошлое, настоящее, будущее. М. Институт востоковедения РАН, 1999. С. 129, 136.

3 Ханбабаев К. М. Культурно-религиозные связи Дагестана и Ирана // Ирано-дагестанские культурные — исторические связи. — Махачкала: Центр иранистики факультета востоковедения ДГУ, 2006. С. 146.

Значительную роль в налаживании контактов между разными цивилизациями играет Фонд энциклопедии ислама, учрежденный в Тегеране в 1983 году по инициативе нынешнего духовного лидера страны Сайеда Али Хаменеи с целью расширения знаний об истории, культуре и цивилизации Ирана в других мусульманских странах, о цивилизации иранского ареала и шиизме.

На сегодняшний день в Дагестане действуют 20 шиитских религиозных обществ, в том числе 8 джомма-мечетей, 11 квартальных мечетей и одно религиозное общество без собственного здания мечети. У мусульман-шиитов, являющихся религиозным меньшинством в Дагестане, нет собственных очагов образования и, соответственно, обеспечения их подготовленными религиозными кадрами и литературой. С целью разрешения этой проблемы в 90-х годах более 30 молодых людей из Дагестана были направлены на учёбу в религиозные центры Ирана — города Кум, Мешхед, Тегеран. Студенты из нашего региона обучаются в основном в медресе «Имам Хомейни», а также в других, входящих в состав «Всемирного центра исламских наук» в Куме: «Аль-Махди», «Аль-Муминийа», «Аль-Худжатийа», «Шарафоддин», «Шахабийа», «Мар’ашийа». Мусульмане из Дагестана получили возможность совершать паломничество (зиярат) к одной из наиболее почитаемых шиитских святынь — могиле восьмого имама Резы в Мешхеде и его сестры, св. Фатимы (Мясумы) в Куме. По данным Джомма-мечети Дербента весьма значительная часть жителей города и его окрестностей смогли поклониться святым могилам и совершить соответствующие ритуалы.

Важнейшим звеном в культурных и духовных связях Ирана и юга России, в частности, Дагестана, является персидский язык. Немалую роль в подготовке квалифицированных кадров преподавателей этого языка играет принятая правительством Ирана программа, в соответствии с которой преподаватели и студенты из зарубежных стран могут проходить подготовку в ИРИ. В начале 2002 г. впервые в нашей стране были организованы Международные курсы по персидскому языку и литературе, учрежденные культурным представительством при Посольстве ИРИ в РФ и Институтом стран Азии и Африки при МГУ имени М.В. Ломоносова. На этих курсах совершенствуют свои знания в области персидского языка и литературы сотрудники и студенты российских востоковедческих центров и вузов Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Новосибирска, Астрахани, Махачкалы и других городов.

Современные исследования по иранистике, персидскому языку и литературе, истории, культуре, искусству Ирана стали особенно актуальны в свете активизации ирано-дагестанских отношений в последние годы. Руководство ИРИ придает большое значение распространению персидского языка в зарубежных странах, особенно в тех, где когда-то использовался этот язык

и еще сильны традиции классической иранской культуры. В полной мере это относится к городу Дербенту.⁴

Упрочению культурных взаимосвязей, взаимопониманию, сближению народов содействует Центр по изучению России, Центральной Азии и Кавказа в Тегеране под руководством доктора Мехди Санаи. Деятельность Центра направлена на развитие научных и культурных контактов с академическими учреждениями региона и имеет целый ряд направлений, включающих исследования по иранистике, издательскую деятельность, проведение научных конференций по разнообразной тематике, содержание специализированной библиотеки и Интернет-сайта. Доброй традицией стал диалог научной, культурной и религиозной общественности Ирана и Дагестана.⁵ История взаимоотношений наших стран и регионов дает множество примеров и длительных периодов истории, когда происходил процесс взаимообогащения наших народов в условиях мира взаимопонимания. Мы не раз обращались к теме давних и устойчивых связей между одним из древнейших городов мира Дербентом и Ираном. Ирано-дагестанские культурно-исторические связи, уходящие корнями в раннее средневековье, выдержали проверку временем и динамично развиваются.

---

4 Сеидова Г.Н., Юсуфов М.Г. Роль иранских религиозных образовательных центров в деле подготовки священнослужителей для шиитской общины Дагестана // Материалы Международного семинара «Социально-политические изменения в России за последние десять лет» (27–28 февраля 2001 г.). Тегеран, 2001.

5 Сеидова Г.Н. Духовное взаимовлияние Ирана и Юга России (на примере распространения шиизма в Дербенте и его округе) // Россия—Иран: диалог культур. М. 2006. С. 122–128.

С. Э. ТАЛЫБОВА

ВЫБОР ТЕКСТА НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ ПЕРСИДСКОМУ ЯЗЫКУ

Иностранный язык это дополнительное «окно в мир», непосредственный доступ к ценностям мировой культуры, к культурным ценностям страны изучаемого языка: ее истории, географии, науке, литературе, искусству. человек, изучая иностранный язык, лучше понимает языковые особенности своего родного языка, своей национальной культуры и традиции принятые у себя дома — в семье, в своей стране.

Известно, что люди живут не в одиночку и не обособленно, соответственно вырабатывается сложная система из «правил игры» совместного сосуществования, которая является социально приемлемыми и допустимыми. Эта система «правил игры» или «социальных конвенций» со временем вырабатывает определенные традиции и обычаи коллективного сосуществования и взаимодействия людей, которая и называется культурой. Задачи «правил игры» решаются в рамках процессов познания, осмысления и накопления социально значимой информации, происходящих в областях философии, религии, науки и искусства через язык. Культура включает в себя подсистемы социальной коммуникации и трансляции социального опыта от поколения к поколению (т.е. воспроизводства общества как социокультурной целостности и личности человека, как адекватного члена этой целостности). Сюда относятся вербальные и невербальные языки, которыми пользуются люди, системы письменности и книгоиздания, институты образования и воспитания, художественная культура, массовые средства информации, а также ряд подсистем, с помощью которых осуществляется накопление, хранение и распространение социально значимых знаний и «культурной памяти» сообщества (архивы, библиотеки, музеи, клубы и др. организации просвещения). Совокупность традиций, нравов и обычаев и есть культурная политика общества по отношению к его членам, только реализуемая в обыденной сфере социального бытия.

Постижение иностранного языка дает возможность познать чужую культуру и вносит вклад в развитие таких мыслительных операций, как сопоставление, анализ и синтез.

Когда студент входит «в первый раз на первый курс» для изучения персидского языка, он еще не знает каков этот язык, который он будет изучать. Как это бывает зачастую, выбор восточного языка производится вне желания того или другого абитуриента. Соответственно наша **самая главная** задача продемонстрировать «красоту и мелодичность» персидского языка и

создать **атмосферу** «готовности для восприятия» этого прекрасного восточного языка. В этой ситуации студенты равноценны «новорожденным детям», которые еще не начали говорить и задача довести их до уровня дошкольного возраста, когда дети, не зная никаких грамматических правил и исключений из правил, практически говорят правильно. Если для создания желания, интереса и «атмосферы изучать язык» нам необходимо максимум 1 час, для подготовки студентов — «семнадцатилетних новорожденных» до уровня владения языком дошкольного возраста, необходимо как минимум 1,5–2 месяца. Уже через неделю студент должен уметь приветствовать *salām* и говорить *esm-e man Tānyā-st, pas esm-etān* «меня зовут..., а вас...», *emruz šešom-e septāmbri-ast* сегодня 1–5 сентября... знать пословицу *divār muš dārad, muš quš dārad* и у стен есть уши. При этом необходимо давать перевод фраз и пословицы не в целом, а каждого слово, и как бы невзначай, в игровой форме обыграть отдельные слова из пословицы:

divār — *in divār-ast* (это стена).

muš — *dar kelās muš nist* (в классе нет мыши).

dārad — *Tānyā māšin dārad* (у Тани есть машина).

quš — *Ivān quš dārad. u do quš dārad* (у Ивана есть ухо, у него два уха).

Затем каждое предложение обыграть интонационно, т. е. произнести эти предложения вопросительной и утвердительной интонацией. Называя лексику — предметы, которые находятся в окружении студентов потренироваться *in kist? In Tānyā-st. Tānyā ketāb... dārad?* Эти маленькие фразы важны, но для «студента-максималиста» мало. Наша аудитория спешит. Ведь они «владеют» английским, а иногда и французским языками. Они считают себя опытными в изучении иностранного языка.

Сегодняшняя аудитория отличается от вчерашней. Сегодня действительно приходят студенты уже «владеющие» одним из западных языков. Часто в аудитории бывают студенты, которые неоднократно проходили обучения английскому языку в школах за рубежом. И именно их надо заинтересовать и им показать, что мы можем учить. Любое обучение основывается на текстовой материал, несущий информацию как о лингвострановедения страны изучаемого языка, так и о грамматическом строе языка. А именно:

— об истории и культуре страны;

— о многовековых традициях и обычаях;

— о религии...

Этот список можно было бы продолжить, но мы их рассмотрим в порядке выбора текста, что имеет большое значение в изучении любого иностранного языка.

За последние 10 лет, примерно в 5 группах я начинала обучению персидского языка. С первых же дней начиналась работа «вслепую» по изучению языка. Наравне с изучением графики и произношения букв, короткими фразами, я диктую отрывки из сказки и прошу студентов писать «кому как удобно», при этом ненавязчиво предлагаю придерживаться транслитерации в латинице и даю транскрипции звуков. Так, самым первым я ввожу стихот-

ворение Аббаса Йамани «Книга»:

Man yār-e mehrabānam dānā-vo xošbayānam // Я (твой) милый друг, говорю мудро и красиво

miguym soxan-e farāvān... bā ān-ke bizabānam // При том, что нет языка говорю я много

bar moškeli-ke dāri moškelgošāy-e ānam // Любую твою трудность легко разрешу

pandat dāham farāvān man yār-e panddānam // Дам тебе советов много, я друг-советчик

man dusti honarmand bā sud-o bizabānam // Я искусный друг полезен и не опасен

až man mabās qāfe l man yār-e mehrabānam // Не сторонись меня, я твой милый друг

Не сложное и простое для запоминания это стихотворение, в качестве дидактического материала дает возможность объяснить и закрепить:

— структуру слова — простое: *yār, soxan* и сложное: *moškelgošāy*

— некоторые виды синтаксических средств связи:

изафетную: *yār-e mehrabān, soxan-e farāvān*

копулятивную *dānā-vo xošbayān, bā sud-o bizāyān*

предложную *až man,*

употребление глагола связки в первом лице — *mehrabānam* я (есть) милый; *xošbayānam* — я (есть) красиво излагающий т.е. рассказывающий; *bizabānam* — я (есть) без языка, *ānam* — я (есть) тот самый, — *panddānam* я (есть) советчик.

Затем берется сказка خانهای برای کاغذ سفید («Дом для белой бумаги»), где фактически идет диалог между бумагой и разноцветными карандашами. Примерно на заучивание этой сказки уходит 3–4 недели, ровно столько, сколько уходит на изучения букв и графики. Однако, параллельно штудирова новые буквы, аудитория уже предлагает для примера к той или другой буквы «знакомые слова» и с чувством гордости приводит примеры, пишет в графике слова из сказки. Фактически, одолевая алфавит, студенты уже владеют 500–550 лексической единицей в совокупности (из обязательных текстов практического курса и сказки). Как контрольный текст для проверки навыков чтения в аудитории предлагается простой текст اعتصاب رنگها («бунт краскою»). В этом рассказе краски спорят, какая из них лучше. Аудитория «счастлива», она сумели прочитать незнакомый текст, а самое главное «психологическое воздействие» — все понятно. В действительности, сказка в картинках на 10–12 страницах, как дерутся карандаши и на каждой странице небольшой описательный текст в нескольких коротких и простых предложениях. А на дом задается новый рассказ نازنین («Назанин») для подготовки чтения небольшого отрывка. Надо отметить, что текст уже третьего рассказа по счету, практически совпадает в лексическом плане с первым. Здесь тоже разноцветные карандаши. Каждый карандаш ждет своей черед, чтоб Назанин вспомнила бы о нем и взяв раскрасила бы свой рисунок.

В итоге, уже на исходе 2 месяца аудитория в состоянии разбирать несложный текст самостоятельно, закрепляя лексику, которую она вызубрила «вслепую», теперь сознательно узнает, не требует перевода, т. к. интуитивно она понимает, о чем идет речь. Конечно, по ходу чтения нового рассказа появляется новая лексика и начинается работа со словарем. Такой вид работы заинтересовывает студентов, вселяет им уверенности, что язык не сложный, мелодичный и легко запоминается, но необходима ежедневная самоподготовка.

Таким образом, на экзамен I семестра выносятся 4–5 рассказов, 6 коротких притч, 4–5 стихотворений: Аббас Йамани کتاب, Рахеле Лари کتاب, Наим Ширази انار, Шахин Рахнема سيب سرخ زندگی и в целом аудитория владеет около 1800–2000 лексическими единицами, что дает возможность описать картину за окном, рассказать каким способом добирался до института, описать картины — дидактический материал с разной тематикой: дом — этаж, комнаты, столовая, спальня, кухня, кабинет и утварь в этих комнатах; одежда — мужская и женская, зимняя и летняя, животные — домашние и дикие, поход по магазинам, беседа по телефону, и т. д. При рассказе студенты используют в речи клишированные фразы из этих рассказов, которых выучили наизусть, таких как همان که گفتم «я сказал и все», تو اشتباه می کنی «ты ошибаешься», چه کار باید کرد «что надо сделать», قیمت مواد غذایی بالا رفت «продукты питания подорожали» и др.

Надо отметить, что в иранской детской литературе придается особое значение социокультурной информации на простом языке. Ясность и точность в рассказах для детей, имеют особое значение и в этих простых рассказах есть традиции и обычаи, формулы вежливости, описания реальной жизни, возможно иногда на основе простой лексики, но на грамматически правильном языке. Опираясь на свой личный опыт, хочется подчеркнуть, что работа на основе простых рассказов из иранской детской литературы дает очень большой толчок, как для развития чтения и устной речи, так и для закрепления несложных грамматических правил. И уже к концу I семестра можно общаться с аудиторией на персидском языке, правда, используя несложные обороты и простые предложения. А самое главное при объяснении грамматических правил можно дать самостоятельную работу: найти в тексте словосочетания и назвать вид связи, выписать из текста слова во множественном числе, назвать сложные глаголы и так далее

В плане закреплении грамматических правил очень полезны пословицы и поэтические строки из (состоящие из одного бейта) классической персидской литературы. Так например **употребление глагола в инфинитивной форме** наглядным примером является бейт Саади (поэт XIII в.):

خوردن برای زیستن و ذکر کردن است   تو متعقدی که زیستن از بهر خوردن است

Едим, чтобы жить и мыслить = Ты убежден, что живем из-за того, что едим.

В другом бейте этого великого поэта хорошо просматривается употребление одного и того же глагола в утвердительной и отрицательной форме настоящего времени:

می‌ترسم از کسی که نمی‌ترسد از خدا

Боюсь я Бога и никого более

می‌ترسم از خدا و نمی‌ترسم از کسی

Боюсь, того кто не боится Бога

Для объяснения повелительного наклонения обычно изучается стихотворение «Наставление сыну» *نصیحت به فرزند خود* великого поэта XX в. Ираджа Мирзы.

В каждом бейте этого стихотворения присутствует глагол в повелительном наклонении: *پشنوزیدر* послушай отца, *یاد بگیر* запомни, *پرهیز* *ز خواب سحرگهان* не спи долго по утрам, *رو خشک کن* вытри лицо, *را نظر کن* *شانه بزَن به زلف* причеши волосы, *چرکین مگذار* не оставляй грязными, *پاکیزه لباس خود بپوش* одевайся аккуратно и т. д.

Надо отметить, что в детской литературе широко изучаются произведения классиков, и отдельные бейты обычно употребляются в речи как крылатые выражения или пословицы. В толковых словарях примеры из классической литературы часто используются для объяснений значений приведенной в статье лексики. Соответственно эти бейты не только тренируют память студента, закрепляют грамматические правила на примерах, но и обогащает его минимальный лексический запас.

В иранской детской литературе придается особое значение языку изложения. Являясь искусством, детская литература тесно связана с педагогикой, и призвана учитывать возрастные особенности, возможности и потребности юных читателей, так как на этих произведениях ребенок учится правильно и красиво говорить. Книги, написанные для детей, способствуют в малышах интерес и вкус к знаниям. И надо отметить, что в действительности из-за простоты содержания, из-за легкости изложения и восприятия, «взрослые дети» с удовольствием заучивают незамысловатые фразы, что дает им возможность очень быстро общаться и высказывать свои мысли на персидском языке.

По этим рассказам довольно легко привлечь внимание студентов на ритмико-интонационную структуру языка, знакомить фразеологическими словосочетаниями и объяснять грамматику персидского языка, которая на первом этапе обучения требует особые усилия. Представляется, то, что доступно для детского внимания, должно быть легко и доступно для запоминания «взрослым детям» изучающим язык с нуля.

Необходимо отметить, что сказки и рассказы из иранской детской литературы используются только на первом курсе. Начиная со второго курса используется проза современных иранских писателей из серии *ادبیات معاصر بر گزیده ایران*. Эта литература дает возможность знакомиться с современным языком с элементами тегеранского диалекта. На 3 курсе студенты знакомятся с произведениями классиков таких как Б. Алави, Х. Шахани, И. Фасих, С. Хидаят и других авторов. В настоящее время на 4 курсе изучаются *داستان* Шахнаме. В этом сборнике собраны лирические темы из Шахнаме с оформлением поэтических строк великого Фирдоуси.

Надо подчеркнуть, что работа с художественными произведениями, идет наравне с обязательным практическим курсом, где методически предус-

мотрены поэтапное изучение грамматических тем с текстами. Однако, параллельная работа обязательной программой и художественной литературы, дает свои результаты. И если на первом курсе, в первом семестре я учу студентов и могу сказать, что я учу, однако последующие годы фактически идет обучения с учетом осложнения материала из года в год.

Известно, что язык каждого народа важный фактор его национального характера. Иранская детская литература в этом плане является «хранительницей» традиций и зеркалом искусного употребления «слова» и тем самым принимает активное участие в формировании речи подрастающего поколения через простую и высокохудожественную литературу. В этих произведениях придается особое значение именно языку изложения. Язык здесь грамматически правильный и литературный. Как и должно быть в этих произведениях все красиво, просто и ясно. Ребенок на таких сказках учится правильно и красиво говорить. Соответственно, использование этих произведений в аудитории дает возможность студенту не задумываясь сказать «иду проведать бабушку» *برای دیدار به سراغ ننهام میرم* или «сейчас посмотрю как там мои рыбки» *بسراغ ماهی هایم رفتم* он выберет одно и то же слова *سراغ*, т.к. знает по сказкам, что «пошел повидать друга» — необходимо сказать *برای دیدار به سراغ دوستش رفت* и в этой же сказке и рыбак и охотник идут проверить свои снасти: *شکارچی بسراغ ماهیهایش رفت // شکارچی بسراغ تورش رفت* именно с употреблением лексической единицы *sorâq* *سراغ*. Согласно словарю *sorâq* *سراغ* имеет значения: 1) поиски, розыски, наведение справок; 2) сведения, данные, справки, однако в этих предложениях не переводится, но придает речи особый колорит — персидский характер речи. Наглядное употребление этой и такого рода другой безэквивалентной лексики в контексте, хорошо запоминается из-за своей простоте использования и входит в активное употребление речи с готовыми конструкциями, которые часто встречаются именно в детской литературе.

Детская литература богата выразительными устойчивыми словосочетаниями и фразами, которые очень легко запоминаются в контексте:

Бахویی و خوشی کنار هم زندگی کردن ...

می توانیم به کمک هم هر مشکلی را حل کنیم....

حالا خیلام راحت شد ...

Я вхож к ним.... می گردم...

В тот самый момент ... در همان فرصت کوتاه ...

События здесь не завершились... موضوع در اینجا پایان نیافت...

Когда это произошло... وقتی که این وضع پیش آمد...

В последнее время отмечается активное употребление энклитики 3-го лица единственного числа как в речи, так и в литературе, которая при переводе имеет не всегда логическое объяснение значения. Например: اگر همیشه پی بهانه می گشت... (Они) всё искали причину. *راستش را نخواهید* Если хотите знать правду... *تحویل می دانند* Они все говорили «будет сделано». *آخرش به توافق نرسید بودند*. В общем, они не пришли к согласию.

Язык в любом его проявлении отражает дух народа, содержит в себе информацию об устройстве мира. Учитывая естественные нюансы, присущие только одному этому/данному языку, работа по обучению иностранному, в частности персидскому языку с детской литературой дает возможность студенту «разговориться», что очень важно для преодоления барьера говорения на иностранном языке. В иранской детской литературе, как было уже отмечено, просто и доступно находят свое отражения традиции обращения младших к старшим, что в нашей теоретической литературе называются «вежливые формы общения», согласование подлежащего и сказуемого и их место в предложении. Эта литература является практически наглядным пособием в натуре по употреблению простых двухкомпонентных свободных и фразеологических словосочетаний с различными синтаксическими связями. При сопоставлении двух русского и персидского языков легко объясняется эквивалентная и безэквивалентная лексика.

Опыт работы позволяет сказать, что работа на основе детской литературы дает существенный результат на начальном этапе обучения персидскому языку и формированию практической речи, прививанию вкуса «постижению персидским языком». Текстовый материал детской литературы дает возможность за короткий срок прочитать большое количество рассказов. Так, например, разобрав и выучив *خانه برای کاغذ سفید* на протяжении четырех недель, удастся прочитать до конца первого семестра еще 4–5 такого рода рассказов: *ما را هم نقاشی کن* «нарисуй нас тоже», *اعتصاب رنگها* «бунт краской», *بهترین رنگ* «наилучшая краска», *نازنین* «Назенин», *کودک و باران* «ребенок и дождь», просмотреть и отработать диафильм «Цветик-семицветик» наравне с обязательной программой по практическому курсу персидского языка. Маленькие по объему, простые по содержанию и изложению стихи и тексты при работе над практическим вводно-фонетическим курсом должны доминировать, так как это работа с живым языком.

НУГЗАР ТЕР-ОГАНОВ

**ПИСЬМО Н. Г. ГАРТВИГА
К. Н. СМИРНОВУ КАК ЦЕННЫЙ ИСТОЧНИК
ДЛЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ АНГЛО-РУССКИХ
ОТНОШЕНИЙ В ИРАНЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Историческое противоборство между Англией и Россией за преобладание в Азии и, в частности, в Иране, приняло острейший характер в конце XIX в.

Продвижение России в Средней Азии в сторону афганской границы, а затем предпринятые ею попытки военно-политического, а также экономического проникновения на Юг и юго-восток Ирана — в неоспоримую сферу британских интересов, вызывало серьезное беспокойство у англичан. В английских политических кругах любая попытка военно-экономического проникновения в район Персидского Залива рассматривалась как весомый повод для объявления войны (*casus belli*).¹

В сложившейся ситуации англо-русские отношения могли принять драматический характер. Как ни парадоксально, но снижению нарастающей напряженности объективно способствовали русско-японская война и поражение России в этой войне, а также революция в самой Российской империи (1905–1907 гг.), в результате которых престиж России в странах Востока стал стремительно падать. А начавшаяся под воздействием этих двух событий конституционная революция в Иране (1905–1911 гг.), острие которой было направлено, главным образом, против царской России, и которой, как подтверждают многочисленные русские архивные источники, ловко воспользовались англичане, значительно ограничила русское влияние в этой стране.

Вместе с тем следует признать, что ни поражение России в войне с японцами, ни революционное движение в этой стране, ни активное участие кавказских социал-демократов против шахского режима, не смогли бы сильно повлиять на ограничение русского влияния в Иране, если бы не подписанное 31 августа 1907 г. англо-русское соглашение о разделе сфер влияния в Тибете, Афганистане и Иране. Как свидетельствует история англо-русских отношений в Иране, данное соглашение роковым образом повлияло на положение России в этой стране и, по существу, стало мощным юридическим документом, не только сдерживающим расширение русского влия-

1 *Browne E. G. The Persian Revolution of 1905–1909. L., 1966. С. 109.*

ния в Иране, но и фактически подготовившим свержение прорусски настроенного режима Мохаммад Али-шаха. Кстати, этот документ, подписанный самим министром иностранных дел России А. П. Извольским, известным своим «англофильством», лег в основу последующих англо-русских договоров по персидскому вопросу, в частности, по вопросу об отречении Мохаммад Али-шаха от трона.

Так как позиция шахского двора и самого шаха (как Мозаффар эд-Дина (1896–1906)), так и его преемника Мохаммад Али-шаха (1907–1909)) была русофильской, то для ограничения русского влияния в Иране англичане сделали ставку на поддержку конституционалистов — противников шахского режима. При таком раскладе сил руководить русской дипломатической миссией пришлось новому посланнику Николаю Генриховичу Гартвигу.

Необходимо напомнить, что задолго до подписания англо-русского соглашения 1907 г., опасаясь усиления Германии в Европе, в российской внешней политике наметилась тенденция сближения с Англией. Данным обстоятельством можно объяснить тот факт, что в 1906 г. тогдашний министр иностранных дел России В. Н. Ламздорф стал уверять своих английских коллег в том, что Россия не ставит перед собой экспансионистские цели в Иране. В подтверждение этого с поста посланника в Тегеране был немедленно снят известный своей анти-британской позицией А. П. Шпейер. Тем временем на смену В. Н. Ламздорфа пришел более проанглийски настроенный А. П. Извольский. Последний и назначил на пост посланника Николая Генриховича Гартвига. Как утверждает американский исследователь Ванесса Мартин в своей статье «Гартвиг и русская политика в Иране, 1906–8», Н. Г. Гартвиг считался креатурой Извольского. Тем не менее, по утверждению В. Мартина, Н. Г. Гартвиг был уверен в том, что конституционное движение было инспирировано англичанами для подрыва позиций шаха и использования улучшения отношений с Россией для установления пробританского режима в Иране². Между прочим, аналогичного взгляда придерживался и бывший посланник России в Иране И. А. Зиновьев. «Англичане, — пишет он, — никогда не могли примириться с нашим преобладающим влиянием в Тегеране и в возникшей в Персии революции они усмотрели средство поколебать наше влияние и устранить Мохаммад Али-шаха, коему они не могли простить его руссофильские чувства»³.

В исследованиях по истории конституционного движения в Иране, а также англо-русских и русско-иранских отношений немало строк уделено отдельным фактам деятельности русского посланника Н. Г. Гартвига, однако в них вряд-ли можно найти сведений о личности посланника, о его дипломатической карьере, личных качествах и семейном положении, а также

2 *Vanessa Martin*. Hartwig and Russian Policy in Iran, 1906–8 // *Middle Eastern Studies*, Vol. 29, No. 1, January 1993. С. 3–4.

3 *Зиновьев И. А.* Россия, Англия и Персия. СПб., 1912. С. 7.

о многих других аспектах его деятельности, о которых молчат архивные материалы.

Следует заметить, что этот пробел в некоторой степени восполняют «Записки воспитателя персидского шаха. 1907–1914 гг.», составленные штабс-капитаном Константином Николаевичем Смирновым⁴, который в июне 1907 г. по распоряжению Штаба Кавказского военного округа был направлен в Тегеран в качестве воспитателя наследника престола Солтан Ахмад-мирзы. Самое интересное заключается в том, что инициатором создания данной вакансии был никто иной как сам российский посланник Н. Г. Гартвиг. Как известно, за время своей служебной командировки в Иране К. Н. Смирнов постоянно находился в непосредственном подчинении российского посланника. О его деятельности в Иране мы рассказали в нашем обширном предисловии к упомянутым «Запискам»⁵, так что нет необходимости повторяться, отметим лишь тот факт, что К. Н. Смирнов, в силу возложенных на него функций, был близко знаком не только с самим Г. Н. Гартвигом, но и с его семьей. Как выясняется из «Записок», К. Н. Смирнов находился в курсе всех дел, имевших место в повседневной жизни дипломатической миссии. Следовательно, сведения автора о деятельности русского посланника в Иране Н. Г. Гартвига могут представлять определенный научный интерес.

В своих «Записках» К. Н. Смирнов дает краткую, но весьма насыщенную информацию из биографии посланника. Согласно ему, «Николай Генрихович Гартвиг был сын врача, служившего в Гори»⁶. Он окончил университет и сделал карьеру исключительно благодаря своей голове. Это был скорей петербургский чиновник, чем дипломат того типа, который, пройдя курс привилегированного учебного заведения, затем обращается в космополита, прослужив по несколько лет в Китае, Норвегии, Америке и т. п.»⁷. До своего назначения на пост посланника, Н. Г. Гартвиг занимал важную должность Начальника Азиатского департамента МИДа России, и, несмотря на свое немецкое происхождение, выделялся своим искренним патриотизмом, и, как замечает К. Н. Смирнов, он «был чисто русский посланник старой, крепкой, националистической России»⁸.

Что касается семейного положения, от первого брака он имел дочь — Людмилу Николаевну, которой к моменту его поездки в Тегеран, было около 20. Согласно К. Н. Смирнову, она «была образованная, хорошо вла-

4 «Записки» хранятся в архиве Института рукописей им. акад. К. Кекелидзе: ф. 39 (К. Н. Смирнов), л. 11–16. Записки с приложениями были опубликованы нами в 2002 году. См.: *Смирнов К. Н.* Записки воспитателя персидского шаха. 1907–1914 годы (с приложениями). Под научной редакцией Н. К. Тер-Оганова. «Иврус», 2002.

5 См.: *Смирнов К. Н.* Записки воспитателя персидского шаха. С. 4–14.

6 Городок в Восточной Грузии, где родился И. В. Сталин.

7 Институт рукописей им. акад. К. Кекелидзе АН Грузии, ф. 39, л. 11, л. 6 об. (далее: «Записки К. Н. Смирнова. Персия»).

8 Записки К. Н. Смирнова. Персия. Введение, л. 7.

дела английским языком и довольно милая, когда этого хотела». Н. Г. Гартвиг перед самым назначением на эту должность, женился на разведенной жене Фон-Визина, автора «Романа Вице-Губернатор» — Александре Павловне Карцевой. По описанию К. Н. Смирнова, «она была в возрасте близком к 50 годам, но все еще очень красивая и эффектная», имела в прошлом много увлечений, и согласно молве, была в близких отношениях с Великим князем Николаем Николаевичем. Как и следовало ожидать, она была яркой монархисткой и «с персами этого направления была в очень хороших отношениях, демонстративно ведя себя против сторонников конституции»⁹.

Как свидетельствуют «Записки», Н. Г. Гартвиг не покладая рук трудился для поддержания престижа русской миссии в Тегеране и не останавливался перед долгами и многочисленными затратами для широкой представительной жизни. В свою очередь, посланница была под стать своему супругу и, как пишет К. Н. Смирнов, «в мотовстве не отставала от него и русская миссия того времени была гостеприимным домом, привлекавшим к себе иностранцев. Нигде так весело не проводили время, как в русской миссии и никакая другая миссия не могла сравниться в широте...»¹⁰.

Однако, вопреки стараниям Н. Г. Гартвига по сохранению русского престижа в Иране, благодаря позиции, занятой англичанами в вопросе конституционного движения, деятельность К. Н. Смирнова в этом направлении, по его же признанию, оказалась «слишком непосильной». С другой стороны, шла активная подготовка для подписания англо-русского соглашения. На фоне наметившегося сближения сторон, продолжение прежней политики в Иране для русской миссии оказалось непосильной задачей. Назначение русского офицера на должность воспитателя наследника персидского престола ставившее своей целью — расширение русского влияния при шахском дворе, по справедливому замечанию К. Н. Смирнова, «уже не соответствовало моменту, когда приближалась русская революция и падала Великая Россия прежнего режима. Поэтому мои действия, — как указывает К. Н. Смирнов, — встречали оппозицию персов и не удалось достигнуть желаемых результатов»¹¹.

Подписание англо-русского соглашения 1907 г. в угоду стратегическому сотрудничеству двух стран в будущей Мировой Войне стало тем камнем преткновения, благодаря которому и был приостановлен рост русского влияния в Иране. Исходя из монархической природы самодержавия, в жестком противостоянии конституционалистов с шахским режимом, она могла занять лишь прошахскую позицию. Поэтому, как пишет К. Н. Смирнов, «в Петербурге все еще измеряли степень нашего влияния близостью ко Двору»¹².

9 «Записки К. Н. Смирнова. Персия». Введение, л. 7.

10 Там же, л. 7 об.

11 Записки К. Н. Смирнова. Персия. Предисловие, л. 2 об.

12 Там же. Введение, л. 5 об.

Следует сказать, что так думал не только К. Н. Смирнов. Такого же мнения придерживался и бывший командир Персидской казачьей бригады полковник Ф. Г. Чернозубов, предшественник известного полковника В. П. Ляхова. В личном разговоре с К. Н. Смирновым полковник Ф. Г. Чернозубов сказал следующее: «Вы думаете, что действительно персам нужен воспитатель Наследника? Ничего подобного! Просто в Петербурге измеряют степень нашего влияния такими фактами, как наличие русских инструкторов, русского доктора и т. п. Вот Посланник придумал еще русского воспитателя к Наследнику и в Петербурге за это будут им очень довольны»¹³. Следует заметить, что сама мысль о русском воспитателе возникла у Мохаммад Али-шаха, как доказательство его преданности русским, чем и воспользовался русский посланник и исполнил пожелание шаха. Однако, позднее узнав о приезде воспитателя в Тегеран, Мохаммад Али-шах испугался своего опрометчивого шага поскольку «уже многие стали осуждать его за руссофилизм»¹⁴.

Несмотря на подписание англо-русского соглашения, русская миссия продолжала оставаться на своих прежних позициях. В то время как А. П. Извольский всячески поддерживал соглашение, Н. Г. Гартвиг по-прежнему саботировал его. Отсюда и та безоговорочная поддержка Мохаммад Али-шаха и участие в антиконституционном, дворцовом перевороте 10/23 июня 1908 г. Несмотря на успех переворота, конституционное движение все же не удалось подавить и, как отмечает К. Н. Смирнов, «англичане в это время уже не обращали внимания на наши шаги при Дворе и устраивали дела через конституционную партию. Когда слабела конституционная партия, англичане поддерживали ее и приняли меры, чтобы наша поддержка Персидского Шаха ни к чему не привела»¹⁵.

Поскольку обострение отношений с Англией не входило в планы А. П. Извольского, то в МИДе стали серьезно подумывать о смещении строптивного посланника. По настоянию английской стороны, Н. Г. Гартвиг в середине ноября 1908 г. был смещен с поста посланника и отозван в Петербург. Тем самым, как пишет К. Н. Смирнов: «англичане резко оборвали развитие русского престижа в Тегеране и служба русских в Персии потеряла часть своего *raison d'être* [причину существования, пребывания — Н. Тер-Оганов]»¹⁶. В этой связи, можно высказать предположение, что и назначение на должность Временного Поверенного в делах в Тегеране молодого, неопытного и слабохарактерного Е. В. Саблина, женатого на американке (согласно К. Н. Смирнову, «Кто она была такая — никто толком не знал, но ясно было, что брак этот для дипломата был неподходящ и вреден для русских интересов») не было случайным. Следует заметить, что Е. В. Саблину было реко-

13 Там же, л. 5 об.—6.

14 Записки К. Н. Смирнова. Персия. 1907 год, л. 17.

15 Записки К. Н. Смирнова. Персия. Введение, л. 6.

16 Там же, л. 8 об.

мендовано «соображаться с указаниями Английского Посланника, как старшего коллеги. Лучшей комбинации, — замечает К. Н. Смирнов, — чем опытный уже в персидских делах и человек с характером Барклая и неопытный и слабохарактерный Саблин для английских интересов в Персии нельзя было и придумать. Так угодно было Извольскому. Во время Гартвига произошел разгром меджлиса, при Саблине произошло свержение Мохаммад Али-шаха»¹⁷.

Таким образом, в угоду английским интересам Н. Г. Гартвиг был отозван из Ирана. Активность конституционалистов, странная инертность консульских служб России в деле предотвращения проникновения вооруженных кавказских социал-демократов в Иран и завуалированный отказ русского правительства от поддержки Мохаммад Али-шаха, а затем и отречение шаха от трона, без сомнения, можно считать достижением английской дипломатии. Что касается дальнейшей судьбы Н. Г. Гартвига, то он «впав на время в немилость», позднее снова понадобился на этот раз на Балканах, в качестве посланника в Белграде.

Предлагаемое ниже письмо Н. Г. Гартвига, датированное 2 августа 1909 г., и адресованное К. Н. Смирнову¹⁸, относится к тому периоду, когда МИД России решил воспользоваться опытным дипломатом и направить его на Балканский полуостров. Письмо составлено им в тот момент, когда иранские конституционалисты в середине июля 1909 г. уже захватили Тегеран, а Мохаммад Али-шах «сидел в бесте» в русской миссии в Зарганде, что, фактически, было равнозначно его отречению от трона.

Текст письма Н. Г. Гартвига К. Н. Смирнову

*С. Петербург
Адмиралт[ейская]-Набережная. № 12
2 августа 1909.*

*Искреннеуважаемый
Константин Николаевич¹⁹,*

Вы уже, конечно, осведомились о моем новом назначении; судьбе угодно было меня перекинуть на Балканы. Я, само собою разумеется могу только радоваться, что при-

17 Там же, л. 10 об.

18 Рукопись письма была обнаружена нами при исследовании личного архивного фонда К. Н. Смирнова и в дальнейшем была включена в «Приложения» к «Запискам воспитателя персидского шаха. 1907–1914 гг.» — см.: К. Н. Смирнов. Записки воспитателя персидского шаха. 1907–1914 гг. (с приложениями), с. 269–271.

19 Константин Николаевич Смирнов.

илось оставить Персию, где мой образ действий не встречал сочувствия Министра²⁰, признававшего необходимым во всем разделять точку зрения Лондонского Кабинета, потворствующего так называемым «националистам»²¹, а по моему, по-просту разбойникам «товарищам». Если-бы, по несчастью, мне предписано было, как о том говорили еще зимою, вернуться в Тегеран, — то естественно на меня возложили-бы и ответственность за все происшедшее; сказали-бы, что именно моя политика привела страну к полной анархии. Теперь никто не осмелится сделать этот вывод: ибо я, за все мое пребывание в Петербурге, настойчиво твердил, что нам не подобает разрушать Монархический принцип в соседней нам мусульманской стране и что подобострастное выполнение всех английских «комбинаций» неминуемо поведет к потере нашего престижа и разрушению, крушению русского дела в Персии. Что происходит теперь в Персии еще цветочки, ягодки созреют в ближайшем будущем. Я говорил, что в первую голову пойдет — развал бригады²², затем устранение русского Наставника Валиагда²³ — или молодого Шаха, потом русского доктора, русских концессий и т. д. и т. д.! Развал бригады уже совершился; теперь ваша очередь. Медовые дни, когда наглец Сипехдаф²⁴ уверял, что русский Воспитатель останется, прошли. Да и вообще на что им русский Наставник [здесь и далее линия автора письма — Н. Тер-Оганов] молодого Шаха, когда и этот последний будет так или иначе устранен. Встретение Зилли-Султану²⁵ въезда в Персию — было, на мой взгляд, комедией. С него должны были взять хорошую взятку, а затем его же проведут на престол. Как ему не воспользоваться таким единственным случаем захватить власть, которой он добивался столько лет! Это было и целью политики Англичан. Но только они ошибутся в своих расчетах! Зилли-Султан более не будет для них тем, чем был когда-то, и, несомненно, ныне станет, скорее всего, на сторону немцев, для которых

20 Имеется в виду министр иностранных дел России А. П. Извольский.

21 Под «националистами» Н. Г. Гартвиг подразумевает участников конституционного движения в Иране (1905–1911 гг.).

22 Здесь Н. Г. Гартвиг имеет в виду так называемую Персидскую казачью бригаду (1879–1921 гг.), организованную под руководством русских офицеров-инструкторов, которая на всем протяжении своего существования служила интересам династии Каджаров и царской России. Поскольку Персидская казачья бригада являлась по существу орудием военно-политического влияния России в Иране, то англичане всемерно противились ее усилению.

23 Автор письма имеет в виду К. Н. Смирнова — воспитателя и учителя наследника престола Солтан Ахмад-мирзы, провозглашенного в июле 1909 г., вслед за отречением Мохаммад Али-шаха от трона, новым шахом Ирана.

24 Точнее: Сепехдар. Он был одним из крупнейших гилянских феодалов. По стечению обстоятельств, оказался во главе отряда гилянских конституционалистов и кавказских революционеров, социал-демократов, поставивших своей целью свержение режима прорусски настроенного Мохаммад Али-шаха. Согласно сведениям одного из кавказских революционеров, грузина, по кличке «Серго Гурджи», Сепехдар не отличался большим благородством. См.: Чипашвили Г. С. Серго Гамдалишвили («Серго Гурджи») и его иранские дневники. Тбилиси, 1983. С. 65 (на грузинском языке).

25 Зилли-Султан — сын Насер эд-Дин-шаха и дядя Мохаммад Али-шаха Каджара.

мы своей безумной политикой сами подготовили прекрасную арену. Результаты будут ужасны!

Вы — на месте; можете видеть ближе и лучше меня; вероятно, признаете, что я не ошибаюсь! У меня самый пессимистический взгляд на положение дел. И история скажет — кто был прав — я или Министерство²⁶.

Радуясь оставить страну, где я не мог-бы вести русское дело по совести, — я в то же время сожалею, что мне приходится расстаться с моими милыми, дорогими сотрудниками, к которым, конечно, я, прежде всего, причисляю Вас; Вы, более чем кто-либо, знаете, каких усилий мне стоило побороть противного течения, чтобы поставить Воспитателем к Наследнику Шахского Престола — русского офицера и потому поймете, как мне больно видеть разрушение этого важного дела. Вы там не останетесь — это мое убеждение. В крайнем случае, оставляя Наставника, «националисты» Вас сведут на нет, и Вы тогда сами уйдете. Скоро уйдет и Садовский²⁷, первый русский доктор, которого мне удалось ввести во Дворец! Теперь пойдут немецкие инструкторы, английский или немецкий Наставник, разные иностранные доктора и т. д. Но это еще не все. Самое ужасное будет — захват немцами и турками железнодорожных концессий²⁸, которые направляются во фланг Кавказу! Это будет для англичан самым приятным результатом их политики! — Сознавать, что я все это предсказывал — небольшое утешение!

Ну, а пока что Вам предстоит еще некоторая борьба и я искренно желаю Вам здоровья, сил и успеха.

Передайте от меня Ксении Карловне²⁹ самые сердечные пожелания. Я ей душевно признателен особенно за ее всегда дружеское отношение к Люде, которая так искренно к ней привязалась. Спасибо и Вам большое, дорогой Константин Николаевич, за Вашу существенную помощь в моей работе и за Ваше всегда неизменное расположение ко всем нам. Бог даст, мы когда-либо еще с Вами встретимся. Вы-бы меня очень обрадовали, прислав фотографий Ваши и Ксении Карловны; я со своей стороны вышлю Вам свой портрет из Вены, где я намерен сняться.

Быть может, Вы не откажете и в другой просьбе моей: так как я намерен, если у меня окажется свободное время, приготовить замену в Персию, то не забудьте ли Вы Кавказскому Штабу об обещании выслать мне некоторые издания по Ирану. Книги

26 Н. Г. Гартвиг имеет в виду Министерство иностранных дел России.

27 Доктор А. И. Садовский, дворцовый врач Мохаммад Али-шаха. Главным образом, с его помощью из Салтанат-Абада для Мохаммад Али-шаха, севшего в «бест» в русскую миссию в Зарганде, было вывезено большое количество драгоценностей и бриллиантов, не принадлежавших лично шаху.

28 Следует отметить, что Россия была настолько обеспокоена даже мыслью о перспективе строительства железнодорожной магистрали в самом Иране, что дважды: в 1890 г. и 1900 г. накладывала veto, каждый раз сроком на 10 лет, на железнодорожное строительство в этой стране.

29 Ксения Карловна Смирнова (урожденная Кестер) была супругой К. Н. Смирнова.

желательно было-бы направить через Министерство — в Миссию нашу в Белграде. Заранее благодарю Вас за хлопоты.

Еще раз желаю Ксении Карловне и Вам всего лучшего и всякого успеха .

Жена и дочь шлюют Вам сердечный привет.

Искренне Вам преданный

[Подпись]: Ник[олай] Гартвиг

Как видно из содержания письма, Н.Г. Гартвиг продолжал оставаться «англофобом» и противником англо-русского сближения, проводимом министром иностранных дел России А.П. Извольским, признававшим «необходимым во всем разделять точку зрения Лондонского Кабинета, потворствующего так называемым „националистам“, а по моему, — замечает Н.Г. Гартвиг, — по-просту разбойникам „товарищам“»³⁰.

Следует заметить, что в своем примечании к данному письму, написанном в 1933 г., К.Н. Смирнов приходит к заключению (вопреки своей прежней оценке деятельности Н.Г. Гартвига на посту посланника в Тегеране, представленном на страницах его «Записок»), что МИД России поступил правильно относительно отзыва Н.Г. Гартвига из Ирана и что все его пессимистические предсказания, высказанные в письме, не сбились³¹. Однако, если посмотреть на вещи объективно, то невозможно при этом не заметить резкого уменьшения русского влияния в Иране. Предсказать будущее Н.Г. Гартвику, естественно, было не под силу, но уловить тенденцию развития событий — он мог. А тенденция была такова, что иранский меджлис и конституционалисты собирались вывести Персидскую казачью бригаду из-под русского контроля, а в лучшем случае подчинить командира бригады непосредственно иранскому военному министру, что было равносильно потере контроля над бригадой и не входило в русские интересы. Кстати, агитация против бригады продолжалась и в последующие годы, и в дальнейшем, уже в 1920 г., в период полного господства англичан в Иране, привела к отставке всех русских инструкторов из бригады. Что же касается положения русского наставника наследника престола, а также шахского доктора, то в этой связи следует напомнить, что Н.Г. Гартвиг правильно предсказал К.Н. Смирнову возможные ограничения его служебных обязанностей со стороны иранских «националистов». Позднее, только благодаря вмешательству МИДа России, дипломатической миссии удалось сохранить долж-

30 «Записки К.Н. Смирнова. Персия». Предисловие, л. 1об.

31 «Письмо Гартвига, — пишет К.Н. Смирнов, — прочитанное почти через четверть века после его написания приводит к заключению, что в общем Министерство иностранных дел было право, что его отозвало из Персии, но только было не право, что сейчас-же не назначило на его место более опытного и энергичного человека чем Саблин, но в то же время более либерального и гибкого чем Гартвиг. В общем все пессимистические предсказания Гартвига не сбались». См.: *Смирнов К.Н.* Записки воспитателя персидского шаха. С. 271.

ность русского воспитателя, но с одной существенной поправкой — отныне К. Н. Смирнов был лишен эксклюзивного права заниматься воспитанием молодого Ахмад-шаха. Отныне общий контроль над воспитанием наследника престола перешло в руки француза А. Деморни, который до того занимал пост советника министерства юстиции Франции. Следует здесь заметить, что должность русского воспитателя была упразднена сразу после отъезда К. Н. Смирнова из Тегерана, в сентябре 1914 г., вслед за началом Первой Мировой войны.

Не скрывая своей обиды в отношении А. П. Извольского, Н. Г. Гартвиг все беды, ожидающие в будущем Россию в Иране, объясняет просчетом МИДа, в котором пренебрегли его настойчивыми призывами: «не разрушать монархический принцип в соседней нам мусульманской стране и что подобострастное выполнение всех английских „комбинаций“ неминуемо поведет к потере нашего престижа и разрушению, крушению русского дела в Персии»³². Тенденция ухудшения ситуации довлела над бывшим посланником, и потому у него был «самый пессимистический взгляд на положение дел». Отсюда и риторический вопрос, адресованный потомству: «И история скажет — кто был прав — я или Министерство»³³.

Учитывая тенденцию роста английского влияния, а также стремление немцев проникнуть в Иран, используя захват турками некоторых западных, приграничных иранских областей, Н. Г. Гартвиг высказывал опасения по поводу возможного получения немцами и турками железнодорожных концессий, в результате которого весь Кавказ мог быть взят в кольцо. Как показали дальнейшие события, подобные попытки действительно имели место в Иране.

Предпоследний абзац письма интересен тем, что он свидетельствует о роли Н. Г. Гартвига, как опытного дипломата, знатока Ирана, в деле назначения и подготовки своей замены в Тегеране. Кроме того, как следует из просьбы Н. Г. Гартвига, выясняется, что наставник наследника престола находился в контакте со Штабом Кавказского военного округа, что, не менее интересный факт для размышления, кстати, подтвержденный и другими архивными материалами.

Предлагаемое письмо, без сомнения, представляет большой научный интерес как источник по изучению не только политики России в Иране, но и истории русско-английского противоборства в этой стране. Ценность источника заключается в том, что он не был рассчитан для вышестоящих инстанций и таким образом представляет собой открытое изложение политических взглядов высокопоставленного русского дипломата по «персидскому вопросу». Письмо, как источник, может быть использовано при характеристике политики России в Иране в период конституционного движения, а также для раскрытия некоторых деталей англо-русских отношений.

32 «Записки К. Н. Смирнова. Персия». Предисловие, л. 1 об.—2.

33 Там же, л. 3.

А. С. ФЕДОРОВА

ВЫБОРЫ КАК ЭЛЕМЕНТ ИСЛАМСКОЙ ДЕМОКРАТИИ В ИРАНЕ

В последнее время исламские политические организации начинают все более активно использовать такой элемент европейской демократии, как выборы. Исламистские партии и группировки, даже считающиеся «террористическими» (например, Хамас в Палестине или Хезболла в Ливане), уверенно выступают на выборах всех уровней власти, получают места в парламентах, формируют правительства. Выборы, являющиеся одним из важнейших инструментов демократии, становятся инструментом «легализации» происламистских сил.

Мировое сообщество не может не считаться с политическими силами, которые являются легитимно избранными, и пользуются доверием и поддержкой народа. С одной стороны, придя к власти, исламистские организации вынуждены учитывать мнение мирового сообщества, что может привести к трансформации их идей, к постепенному переходу от радикализма в сторону прагматизма и умеренности (например, находящаяся у власти с 2000 г. в Турции партия Т. Эрдогана).

С другой стороны, несмотря на то, что результаты выборов нередко вызывают сомнения, это показатель того, что исламистские группировки, несомненно, пользуются в регионе большим доверием по сравнению с другими политическими силами. Примечательно и то, что нередко они пользуются поддержкой неисламского населения, как партия Хезболла в Ливане, которую поддерживают и православные, и греко-католики, и католики, и католики-марониты, и протестанты.

Эта тенденция может означать новый этап в развитии демократии, формирование некоего нового типа — «теодемократии», основанной на совершенно других принципах, нежели либеральная демократия западного образца, или напротив, она может свидетельствовать о полном поражении демократических сил на Ближнем Востоке. С этой точки зрения интересен опыт последних выборов в Иране (президентских в 2005 г. и выборов в Совет Экспертов и местные советы в 2006 г.)

Победа на состоявшихся в июне 2005 г. девярых в истории страны выборах президента ИРИ, представителя второго поколения иранских политиков консервативной направленности — мэра Тегерана Махмуда Ахмадинежада, сменившего на этом посту реформатора М. Хатами, стала одним из самых заметных событий, как во внутривнутриполитической жизни Ирана, так и региона в целом.

В начале выборной кампании Ахмадинежад был явным аутсайдером, однако, во время I тура он занял II место, и его отставание от фаворита гонки, экс-президента страны Али Акбара Хашеми-Рафсанджани, составило всего 1,5%. Во II туре, состоявшемся 24 июня Махмуд Ахмадинежад уверенно победил, получив 61,7% голосов избирателей, и почти вдове опередив Рафсанджани, который набрал 35,9%.

*Результаты президентских выборов в Иране
17 и 24 июня 2005 г.¹*

Кандидаты	Голосов в 1 раунде	%	Голосов во 2 раунде	%
Али Акбар Хашеми-Рафсанджани	6,211,937	21.13	10,046,701	35.93
Махмуд Ахмадинежад	5,711,696	19.43	17,284,782	61.69
Мехди Карруби	5,070,114	17.24	-	-
Мустафа Моин	4,095,827	13.93	-	-
Мохаммад Багер Галибаф	4,083,951	13.89	-	-
Али Лариджани	1,713,810	5.83	-	-
Мохсен Мехрализаде	1,288,640	4.38	-	-
Недействительные голоса	1,224,882	4.17	663,770	2.37
Общее количество голосов	29,400,857	100	27,959,253	100

Ключевую роль в этой победе сыграла активная поддержка его кандидатуры руководителем (духовным лидером) ИРИ аятоллой С.А. Хаменеи. Кроме того, кандидатуру Ахмадинежада поддержали бедные слои населения — иранцы, которые голосовали не столько за него, сколько против его соперника, главного претендента на этот пост, аятоллы Хашеми-Рафсанджани, который в их понимании был представителем «богачей». Ахмадинежад, выходец из простой семьи, с самого начала своей избирательной кампании позиционировал себя как защитника народа и верного приверженца идеалов исламской революции. Его идеи построения справедливого исламского общества оказались для народа более понятными и знакомыми, чем идеи либеральных реформ, выдвигаемые его противниками.

Победа Ахмадинежада над прагматичным политиком Хашеми-Рафсанджани, ставку на которого делали многие аналитики, многими была расценена как возврат страны к радикальному исламу и возможная остановка процессов либерализации.

¹ По материалам сайта http://en.wikipedia.org/wiki/Elections_in_Iran.

Избрание М. Ахмадинежада усилило позиции консервативного крыла иранского духовенства и политических деятелей и восстановило утраченные ими ранее позиции в местных органах самоуправления, парламенте и правительстве страны. Оно сопровождалось практически полной заменой руководства и высших должностных лиц министерств и ведомств, государственных организаций, банков и компаний и существенным усилением роли Наблюдательного Совета, как высшего органа конституционного надзора. По итогам выборов, консерваторы обеспечили свой контроль над всеми государственными институтами Ирана.

Ахмадинежад стал первым за последние 24 года президентом Ирана, не являющимся религиозным деятелем. Таким образом, формально духовенство снизило уровень своего присутствия в высшем эшелоне власти, но, по сути, фактически продолжают полностью контролировать ее.

Противники Ахмадинежада обвиняли его в использовании нечестных методов борьбы и подтасовках, а некоторые западные страны объявили выборы «недемократическими».

Главное нареkanie вызывает то, что многие кандидаты снимались с предвыборной дистанции или получили отказ в регистрации до начала выборной гонки. Отсеивает «неподходящих» кандидатов Наблюдательный Совет, тем самым гарантируя приход к власти тем силам, которые устраивают правящую верхушку духовенства. Так, например, в ходе последних президентских выборов в регистрации было отказано около тысячи кандидатов, в основном реформаторов, на последних выборах в меджлис Ирана (февраль 2004 г.), с предвыборной дистанции были сняты многие кандидаты реформаторского лагеря, что во многом обеспечило крупную победу «консерваторов».

Безусловно, такой строгий контроль над ходом выборов со стороны Наблюдательного Совета является серьезным отклонением от основополагающих демократических принципов. Основа этого заложена в самой конституции Ирана, согласно которой: «При создании политических структур, которые являются основанием общества, используется религиозное толкование этих вопросов ответственными деятелями системы правления и управления делами государства... Поэтому необходим серьезный и пристальный контроль со стороны справедливых праведных и преданных исламских богословов»². Таким образом, все органы власти Ирана обязаны получать не только легитимность со стороны народа, которую им обеспечивают выборы, но и «шариатскую легитимность» от факиха.

Принципиальная позиция любого исламского идеолога состоит в том, что ислам, предлагает совершенную форму правления, которая стоит безусловно выше любой другой, в том числе демократии. Демократия основы-

2 Конституция Исламской Республики Иран. Преамбула. М., 1994.

вается на суверенитете народа, а ислам признает только суверенитет Аллаха, волю которого правильно понять и воплотить в жизнь могут только компетентные в этих вопросах богословы. Совершенно понятно, что воля избирателей, не может быть признана, если она оспаривает исламский закон. Как сказал один из известных алжирских фундаменталистов: «За Бога не голосят, Ему подчиняются»³.

Таким образом, исламская демократия в иранском варианте представляется как своеобразная попытка сочетания светских и религиозных принципов построения государства, причем, религиозные ставятся как бы над светскими. Тем не менее, не стоит считать выборы в Иране «бутафорскими» и полностью контролируруемыми со стороны правящего духовенства. Махмуд Ахмадинежад был избран на пост президента не только из-за поддержки со стороны духовенства (среди его соперников были духовные лица), а из-за преимуществ своей программы, и эта победа обеспечивает легитимность его власти.

В декабре 2006 года в Иране были проведены совмещенные выборы: в Городские Исламские Советы и выборы в Совет Экспертов, одной из важнейших структур иранской власти, отвечающей за избрание, наблюдение или отстранение от должности Высшего духовного лидера Ирана (рахбара).

В Совет Экспертов входят 86 членов, сведущих в религиозной идеологии, которые избираются всеми гражданами Ирана, имеющими право голоса, сроком на восемь лет⁴. На прошедших выборах на места в Совете экспертов претендовали 180 кандидата. Борьба развернулась между сторонниками умеренно-консервативных сил — «умеренных реформаторов» или «прагматиков» — во главе с экс-президентом Ирана аятоллой Али Акбаром Хашеми-Рафсанджани и представителями «ультраконсерваторов», идейными лидером которых является духовный наставник президента Ахмадинежада аятолла Мохаммад Таги Месбах Язди.

Прошедшие выборы можно расценивать как своего рода референдум по отношению к политике нынешней исполнительной власти во главе с президентом Ахмадинежадом, представляющим радикальное крыло консерваторов. В результате этих выборов его сторонники фактически потерпели поражение и уступили «умеренным реформаторам» и сторонникам Али Акбара Хашеми-Рафсанджани, называемым обычно «прагматиками», которые получили в два раза больше мест в Совете Экспертов, чем «радикаль».

Несмотря на то, что действующий президент Ирана формально не поддерживал ни одну из сторон, большинство западных, российских и даже иранских исследователей отмечают, что это стало для него серьезным поражением. Впрочем, оно не стало неожиданностью, так как среди иранского

³ Цит. по: *Мирский Г.И.* «Политический ислам» и западное общество // Полис № 1, 2002. С. 83.

⁴ Совет Экспертов в 2006 г. избирали на 10 лет в виде исключения.

населения отмечен рост недовольства политикой, проводимой президентом Ахмадинежадом, не выполняющего своих предвыборных обещаний. Результаты минувших выборов стали для действующего президента Ирана своеобразным показателем того, что электорату ближе прагматические идеи, направленные на стабильность в обществе, чем жесткая радикальная позиция по вопросам внешней политики.

Одной из причин того, что консерваторы не смогли добиться того успеха, на который рассчитывали, стало ярко проявившееся во время предвыборной кампании, размежевание их сил. Консерваторам не удалось договориться и выступить с единым списком кандидатов. Тем не менее, не стоит преувеличивать степень поражения «радикально-консервативных» сил и сбрасывать их со счетов. Они по-прежнему обладают огромным влиянием в законодательной, исполнительной, служебной власти, а так же КСИР и спецслужбах Ирана. Предстоящие выборы 2008–2009 гг. могут стать решающими для Ирана в определении дальнейшего пути развития страны: будет ли это вариант, предложенный радикальными консерваторами, умеренными центристами или реформаторами, вновь усиливающими свое влияние в обществе.

Даже ход и результаты последних выборов, не являющихся столь значимыми для политической системы, как президентские или парламентские, дают возможность оценить степень влияния выборов на тенденции политического развития в рамках исламской государственности.

С одной стороны широкая система выборов от местных органов до рахбара позволяют считать иранский политический проект демократическим. Именно выборы и предвыборная борьба в Иране становятся ярким проявлением столкновения взглядов, реального влияния политических и религиозных лидеров, то есть, способствуют развитию демократических процессов в системе исламской государственности. Но с другой стороны, исламский режим, который использует демократические механизмы в качестве своеобразного «прикрытия», фактически может оставаться авторитарным. Возможно, оба эти момента свойственны тому своеобразному государственному строю, который создан шиитским духовенством в Иране.

С нашей точки зрения, Иран находится в самом начале пути построения демократии, и выборы, безусловно, являются важнейшим элементом постепенного формирования демократической политической культуры. «Иран стремится к демократическому исламу, но нам еще предстоит долгий путь, прежде чем мы достигнем поставленной цели» — сказал бывший президент Хатами. Истории известны факты, когда в результате демократических выборов к власти приходили тоталитарные партии и диктаторы.

Предложенная иранским руководством форма теодемократического правления может попытаться стать реальной альтернативой западной либеральной демократии, но так же она может превратиться в авторитарную дик-

татуру. Это зависит как от внутреннего состояния иранского общества, так и от влияния внешнеполитического фактора. Информационное сближение Ирана в период глобализации с мировым сообществом позволяет надеяться, что победят общедемократические тенденции, и если иранская теодемократия и не станет альтернативой западной демократии, но сможет стать одним из вариантов современного демократического общества.

Научное издание

ИРАН
История, экономика, культура
Памяти Салеха Мамедовича Алиева
Сборник статей

Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН

Верстка *А. В. Ельцевой*

Изд. лиц. ИД № 04697 от 28.04.2001 г.
Подписано в печать 30.11.09. Формат 70×100/16
Усл. п. л. 15. Уч.-изд. л. 13,2. Тираж 500 экз.
Заказ № 24221 (А-5м).

Институт востоковедения РАН
107031, Москва, ГСП, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом И. В. Зайцев

ОАО «Смоленский полиграфический комбинат».
214020, г. Смоленск, ул. Смольянинова, 1.